

Ладыгин Н. З., Смирнов Н. И.

НА РЖЕВСКОМ РУБЕЖЕ

Ржев
1992 год

Редактор Тарасов А. Е.
Фотограф Антипов И. В.
Художники Кондратьев В. Ф., Палшкова Н. А.

В книге повествуется о мужестве, негибаемой стойкости и массовом героизме советских людей – бойцов, командиров, политработников в ожесточенных многомесячных боях с гитлеровскими захватчиками у стен древнего русского города Ржева в 1941 – 1943 годах.

Книга написана на основе документальных материалов и воспоминаний участников боев за Ржев, большинство которых еще не использовалось в печати. Адресуется массовому читателю, особенно молодежи.

Памяти неизвестного солдата,
погибшего под Ржевом
в 42-м, посвящается

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ладыгин Игорь Зиновьевич родился в Ржеве в 1938 году. Работает собственным корреспондентом газеты «Тверская жизнь». Живет в Ржеве. Депутат Ржевского городского и Тверского областного Советов народных депутатов.

Смирнов Николай Иванович — уроженец деревни Селиваново Весьегонского района Тверской области. 30 лет преподает историю в учебных заведениях Ржева. Занимаются краеведением и экскурсионной работой. Кандидат исторических наук.

1. ОТ АВТОРОВ

Над Верхней Волгой обелиски
Белеют в травах на лугу.
Я составлял погибших списки,
Я перед павшими в долгу.

Виктор Тарбеев

Когда писателя Илью Эренбурга спросили, что ему «больше всего запомнилось из четырех лет войны», он ответил: «Ржев».

Старинному русскому городу на Верхней Волге выпала особая доля в Отечественной войне: Ржев семнадцать месяцев не только находился в фашистской оккупации, но и почти все это время был городом-фронтом.

Война — всегда трагедия, но и в этой трагедии наиболее горькими и мрачными были события 1941 и 1942 годов, когда в центре России, в верховьях рек Волги и Днепра, гибли наши армии в ожесточенных оборонительных и наступательных боях, в окружении с сильным и жестоким врагом.

Все выжившие в боях под Ржевом подчеркивают, что за всю войну они не знали сражений, равных этим по ожесточенности. Летом и осенью 1942 года земля под Ржевом стонала от поступи сотен танков, от разрывов бомб, снарядов и мин, а в малых реках текла красная от человеческой крови вода, целые поля были покрыты трупами, в ряде мест — в несколько слоев.

Из уважения к памяти погибших мы не имеем права говорить об этом периоде войны полуправду.

Нам, особенно молодежи, надо знать и глубоко понимать и события минувшей войны, и природу героизма. Здесь не лишним будет привести слова о героизме, сказанные Константином Симоновым на 4-ом съезде писателей: «Героизм проявлялся на войне во все ее периоды. Но все же, пожалуй, наивысший подвиг народного духа связан с наиболее трагическим периодом войны. И не будь проявлен этот героизм тогда, в сорок первом и сорок втором, мы не вошли бы в Берлин в сорок пятом».

Горькая и суровая правда о жестоких боях под Ржевом, называемых «боями местного значения», долго не находила

достойного места ни в публицистике, ни в художественной литературе. Только фронтовые поэты Алексей Сурков, Сергей Островой, Сибгат Хаким, Виктор Тарбеев и, прежде всего, Александр Твардовский в своем бессмертном стихотворении «Я убит подо Ржевом» не могли обойти эту печальную тему. Память о заживо сожженных в ржевских деревнях, замученных в концлагерях, оставшихся лежать незахороненными в ржевских болотах, в чащобе леса, в полях, на огородах и даже в помойных ямах, не должна ослабевать с годами. Сколько их — павших? Тех, кто поименно значится в военкомате, и тех, кто проходит по обидному списку «без вести пропавших». Сегодня можно сказать только приблизительно — много больше ста тысяч! Более ста тысяч судеб, жизней, в большинстве своем оборвавшихся в самом расцвете.

В конце 80-х — начале 90-х годов поисковые отряды и группы, ведя поиски на собственные средства в свободное от работы время, нашли и перезахоронили сотни и сотни останков погибших воинов. Эти в основном молодые ребята — А. Максимов, С. Белозеров, В. Кокорев, С. Петухов, И. Росляков, А. Халиманчук — свято чтут слова великого русского полководца А. В. Суворова: «Война не закончена до тех пор, пока не захоронен последний солдат». Только на территории одного Кокошкинского сельсовета они нашли и перезахоронили более полутора тысяч останков защитников Родины. Установлены имена почти ста воинов, ранее считавшихся пропавшими без вести.

Сорок две братские могилы находятся на территории Ржева и района. По данным Ржевского военкомата, в них покоится прах воинов более ста сорока стрелковых дивизий, пятидесяти отдельных стрелковых бригад, пятидесяти танковых бригад. Бои на так называемом Ржевском выступе захватили территорию нескольких соседних районов Тверской и Смоленской областей. В братских могилах этих районов захоронены десятки тысяч воинов. За цифрами со многими нулями — оборвавшиеся судьбы прекрасных людей, мечтавших выжить и победить.

Мы знаем имена героев: пехотинцев, которые закрывали своим телом амбразуры вражеских дотов, советских соколов, совершавших воздушные и наземные тараны, артиллеристов, продолжавших сражаться с оторванной рукой. Но мы не должны забывать о том, что героями являлись все, кто шел в атаку, кто шел в свой первый, а зачастую и в последний бой, зная, что бои под Ржевом, как подчеркивал в одном из

выступлений Константин Симонов, называют ржевской мясорубкой, и погиб, не успев получить ни одной медали.

Сотни тысяч и миллионы человеческих жизней, унесенных войной, не должны быть абстрактной цифрой. Но нельзя не согласиться с мыслью писателя Александра Крона, что «подхваченная народом крылатая фраза Ольги Берггольц «Никто не забыт и ничто не забыто» — это еще не констатация факта, а скорее призыв».

И потому с таким обостренным интересом встречаем каждое новое произведение, будь то очерк, рассказ, повесть или песня, посвященные ржевской теме.

Как-то в разговоре с Александром Твардовским писательница Елена Ржевская, фронтовая судьба которой как переводчицы при штабе 30-й армии более года была связана с Ржевом, заметила, что Ржев — одна из самых кровоточащих ран войны: мало таких городов, где все связывалось бы в такой жестокий узел — семнадцать месяцев оккупации, тягчайший фронт, голод, насилия оккупантов, изуверство предательства, осатаившие немцы-фронтовики, страшный лагерь советских военнопленных. Город находился более года под бомбами и беспощадным обстрелом своих.

Твардовский молча, пронизательно слушал, а потом сказал с подъемом и требовательно: «Вот так прямо и напишите...»

Ржевская тема стала одной из главных в творчестве Елены Ржевской, Вячеслава Кондратьева, Константина Воробьева.

К сожалению, нет еще книги военных историков, в которой с достаточной полнотой была бы изложена эпопея четырнадцатимесячных боев под Ржевом. Наверное, одной из главных причин отсутствия такой книги является то, что три наступательные операции Красной Армии под Ржевом в 1942 году кончились неудачей.

В книге дважды Героя Советского Союза генерала армии Д. Д. Лелюшенко «Москва-Сталинград-Берлин-Прага» из почти четырехсот страниц текста боям под Ржевом посвящено всего полстраницы, а если точнее, только 23 строки. А ведь автор мемуаров почти год командовал той самой 30-й армией, которая вела бои непосредственно под стенами Ржева с января 1942 года до его освобождения 3 марта 1943 года.

Германское командование и лично Гитлер неоднократно требовали от своих войск удерживать Ржев любой ценой. В 1942 году у нас еще не хватало сил, особенно военной техники, боеприпасов, а советские военачальники еще только приобретали опыт проведения крупных наступательных опера-

ций. Две наступательные операции — в начале и в конце 1942 года — с целью ликвидации Ржевского плацдарма противника, закончились окружением значительной части наших войск.

Когда знакомишься с документами, читаешь воспоминания участников боев за Ржев, то невольно возникает мысль, что это были не бои, а бессмысленное избиение, уничтожение наших бойцов. Командир поискового отряда «Памяти 29-й армии» И. Росляков в своей статье приводит воспоминания очевидца, помнившего немецкого пулеметчика: «Так вот последний, посидев в деревенском доме у печки и прогрев руки, говорил: «Пошли постреляем, русские в атаку пошли, слышишь, кричат!...» И шел к своему пулемету, стоящему на пригорке, расстреливать русских ребят, которые в серых шинелях брели по заснеженному полю в атаку. Перестреляв все эти «цели», немецкий пулеметчик шел в дом и опять грел руки и пил кофе, дожидаясь пока опять не послышится «грозное» ура-а-а.»

Одной из причин огромных потерь под Ржевом можно считать жестко централизованную систему управления войсками И. В. Сталиным, который вмешивался в дела не только командующих фронтами, но и армиями, и даже дивизиями, хотя, как писал Г. К. Жуков, «его профессиональные знания были недостаточными не только в начале войны, но и до самого ее конца». Только после перелома в войне, когда И. В. Сталин стал чаще считаться с мнением военачальников, прославились командовавшие под Ржевом фронтами Г. К. Жуков, И. С. Конев, В. Д. Соколовский, М. А. Пуркаев, командармы Д. Д. Лелюченко, В. С. Поленов, В. Я. Колпакчи, В. И. Швецов.

Ржев не стал, как мечтали фашистские генералы, «трамплином для прыжка на Москву» ни в 1942, ни в 1943 году. Летом и осенью 1942 года армии Калининского и Западного фронтов не только навсегда похоронили план гитлеровского командования — начать с ржевско-вяземского плацдарма новое наступление на Москву, но и, отвлекая на себя крупные вражеские силы, не позволили гитлеровцам перебросить к Сталинграду, где решалась судьба войны, ни одной дивизии.

Значение боев под Ржевом для нашей общей победы в войне подчеркивалось в приказе Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина в день Красной Армии и Военно-Морского флота 23 февраля 1943 года: «Навсегда сохранит наш народ память о героической обороне Севастополя и Одессы, об упорных боях под Москвой и в предгорьях Кавказа, в районе Ржева и под Ленинградом, о величайшем в истории войн сражении у стен Сталинграда».

Авторы данной книги поставили своей целью рассказать о длительных и кровопролитных боях под Ржевом в хронологической последовательности отдельных боевых операций и эпизодов. Конечно, в кратком военно-историческом очерке в первой части книги и рассказах об отдельных эпизодах и героях битвы за Ржев во второй ее части (в разделе «Не померкнет никогда») тема битвы за Ржев не может быть раскрыта полностью. Но в литературе еще нет книги, в которой хотя бы в самом общем плане давалась последовательная картина боев за Ржев в 1941—1943 годах. Изданные к 20-летию и 30-летию освобождения Ржева от фашистской оккупации и давно ставшие библиографической редкостью книги «На Ржевской земле» и «В боях за Ржев» являются сборниками отдельных разрозненных материалов и воспоминаний ветеранов войны и военных писателей об отдельных эпизодах боев и подвигах воинов, партизан, подпольщиков, Героев Советского Союза — ржевлян и не дают цельного представления о боях за Ржев.

В своей работе авторы, ознакомившись с подавляющим большинством печатных исторических работ и мемуаров, в которых в какой-либо мере рассказывается или упоминается о боях под Ржевом, используют, прежде всего, письменные и устные воспоминания участников описываемых событий — бывших младших командиров и рядовых бойцов, в том числе ржевлян. Большинство первоисточников собраны в Ржевском архиве и краеведческом музее, где имеются копии документов из архива Министерства обороны СССР, а также в военкомате, в школах города и района.

При цитировании воспоминаний ветеранов некоторые фамилии действующих лиц приводятся без инициалов и воинских званий. Уточнить имена и звания не всегда представлялось возможным, так как десятки тысяч погибших под Ржевом не числятся в поименной картотеке погибших, которая находится в военкомате. Известно, что прибывавших на передовую поздним вечером с пополнением бойцов не всегда успевали даже занести в списки части, а в утренней атаке они погибали.

Книга рассчитана как на людей старшего поколения, для которых Ржев — это непроходимая боль, так и для молодежи, которая сможет найти в ней примеры мужества, патриотизма советского человека, прошедшего проверку в огненном испытании войны.

Авторы считают, что данный материал поможет военно-патриотическому воспитанию молодежи нашего края, долг которой — помнить все, что было на нашей земле.

II. К ЗАПАДУ ОТ РЖЕВА «Мы покидали город на рассвете. . .»

Мы запомним суровую осень,
Скрежет танков и отблеск стыков,
И в сердцах будут жить 28
Самых храбрых твоих сынов.

М. Лисянский

Ржев был захвачен немецко-фашистскими оккупантами на 115-й день войны в ходе их «генерального» наступления на Москву под кодовым названием «Тайфун». Этим зловещим словом фашистские главарь подчеркивали стремительный характер завершающей, как они полагали, операции «молниеносной войны».

Осенние дни 1941 года были самыми грозными в ходе всей Великой Отечественной войны. Наступавшая на Москву группа армий «Центр» превосходила противостоящие войска трех наших фронтов по численности войск и вооружений в полтора-два раза. 30 сентября 1941 года немецко-фашистские войска прорвали оборону Брянского фронта, а 2 октября нанесли мощный удар во войскам Западного и Резервного фронтов, окружив к 7 октября западнее Вязьмы 19, 20, 24, и 32-ю армии. Окруженные армии оказали врагу упорное сопротивление и своей героической борьбой сковали около 30 немецко-фашистских дивизий. В это время 22, 29 и 31-я армии с боями отходили к рубежу Осташков-Селижарово-Молодой Туд-Сычевка. На этом рубеже в течение нескольких месяцев создавалась оборонительная полоса. Ее строительством руководил штаб 31-й армии, размещавшийся с конца июля 1941 года в Ржеве.

По мере приближения линии фронта к городу проводилась эвакуация оборудования предприятий в восточные районы страны. Первая бомбардировка Ржева фашистской авиацией, в основном железнодорожных его объектов, была совершена 19 июля. Уже наступала короткая летняя ночь, когда два десятка тяжелых бомбардировщиков, осветив территорию железнодорожного узла ракетами, несмотря на заградительный зенитный огонь, сбросили бомбы. В это время на разъезде Мелихово стоял состав с боеприпасами. Одна из бомб разорвалась вблизи состава. Загорелись вагоны. Весь состав в любую минуту мог взлететь на воздух. Андрей Красношапка вместе с помощником машиниста из Вязьмы подполз к поезду

и, обжигая руки, расцепил вагоны. Часть вагонов успели отогнать в безопасное место. Осколками рвавшихся снарядов был убит помощник машиниста, а А. Красношапка ранен.

Но до октября Ржев от фашистской авиации пострадал незначительно. С началом наступления фашистов на Москву, город подвергался почти непрерывной бомбардировке с воздуха: целыми днями и ночами фашистские стервятники кружили над городом, обрушивая на промышленные предприятия, железную дорогу и жилые кварталы фугасные и зажигательные бомбы. Пылали дома, гибли люди.

С июля до начала октября тысячи жителей Ржева и района ежедневно работали в отрядах народного ополчения на строительстве оборонительных сооружений. Это был напряженный, героический труд, уже в июле рабочий день достигал четырнадцати часов в сутки.

Осенью напряжение на строительстве оборонительных рубежей возросло. Шли бои под городом Белый. Ночью, приложив голову к земле, можно было услышать, как она стонет от артиллерийской канонады. Ржевляне горячо надеялись, что враг не прорвет наши оборонительные рубежи, и работали, не жалея сил.

Гитлеровцы, осуществляя свой план взятия Москвы «в клещи», бросили на северо-западное направление крупные силы: 3-ю танковую группу генерала Гота (вскоре эту танковую группу принял от Гота Рейнгардт) в составе трех танковых и двух механизированных дивизий, и 9-ю армию генерала Штрауса в составе 16 пехотных дивизий и 8-го полка СС «Мертвая голова». Уверенность фашистского руководства в скорой победе была настолько велика, что министр пропаганды Геббельс дал указание редакциям берлинских газет оставить 12 октября первую полосу чистой для помещения сообщения о падении советской столицы.

10 октября решением Ставки Верховного Главнокомандования Западный и Резервный фронты были объединены в один Западный фронт, который возглавил отозванный Сталиным из Ленинграда Г. К. Жуков. Наши войска с боями отходили к Калинин и Можайской линии обороны. Западнее Ржева оборонялись 31-я армия и группа генерал-лейтенанта И. В. Болдина. В районе Оленино гитлеровцев на четыре дня задержали войска 119-й стрелковой дивизии и артиллерийские части. Руководил этими ожесточенными боями командир дивизии генерал-майор А. Д. Березин и полковой комиссар Д. И. Шернин. Эти части и соединения отступили, заполнив противотанко-

вый ров западнее Оленино трупами фашистов, только 12 октября, когда враг был уже в Старице. За героические бои западнее Ржева 119-я дивизия позднее была переименована в 17-ю гвардейскую.

На 4 дня, с 7 по 10 октября, враг был задержан под Сычевкой. Сюда на машинах была переброшена оперативная группа войск под командованием генерал-майора В. С. Поленова, получившая приказ не допустить прорыва противника на Ржев и Волоколамск. Из Ржева в Сычевку прибыла армейская группа во главе с начальником политотдела 1-й армии Л. Ф. Борисовым. Сплоченные командирами и политработниками, все части и подразделения показали в боях под Сычевкой несгибаемую стойкость. 7 октября оперативная группа войск не только остановила передовые отряды 3-й танковой группы у села Андреевское, но и отбросила врага на 5-8 километров.

Военный совет Западного фронта. Слева направо: Г. К. Жуков, В. Д. Соколовский, И. С. Хохлов.

Юго-западнее Сычевки гитлеровцы потеряли более сорока танков и сотни солдат и офицеров. Прочная активная оборона оперативной группы генерала В. С. Поленова вынудила командира наступавшей на Сычевку немецкой танковой дивизии обратиться к командующему 3-й танковой группы Рейнгардту с таким докладом: «Натиск Красной Армии в направлении Сычевки настолько сильный, что я ввел в бой последние силы своих гренадеров. Если этот натиск будет продолжаться, мне не сдержать фронта и я вынужден буду отступить».

10 октября противник предпринял обход Сычевки с юго-запада. Отсюда на Зубцов двинулся 41-й немецкий моторизованный корпус в составе двух танковых и одной моторизованной дивизий. В этот день в Сычевке была отбита еще одна танковая атака, но врагу все-таки удалось ворваться в город с запада. Уличные бои продолжались до четырех часов дня.

11 октября части 41-го моторизованного корпуса врага заняли Зубцов и Погорелое Городище, 12 октября — Лотошино и Старицу. Таким образом, передовые подразделения врага, минуя Ржев, выдвигались к Калинин.

Генерал С. И. Руденко, командовавший в то время 31-й авиационной дивизией, вспоминает: «Рано утром фашистские самолеты совершили налет на Старицу. А нам было известно, что противник наступление танковых групп почти всегда упреждал ударами с воздуха. Поэтому мы штаб перевели из Старицы в лес, а разведчикам поставили задачу найти место сосредоточения вражеских танков. Вскоре после вылета они доложили по радио, что на дороге Ржев-Старица неприятельских войск нет. Идут отдельные подводы. Видимо, отходят наши обозы.

Примерно, часов в 12 ко мне прибежал начальник связи капитан Слухаев и доложил: «Товарищ командир, немецкие танки идут на Старицу». Я вышел из КП, прислушался: точно, слышна стрельба. Вот так поворот, думаю. Ведь наша воздушная разведка не обнаружила танков. Позже выяснилось, что они прошли не по большаку, а по проселочной дороге, закрытой лесом, откуда мы их совсем не ждали».

Чтобы устранить опасность захвата Москвы с севера, советское командование срочно стягивало с разных направлений к Калинин несколько дивизий.

11 октября, когда немецко-фашистские войска ворвались в Зубцов, в Ржевском кинотеатре «Светоч» партизаны получали оружие и шли небольшими группами в леса.

Днем 13 октября из района Селижарово в Ржев в штаб 29-й армии приехал заместитель Г. К. Жукова генерал-полковник И. С. Конев. Было ясно, что главный удар на Калинин враг, обойдя Ржев с юго-востока, наносит через Зубцов и Старицу, а на рубеже Селижарово-Ржев пехотные дивизии 9-й и 16-й немецких армий наносили вспомогательный удар. В своих воспоминаниях И. С. Конев писал: «Я приказал 22-й армии организовать оборону на левом берегу Волги от Селижарова до Бахмутова, прикрывая Торжокское направление. 29-я армия в составе шести стрелковых дивизий, прикрыв Ржев и мосты через Волгу, должна была собрать основные силы в кулак, переправить их к Акшеву на правый берег Волги и нанести удар в тыл группировки противника, прорвавшейся к Калининскому». И. С. Конев считал, что быстрое и четкое выполнение этого маневра могло бы остановить наступление врага на Калинин. Но командующий 29-й армией генерал-майор И. И. Масленников не только не выполнил приказа И. С. Конева, но и тайно обжаловал его Л. П. Берии. Об этом И. С. Конев узнал только в 1953 году, когда был председателем суда над Берией.

В 5 часов вечера 13 октября передовые части немцев заняли село Даниловское под Калининским, а 14 октября соединения 41-го моторизованного корпуса 3-й танковой группы противника, поддерживаемые авиацией, отбросив подразделения 5-й стрелковой дивизии, которая только что начала организовывать оборону у Мигалово, ворвались в правобережную часть Калининна.

Этот день, 14 октября 1941 года, стал самым черным днем и в многовековой истории города Ржева. Наши войска вынуждены были уйти из Ржева. Они шли не на восток, а на северо-запад, в сторону Луковниково-Торжка. Горькую боль отступления и веру в нашу победу глубоко выразил тогда поэт Сергей Островой, с августа 1941 года работавший в размещавшейся в Ржеве редакции газеты 31-й армии «На врага»:

Уже земля под танками устала,
Горят вдали Сычевка и Зубцов.
Мы отступаем. О, когда б ты знала,
Как тяжело покинуть отчий кров!

Тебе не скрыться, ты за все в ответе.
Ты отдал дом, земли не пожалел.
Мы покидали город на рассвете,
И мир тогда от горя пошел.

И, словно нашу совесть карауля,
Детишек сонных матери вели.
Тогда мой старый друг Ефим Зозуля
Поднял на память горсть сухой земли

И, побледнев от горести и гнева,
Встал, обращенный к западу лицом.
И, сжав кулак и уходя из Ржева,
Мы все клялись, что мы назад придем.

Под непрекращающейся бомбардировкой и даже под пулеметным огнем врага депутат Верховного Совета СССР ржевский машинист П. Ф. Веновский с горящей станции Ржев-1 угонял последний состав в сторону Торжка.

14 октября, когда в Ржев ворвались вражеские танки и пехота, город обстреливался нашей артиллерией. В этот день был убит немецкий генерал, который одним из первых вошел в Ржев.

С захватом немецко-фашистскими войсками Ржева и Калининна возникла угроза прорыва противника в этом районе растянутой обороны Западного фронта и удара на Москву с севера. В этой напряженной обстановке 19 октября Ставкой Верховного Главнокомандования был сформирован Калининский фронт, командующим которого был назначен генерал-полковник И. С. Конев. До 5 декабря войска Калининского фронта вели ожесточенные оборонительные бои.

Одним из главных направлений в битве за Москву явилось Волоколамское. Тихое до войны Волоколамское шоссе стало легендарным, когда страна узнала о подвиге двадцати восьми воинов из дивизии генерал-майора И. В. Панфилова, остановивших 16 ноября у разъезда Дубосеково 50 вражеских танков. Слова политрука Василия Клочкова: «Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва» — стали девизом всех защитников Москвы.

В конце ноября-начале декабря немецко-фашистские армии приблизились к Москве на расстояние 25-30 километров. Они перерезали семь железных дорог из одиннадцати, которые связывали столицу со страной.

Но Москва выстояла. Контрудары, нанесенные 5-6 декабря 1941 года по главным группировкам врага севернее и южнее столицы, переросли в контрнаступление Калининского, Западного и Юго-Западного фронтов. 16 декабря части 29-й и 31-й армий вошли в Калинин.

Командир 8-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майор И. В. Панфилов (крайний слева).

Во второй половине декабря наступление войск Калининского фронта продолжалось в направлении Старицы и Ржева. Гитлеровцы принялись возводить оборонительные рубежи в поселках и городах Погорелое Городище, Зубцов, Ржев, Оленино, Белый. По берегам рек Волга, Бойня, Держа, Кокша, Сишка строились противотанковые и противопехотные препятствия. На улицах Ржева появились доты, переходы между домами минировались.

1 января 1942 года 247-я, 252-я и 375-я стрелковые дивизии освободили Старицу. Завязались упорные бои на подступах к Ржеву. Взять Ржев с ходу со стороны Старицы не удалось.

О январском наступлении вспоминает ветеран 375-й стрелковой дивизии, кавалер восьми боевых орденов, полковник

в отставке, трижды раненый под Ржевом, Иван Александрович Девашенко:

«После освобождения Старицы 1243-й стрелковый полк под командованием капитана Серафима Владимировича Чернозерского продолжал наступать вдоль шоссе Старица-Ржев и третьего января достиг рубежа Гушино-Крупцово, где встретил сильное сопротивление противника, завязались упорные бои. Сил в полку, после месячного наступления, было недостаточно. Капитан Чернозерский решил обойти оборону врага с фланга и внезапно атаковать его. Дерзкого удара уральцев враг не выдержал, оставил на поле боя немало убитыми и ранеными, но полк понес тяжелые потери». В этом бою был ранен в лицо С. В. Чернозерский. Комдив Н. А. Соколов назначил командиром 1243-го полка капитана И. А. Девашенко.

Наступление остановилось в двадцати-двадцати пяти километрах от Ржева. Против группы немецких армий встали под Ржевом 22-я, 39-я, 29-я, 30-я и 31-я армии Калининского и Западного фронтов.

Через огненный коридор

Бьет в лица пожарища запах,
Пурга ледяная метет.
На запад, измученный запад,
Нас ненависть наша ведет.

Политрук И. Зарайский,
январь 1942 года.

К началу января 1942 года в ходе контрнаступления Красной Армии враг был отброшен от столицы на 100—250 километров. Именно район в 20-30 километрах западнее Ржева, куда к 7 января 1942 года выходили армии Калининского фронта, и находился в двухстах пятидесяти километрах от Москвы.

5 января 1942 года в Ставке Верховного Главнокомандования обсуждался проект плана общего наступления Красной Армии зимой 1942 года. Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин считал, что наступил самый подходящий момент для перехода в общее наступление на всех основных направлениях — от Ладожского озера до Черного моря. Вот как описывал ход заседания Ставки командующий Западным фронтом Г. К. Жуков:

«После информации Б. М. Шапошникова о положении на фронтах и изложения им проекта плана И. В. Сталин сказал: «Немцы в растерянности от поражения под Москвой, они плохо подготовились к зиме. Сейчас самый подходящий момент для перехода в общее наступление. Враг рассчитывает задержать наше наступление до весны, чтобы весной, собрав силы, вновь перейти к активным действиям. Он хочет выиграть время и получить передышку».

Изложив свое понимание возможной перспективы войны, Верховный перешел к практическим действиям отдельных фронтов.

Замысел Верховного Главнокомандования был таков. Учитывая успешный ход контрнаступления войск западного направления, целью общего наступления поставить разгром противника на всех фронтах. . .

Изложив этот проект, И. В. Сталин предложил высказаться присутствовавшим. «На западном направлении, — доложил я, — где создались более благоприятные условия и противник еще не успел восстановить боеспособность своих частей, надо продолжать наступление. Но для успешного исхода дела необходимо пополнить войска личным составом, боевой техникой и усилить резервами, в первую очередь танковыми

частями. Если мы это пополнение не получим, наступление не может быть успешным.

Что касается наступления наших войск под Ленинградом и на юго-западном направлении, то там наши войска стоят перед серьезной обороной противника. Без наличия мощных артиллерийских средств они не смогут прорвать оборону, сами измотаются и понесут большие, ничем не оправданные потери. Я за то, чтобы усилить фронты западного направления и здесь вести более мощное наступление».

Г. К. Жуков поддержал только Н. А. Вознесенский, остальные промолчали. Ставка приняла решение вести зимнее наступление на всех фронтах. Это предопределило судьбу Ржева: быть более года фронтовым городом.

В военных мемуарах «Воспоминания и размышления» Г. К. Жуков утверждает: «Если бы тогда Ставка могла нам дать хотя бы четыре армии на усиление (по одной для Калининского и Брянского фронтов и две для Западного фронта), мы получили бы реальную возможность нанести врагу более сильный удар и еще дальше отбросить его от Москвы, а возможно, даже выйти на линию Витебск — Смоленск — Брянск».

8 января 1942 года Калининский фронт начал Ржевско-Вяземскую операцию, являвшуюся частью общего наступления Красной Армии и продолжавшуюся до 20 апреля 1942 года. Главная роль в этой операции отводилась Западному фронту, наступавшему силами девяти армий и двух кавалерийских корпусов и наносившему основной удар в районе Вязьмы. Командованием была разработана смелая и дальновидная операция: силами Северо-Западного, Калининского и Западного фронтов окружить и уничтожить Ржевско-Гжатско-Вяземскую группировку противника. На основе директивы Ставки от 7 января, подписанной И. В. Сталиным и А. М. Василевским, Калининский фронт двумя усиленными армиями в составе четырнадцати-пятнадцати стрелковых дивизий и кавалерийского корпуса должен был наступать западнее Ржева в общем направлении на юг — на Сычевку и Вязьму.

Главный удар по врагу западнее Ржева наносила 39-я армия под командованием генерал-майора И. И. Масленникова. Прибывший на командный пункт армии командующий Калининским фронтом И. С. Конев познакомил штаб армии с общим замыслом предстоящей операции, на местности уточнил участок прорыва. Поскольку 39-я армия была слабо обеспечена ударными силами и огневыми средствами, было решено начать наступление затемно.

Сосредоточившись на узком участке фронта, танки после кратковременной артиллерийской подготовки прорвали немецко-фашистскую оборону в 15-20 километрах западнее Ржева, в районе деревень Ножкино и Кокошкино, расположенных на левом и правом берегах Волги, которая в пределах Ржевского района быстро несет свои воды с запада на восток.

Полковник А. В. Егоров, в те дни командир танкового полка, входившего в состав 8-й танковой бригады под командованием П. А. Ротмистрова, так рассказывал о преодолении скованной льдом Волги в районе деревни Ножкино: «До Волги недалеко, но продвигаемся к ней все время под вражеским огнем. Выбравшись из снежных заносов, замечаем очертания деревни. Это Ножкино. За ней берег Волги. Ускоряем ход. Вперед вырвался КВ старшего лейтенанта Ляшенко. Он маневрирует и мчится прямо на огневую позицию противотанковой батареи. Немецкая пехота, рассыпавшись по лесу, отступает. По КВ почти в упор дважды ударила пушка. Каким-то чудом танк Ляшенко увернулся от этих снарядов и подмял под себя бившее по нему орудие. Подоспевшие за Ляшенко КВ завершили разгром гитлеровцев и ворвались в деревню.

... Вот он, наконец-то, берег Волги, великой русской реки! Мы снова вернулись к ней. Одно сознание этого прибавляет нам сил. ... В тот день мы форсировали Волгу, но дальше продвигались медленно. Немцы ежедневно по нескольку раз переходили в яростные контратаки, стремясь закрыть образовавшуюся брешь в своей обороне и не допустить прорыва наших танков в обход Ржева с северо-запада».

Но враг не смог сдержать натиска наших частей. Стрелковые дивизии 39-й армии с тяжелыми боями устремились на юг, в район Сычевки, и уже в конце января, продвинувшись на 50-60 километров, подходили к ней с запада.

В прорыв шириной до восьми километров 12 января были введены 11-й кавалерийский корпус под командованием полковника С. В. Соколова и 29-я армия генерал-майора В. И. Швецова. Перед 29-й армией ставилась задача расширить плацдарм западнее Ржева, удерживать фланги в месте прорыва вражеской обороны и дивизиями левого фланга совместно с 31-й армией овладеть Ржевом.

О трудностях зимнего продвижения, особенно артиллерийских частей и подразделений, рассказал командир 185-й стрелковой дивизии подполковник С. Г. Поплавский: «Нашей дивизии, вошедшей в состав 29-й армии, было приказано продвигаться в направлении Кокошкино, а затем сосредоточиться в районе Мончалово. Марш предстоял длительный

и нелегкий, крепчали морозы, проселочные дороги были занесены глубоким снегом. Артиллерийский полк был, в основном, на конной тяге. Лошади же выбились из сил. Из-за недостатка горючего приотстали машины с боеприпасами.

Посоветовавшись, мы с комиссаром И. В. Куракиным разрешили командиру артполка задержаться на день, чтобы привести полк в порядок. Стрелковые же полки, несмотря на сложные погодные условия, к 15 января сосредоточились в Мончалове. Вовремя добрался туда, преодолевая снежные сугробы, и зенитно-артиллерийский дивизион, возглавляемый майором Орловым, энергии которого можно было позавидовать. Забегая вперед, скажу, что его подчиненных отличала высокая боевая выучка. Лишь в одном из боев они сбили семь вражеских самолетов из девяти пикировавших на КП дивизии — факт прямо-таки невероятный».

Посильную, но недостаточную помощь оказывала наступавшим армиям авиация. Вот как об этом вспоминал назначенный в те дни командующим BBC Калининского фронта генерал-майор авиации С. И. Руденко:

«Войска Калининского фронта вели бои на подступах к Ржеву. Там развивались основные события. Чувствовал я себя, словно в родных местах, так как здесь, в этом районе, воевал в 1941 году. Знал каждый населенный пункт, каждую дорогу и радовался, что отсюда мы погнались немцев на запад.

После беседы с И. С. Коневым заглянул в родную 31-ю авиадивизию. Командовал ею прославленный летчик нашей страны комбриг М. М. Громов, его заместителем был генерал Г. Ф. Байдуков, совершивший вместе с В. П. Чкаловым беспосадочные перелеты и легендарный полет из Москвы через Северный полюс в Америку. Один из полков возглавлял Б. А. Юмашев, напарник Громова по перелету. ...

Условия для действий авиации становились все труднее. К тому же ощущалась нехватка самолетов в частях. Но даже имеющиеся самолеты не всегда удавалось поднять в воздух из-за нелетной погоды. Но и в этих условиях наши полки вместе с группой И. Ф. Петрова совершили 4 и 5 января налеты на аэродромы врага в Ржеве и Великих Луках. Девять Ю-52 они сожгли на стоянке и один бомбардировщик ДО-217 сбили в воздухе. ... 11 января погода позволила ударить по Ржевскому аэродрому. В результате бомбардировки было уничтожено еще пять «юнкерсов» на стоянках и четыре самолета в воздухе. Войска нашего фронта, действовавшие под Ржевом, изо дня в день наращивали активность. Наземные части при поддержке

авиации вели упорные наступательные бои против крупной вражеской группировки».

В итоге начального периода Ржевско-Вяземской наступательной операции в полуокружении оказались семь немецких дивизий в районе Оленино, девять — в районе Ржева и Сычевки и тринадцать — в районе Вязьмы и Юхнова.

Велика была радость жителей освобожденных деревень, переживших ужасы 3-х месячной фашистской оккупации. Ржевитянин Геннадий Михайлович Бойцов, которому в мае 1942 года исполнилось 13 лет, живший тогда с матерью, дедом и 15-летним братом в деревне Филково, располагавшейся недалеко от Павлюков, Пятницкого, Макарова, Крутиков, вспоминает, как жители этих деревень получили первую весточку от родной армии: в начале января прилетел «кукурузник» и сбросил листовки. Из текста листовки навсегда запомнились такие строчки: «Затирайте пиво, квас — в Рождество будем у вас». Всколыхнулись, заволновались деревни: надежды жителей на скорое освобождение после Рождества сменились сомнениями.

Вечером 9 января молодежь деревни Филково, в основном девушки, собралась на вечеринку в здании школы. И вдруг к ним вошли военные в белых масках, с автоматами. Девушки испугались, прижались по углам. Один из военных улыбнулся и сдернул башлык: на его шапке сияла красная звездочка. Трудно передать радость освобожденных — бойцов обнимали, целовали.

По деревне шли наши лыжники, позднее прошли подводы с пулеметами. А потом потянулась артиллерия. Зима 1941—1942 года выдалась на редкость снежной и морозной. Лошади с трудом, выбиваясь из сил, тянули тяжелые орудия.

С востока, от Осуйского, немцы начали наступление, и в деревнях появились первые раненые красноармейцы. Вскоре всю деревню заняла кавалерия. Конники, хорошо вооруженные, в новых полушубках, в валенках, уверенно говорили жителям, что немцев им теперь не видать как своих ушей. К сожалению, оптимизм кавалеристов не оправдался: деревни Мироново, Ступино, Дворково, Макарово, Зуи, Филково и многие другие полгода, до выхода 39-й армии из окружения, находились на линии фронта.

11-й кавалерийский корпус продвинулся на 110 километров к югу и, перерезав в конце января Минское шоссе, выходил к Вязьме. Ему оставалось преодолеть несколько километров, чтобы соединиться с наступавшим с востока 1-м гвардейским

кавалерийским корпусом генерала П. А. Белова. Из-за отсутствия тяжелых танков и артиллерии сделать этого не удалось.

Дивизии левого крыла 29-й армии с 12 января вели наступление на Ржев с запада и юго-запада.

До 19 января 174-я, 246-я и 252-я стрелковые дивизии пытались прорваться к Ржеву через деревни, расположенные на левом и правом берегах Волги: Лазарево, Митьково, Спас-Митьково, Редькино, Бурмусово, Хорошево. Но выйти к Ржеву, наступая вдоль Волги под сильным артиллерийским огнем, ударами с воздуха, отражая многочисленные контратаки пехоты и танков врага, нашим дивизиям не удалось. Об ожесточенном сопротивлении немцев свидетельствуют трехдневные бои 908-го стрелкового полка 246-й дивизии за овладение деревней Нечаево. Улица деревни была буквально завалена трупами, но немцы удерживали этот пункт, не отступая даже в рукопашных схватках. Потери полка были огромны. 17 января погиб и командир полка майор В. С. Первозников.

После пополнения стрелковых подразделений личным составом и перегруппировки сил командующий армией решил усилить натиск на врага правее — в центре армии, где на Ржев наступали 183-я и 185-я стрелковые дивизии. 174-я дивизия повела наступление на Копытиху, 246-я дивизия сменив части 252-й дивизии, переданной в состав 39-й армии, заняла оборону у деревень Поленичино и Князево.

185-я стрелковая дивизия под командованием подполковника С. Г. Поплавского вела бои за деревню Толстиково, от которой до Ржева оставалось десять километров. Слева от нее наступала 183-я дивизия генерал-майора К. В. Комиссарова на деревни Перхурово и Шунино с тем, чтобы прорваться к Ржеву через Муравьево, которое находится в пяти километрах западнее Ржева. Справа наступала 381-я стрелковая дивизия.

В ожесточенных боях 17—20 января деревни Толстиково, Перхурово, Муравьево и другие несколько раз переходили из рук в руки.

Об этих боях, о яростных контратаках врага, использовавшего большое количество танков, написал яркие воспоминания командир 8-й роты 285-го стрелкового полка 183-й дивизии Павел Осипович Быстров:

«Утром полк получил приказ наступать на Перхурово. Оно стоит на возвышенности посреди чистого поля, чуть дальше Шунино, за ним Муравьево, а там и до Ржева рукой подать.

Командир полка подполковник Ильичев и комиссар Гронь передали мне Красное знамя, которое я должен был водрузить над городом.

Началась артподготовка. Через несколько минут с фланга поднялся 295-й полк. От нас до деревни оставалось не более пятидесяти метров, но узкая полоска вдруг вздыбилась сплошным разрывом мин. Первая атака захлебнулась.

Но приказ был один: взять Перхурово. В роте у меня осталось шесть бойцов. Наутро нам придали батальон лыжников, имеющий 15 пулеметов. И снова наша атака была отбита. Я остался с четырьмя красноармейцами. А приказ надо выполнять. Отыскал командира лыжников и предложил ночью обойти деревню и ворваться с тыла. Оставив с фронта прикрытие, за ночь обошли деревню и скрытно подошли к крайним домам. Тут нас заметил патруль, открыл огонь, но было поздно. Мы ворвались на улицу и пошли в штыковую. Все перемешалось. Кололи штыками, били из пистолетов, гранатами. . .

К утру рота заняла оборону за деревней. Немцы бросили на Перхурово танки. Наши отступили, но ночью мы снова выбили фашистов, однако деревни уже не было, остались одни пепелища.

Впереди было Муравьево. Остатки полка свели в три роты по двадцать-тридцать человек. Командовать сводным батальоном поручили мне. На переходе получили новый приказ — взять Шунино. Немцы пустили бронепоезд, который бил по нашим боевым порядкам. И все-таки Шунино взяли сравнительно легко. . . За ночь немцы, пустив танки, отбили Шунино. . . Нам удалось занять половину деревни Муравьево, но долго удержать ее не могли. Боеприпасы таяли.

Остатки полка заняли оборону в кустах под деревней Шунино. Мимо нас по дороге проползли немецкие танки, но с танками нам нечем было драться. Я понял, что вскоре надо ждать вражескую пехоту. И вот она двинулась, спокойно, колонной, считая, что русских тут уже нет. Мы ударили из двух пулеметов: на правом — я из «максима», на левом — политрук Хлуденев из ручного. Колонна дрогнула, смешалась, рассыпалась. Вдруг на левом фланге умолк пулемет. Я кинулся туда. Хлуденев, уронив голову на приклад, упал мертвый. Пулемет был разбит. Немцы прорвались к кустам и стали нас окружать. Я пересчитал своих — осталось четверо. . . Командир полка, когда была установлена связь, сказал: «Держись, Быстров. Ни шагу назад. Все, что есть пришлю». По его голосу я понял, что

выхода больше нет и надо лишь подороже продать жизнь. Нам успели поднести патроны и пулемет. С подкреплением нас набралось двенадцать человек, а гитлеровцев поднялось больше батальона. Они шли в рост. С каждой секундой расстояние сокращалось. Пулемет заело, били только винтовки. Я крикнул: «Приготовить гранаты!». До немцев пятнадцать шагов. Сейчас отдам команду — в последнюю штыковую. И тут, наконец, резанул наш пулемет. Ударил на всю ленту, в упор. Враг, устлав поле трупами, в панике повернул обратно. Тут подбежал секретарь партбюро полка с автоматом — последнее подкрепление. И все-таки мы выстояли».

Маршал бронетанковых войск П. А. Ротмистров.

Командир 8-й роты 285-го полка 183-й стрелковой дивизии П. О. Быстров.

Наступление частей 29-й армии проводилось чаще всего без поддержки танков и авиации, в невероятно трудных условиях: глубокий снег, мороз, доходивший до 25—30 градусов, невозможность обогреться и обсушить обмундирование. Подвоз боеприпасов, продовольствия и медикаментов со складов, находившихся в десятках километров севернее, не

обеспечивал нужд армии. Между ослабленными в боях дивизиями и даже полками образовались разрывы, сплошной линии фронта не было, боевые действия велись вдоль дорог и вокруг деревень. В середине января установились ясные морозные дни и ночи, и вражеская авиация почти беспрерывно бомбила и обстреливала наши части. Не удалось расширить коридор прорыва. Эту горловину в районе деревень Ножкино и Кокошкино, через которую несколько раз перекатывалась линия фронта, ветераны боев под Ржевом окрестили «огненным коридором».

К концу января западнее и юго-западнее Ржева сложилась чрезвычайно сложная обстановка. Наступление нескольких дивизий 29-й армии с запада на Ржев затянулось. 29-я армия, вынужденная с трех сторон отбивать ожесточенные контратаки врага, фактически перешла к обороне.

В это время на фронт под Мончалово приехали Александр Фадеев и Борис Полевой. А. Фадеев непременно хотел побывать на «острие клина», чтобы видеть войну собственными глазами, а не через сводки и донесения. «Машину, конечно, оставили еще за Волгой,— вспоминает Борис Полевой,— ибо тут все простреливалось и даже не из орудий, а из минометов. С утра до вечера над лесом, в котором расположились войска, висит двухфюзеляжный немецкий корректировщик. . . И стоит какой-нибудь машине высунуться из леса, немецкие артиллеристы со свойственной им аккуратностью начинают «класть» в этом квадрате свои снаряды. . . Передвигаемся только по лесу. Это странный, марсианский какой-то лес. Всюду торчат обезглавленные стволы, иссеченные артиллерией. Лишь по ночам со всеми предосторожностями, без огней, по дорогам, проложенным по дну оврагов, сюда подвозят боеприпасы. Продукты же бросают с самолетов, но из-за малого размера этого клина, сказать по-совести, большинство из них попадает к немцам и они злорадно орут скверными голосами через мегафон: «Рус, Иван! Данке шон! Спасибо! Едим твою свинину с горохом. Очень вкусно — зер шмек!».

Сами же мы, откровенно говоря, больше питаемся «конницей генерала Белова», то есть трупами лошадей кавалерийского корпуса, которых немало валяется здесь с дней первого нашего наступления. Оно было еще осенью, лошадиные туши не раз попадали под оттепель и, мягко говоря, очень несвежие. Мы режем конину на тонкие куски и стараемся глотать их замороженными, пока не оттаяли. Фадеев же научил нас готовить из них особое блюдо, как это делают удэгейцы на

Дальнем Востоке. Большой камень-валун обкладывается костром. Когда валун накаляется, на него бросают тонкие кусочки конины и запекают то с одной, то с другой стороны. Хлопотно это. Но такое мясо есть все-таки можно. Мы так и назвали его «мясо по-фадеевски».

А. Фадеев и Б. Полевой пробыли на «острие клина» больше недели, беседовали с бойцами и командирами, в частности, с командиром и комиссаром 183-й стрелковой дивизии К. В. Комиссаровым и В. Р. Бойко. «Выпив по стакану чая, отказавшись от завтрака,— вспоминает об этом посещении В. Р. Бойко,— Фадеев и Полевой стали собираться в дорогу. Генерал Комиссаров успел лишь накоротке познакомить их с изменениями боевой обстановки в полосе дивизии. Полевой щелкнул своей «лейкой», запечатлев пребывание у нас А. А. Фадеева. Этот снимок, мне, к сожалению, получить тогда не удалось, но он был опубликован позднее в Калининской областной газете «Пролетарская правда». На всю жизнь запомнилась мне эта встреча с писателями, совпавшая с нашими первыми наступательными боями, с нашими первыми успехами. Особенно памятно мне душевное отношение Фадеева к воинам, его безграничная вера в них и в наше превосходство над врагом. Какую-то часть этой веры он передал тем бойцам, с которыми встречался под Ржевом».

Разведчики вывели писателей из Мончаловских лесов на левый берег Волги уже тогда, когда немцы почти закрыли коридор.

Окружение

Под Ржевом и ночью и днем не смолкали сраженья,
А враг был одет и обут, и силен и жесток.
Под Ржевом сжималось, сжималось кольцо окруженья,
И наши от пуль и от голода падали с ног. . .

Михаил Ножкин

23 января 1942 года гитлеровцы, бросив в бой со стороны Оленино и со стороны Ржева вдоль Волги танки, мотопехоту и авиацию, заняли деревни Клушино, Старое Коростелево, Бургово, Рязанцево, Соломино, Кокошкино, Ножкино, Жуково и другие и закрыли горловину, через которую снабжались сражавшаяся у западных стен Ржева ударная группировка войск 29-й армии и ведущие бои под Сычевкой 39-я армия и 11-й кавалерийский корпус.

Наше командование недооценило силы противника и переоценило свои. Немцы прорвались на участке обороны 246-й дивизии, стрелковые подразделения которой после передачи в состав 39-й армии 252-й дивизии оказались растянутыми по обоим берегам Волги от Коростелева до Поленичина. 246-я дивизия была рассечена — от основных сил и штаба дивизии были отрезаны 915-й полк и 2-й дивизион 777-го арtpолка, оборонявшиеся на левом фланге. Остатки этих подразделений после кровопролитного сражения у деревень Клушино и Старое Коростелево по приказу комдива И. И. Мельникова отошли за реку Кокша. Брошенная по приказу командарма В. И. Швецова на помощь 915-му полку 375-я дивизия не смогла остановить врага. В ходе упорных боев немцы к исходу 23 января добились своей цели — отрезали левофланговые части от ударной группировки войск 29-й армии, тем самым окружив юго-западнее и южнее Ржева значительные силы Калининского фронта.

Главкомандование немедленно создало комиссию по снабжению окруженных всем необходимым, которую возглавили А. И. Микоян, А. В. Хрулев и И. С. Конев. Командующему ВВС Калининского фронта генерал-майору авиации С. И. Руденко было поручено организовать доставку по воздуху окруженным армиям оружия, боеприпасов, медикаментов и продовольствия. Полеты осуществлялись с аэродрома Мигалово из-под Калинин. Для выполнения этой задачи было выделено шесть авиационных транспортных полков. В расположение окруженной 39-й армии были переброшены истребители для прикрытия окруженных частей и прибывающих сюда

транспортных самолетов. Но фронт сам ощущал нехватку самолетов: к концу января 1942 года на всем Калининском фронте насчитывалось только 96 исправных самолетов семи различных типов.

«Воздушный мост» использовался, главным образом, по ночам. С самолетов сбрасывались боеприпасы, мешки с сухарями. «Близкое расположение наших и фашистских войск, — вспоминает ветеран 262-й стрелковой дивизии, входившей тогда в состав 39-й армии, З. С. Зинковецкий, — не могли обеспечить четкую границу выброса из самолетов продуктов и боеприпасов. Очень часто продукты и боеприпасы, сбрасываемые нашими самолетами, попадали на территорию, занятую фашистами, и наоборот. В войсках установилось что-то вроде охоты. Как только солдаты услышат шум самолета, начиналось решение задачи: чей это самолет — наш или немецкий. Определялось направление полета, и в ту сторону устремлялась группа охотников. Зарывшись в глубокий снег, охотники выслеживали место приземления груза, хватали его и волокли в расположение своей роты или взвода».

В беседе с писателем Константином Симоновым Маршал Советского Союза А. М. Василевский рассказывал, что когда армия И. И. Масленникова попала в окружение и оказалась на голодном пайке, ему пришлось как начальнику Генерального штаба организовывать ее снабжение по воздуху. «Непосредственно как авиатор, — рассказывал А. М. Василевский, — занимался этим делом Жигарев. И вот случись же так, что целый отряд транспортных самолетов, который сбрасывал провиант, промахнулся, и весь груз сбросил на глазах у дивизии Масленникова немцам. Масленников, видя это, дает отчаянную радиogramму: «Мы подыхаем с голоду, а вы кормите немцев!». Радиogramма попала к Сталину. Сталин вызвал меня и Жигарева и был во время этого разговора настолько вне себя, что я один момент боялся, что он своими руками расстреляет Жигарева тут же, у себя в кабинете».

Часто нелетная погода, сильные морозы, глубокие снега затрудняли полеты или вовсе срывали их. Эта помощь имела скорее моральное значение, поддерживала в боях уверенность, что окруженных не оставят в беде.

В первых числах февраля расход боеприпасов сократился в 29-й армии до одного-двух снарядов в день на орудие, до двух-трех мин на миномет.

Наступление 30-й армии под командованием генерал-майора Д. Д. Лелюшенко в двадцатых числах января 1942 года

приостановилось, и она в районе восточнее поселка Погорелое Городище, расположенного в 40-50 километрах восточнее Ржева, перешла к обороне. Правда 348-я и 379-я стрелковые дивизии перехватили железную дорогу и шоссе Москва-Великие Луки в районах Шаховской и Княжых Гор, а части 371-й стрелковой дивизии переправились по льду через реку Держа северо-восточнее Погорелого Городища, но в это время командующий фронтом И. С. Конев отдал приказ о переброске 30-й армии в район севернее Ржева, чтобы помочь окруженным.

Наступление перебрасываемых из района Погорелое Городище ослабленных предыдущими боями дивизий 30-й армии, предпринятое в конце января 1942 года северо-западнее Ржева с целью деблокации окруженных армий, проходило в тяжелейших условиях: мало было танков, почти отсутствовало авиационное прикрытие наземных войск.

В ходе ожесточенных боев десятки деревень по обоим берегам Волги: Клепенино, Соломино, Лебзино, Усово, Нелюбино, Ножкино, Кокошкино и другие были стерты с лица земли. Фашисты, зачастую эсэсовские подразделения, по пять-шесть раз за день переходили в контратаки, используя танки, авиацию, огонь курсировавшего по железной дороге бронепоезда.

Наступление наших стрелковых частей проводилось, главным образом, ночью, так как днем немецкая авиация усиленно бомбила и обстреливала передний край. Каждый метр продвижения вперед достигался дорогой ценой. В ряде мест дивизиям 30-й армии до окруженных оставалось преодолеть каких-нибудь четыре-пять километров. Разведчикам 359-й стрелковой дивизии, наступавшей в районе деревень Соломино и Лебзино, удалось проникнуть в расположение 29-й армии и ночью вывести на подводах более тысячи раненых бойцов и командиров. Но пробиться через узкий вражеский коридор на соединение с 29-й армией дивизии 30-й армии так и не смогли. Не привели к успеху и попытки 29-й армии прорваться к Волге. Три дня к югу от Волги гремели бои: на север безуспешно пробивалась созданная 30-го января группа прорыва в составе 246-й, 365-й и 369-й дивизий под командованием генерала В. С. Поленова.

В феврале 1942 года переводчица 30-й армии Е. М. Коган (писательница Елена Ржевская) переводила захваченный у фашистов приказ Гитлера: «Штаб дивизии. 2.02.1942 г. Секретно.

Немедленно сообщить в части. Приказ фюрера. Солдаты 9-й армии! Брешь на вашем участке фронта северо-западнее Ржева закрыта. В связи с этим прорвавшийся в этом направлении противник отрезан от своих тыловых коммуникаций. Если вы в последующие дни будете так же выполнять свой долг, то будет уничтожено много русских дивизий... Адольф Гитлер».

Немецко-фашистские войска постепенно сжимали кольцо окружения. Измотанные непрерывными боями, понесшие невосполнимые потери, окруженные части создавали круговую оборону в Мончаловских лесах. Все командиры штабов, специальных и тыловых подразделений, кто не был там крайне необходим, были переведены в пехоту. Необходимо было беречь боеприпасы, не было горючего для машин и тягачей. Воины голодали. Если в конце января бойцы получали раз в сутки горячую пищу, то с начала февраля все довольствовались только горячим хвойным отваром и конским мясом.

Местное население делилось с бойцами своими скудными запасами продовольствия: картофелем, солью, льняным семенем. Жителя деревни Ерзово старика Арсения Сергеевича Сергеева, которого писатель Иван Васильев назвал героем Мончаловского сражения, в 183-й дивизии звали «интендантом» и «вторым Сусаниным». Он собирал по деревням продукты, несколько раз ездил с другими колхозниками в Чертолино и привозил из колхозных буртов картофель, помог группе раненых перебраться за Волгу. Во второй половине февраля, когда фашисты ночью ворвались в Ерзово, А. С. Сергеев и его сверстник М. С. Гусев, защищая лежащих в их домах раненых, погибли.

Перестали поступать центральные газеты, но сводки Совинформбюро принимались по радио, размножались в дивизионных типографиях и распространялись среди бойцов. Не прекращался прием в члены ВКП(б), по инициативе командования 185-й стрелковой дивизии во всех частях и подразделениях армии собирались средства на постройку танковой колонны.

В начале февраля 39-я армия прорвала узкий проход в сторону станции Нелидово, где сражалась 22-я армия. В это время противник начал со стороны станции Осуга массированное наступление в стык 29-й и 39-й армий. 5 февраля пехота и танки врага при поддержке авиации прошли тараном через деревни Ботвилово, Мироново, Корытово, Ступино и другие и этим отрезали 29-ю армию от южного соседа — 39-й армии. 29-я армия оказалась в полном окружении западнее Ржева в Мончаловских лесах на территории, примерно, 20 на 10 километров.

Секретарь Ржевского райкома партии В. Е. Елисеев.

Комиссар ржевского партизанского отряда В. Е. Косаров.

Ржевский подпольщик А. Беляков.

Писательница Е. М. Ржевская.

Завершив окружение 29-й армии, противник немедленно приступил к ее расчленению и уничтожению по частям. Днем и ночью со всех направлений фашисты обстреливали, бомбили, атаковали нашу оборону. Все части и подразделения окруженной армии оказывали противнику небывалое сопротивление, каждый воин — от рядового до командующего армией — прошел испытание на стойкость, прочность нервов, веру в победу, никто не бросил своего оборонительного рубежа. В неимоверно тяжелых, нечеловеческих условиях, когда уже неделями бойцы не получали пищи, мерзли и голодали в заснеженных траншеях, при большом количестве обмороженных и раненых, оставшиеся в строю проявляли массовый героизм.

Примером подлинного мужества и героизма, проявленных в окружении, может служить судьба 510-го гаубичного артиллерийского полка резерва Главного командования, возглавляемого капитаном К. А. Ушацким. Обороняя участок возле деревень Рубежное, Корытово, Ступино, полк почти полностью израсходовал снаряды и горючее. Последние снаряды артиллеристы послали в сторону врага 6 февраля, трое суток отражая ожесточенные атаки фашистов.

Об этих боях рассказал их участник, начальник штаба 4-го дивизиона П. Коваленко: «152-х миллиметровую гаубицу навели на опушку у дороги в двух с половиной километрах восточнее деревни Рубежное. Снарядов всего шесть. За ночь замаскировали гаубицу. Наступило морозное утро 6 февраля. Вот фашистский пехотный батальон вышел из Рубежного. За ним легкие орудия и санные упряжки. Расстояние 500, 400, 300 метров. Немцы остановились. Огонь! И началось. Все смешалось. В переполохе враги сунулись в сторону от дороги — в глубоком снегу невозможно развернуться. Орудия, сани, люди наскakивали друг на друга. Бой длился две-три минуты. Но, увы. . . Шестой снаряд был последним. Бойцы из пулеметов ударили по убегавшим гитлеровцам. На дороге осталось около ста убитых солдат и офицеров».

Утром 8 февраля разведка обнаружила, что из Рубежного снова движется колонна немцев. Атака врага поддерживалась ураганным минометным огнем. Разгорелся неравный бой. Ряды артиллеристов редели, но они стояли насмерть. На участке 2-го дивизиона между деревнями Корытово и Ступино фашисты прорвали оборону только тогда, когда там не осталось в живых ни одного человека. К вечеру удалось выбить немцев из рощи, примыкавшей к железной дороге.

Как могли, хоронили погибших: не было сил глубоко разбить мерзлую землю. Бойцы засыпали комьями земли и снега своих погибших товарищей: сибирских охотников, шахтеров Донбасса, уральских рабочих — героев битвы за Ржев. Погибших хоронили, а оставшимся в живых предстояли еще более тяжелые испытания. Особенно изматывали людей голод и мороз. Были съедены убитые лошади. «Уже требуха выпотрошена и сварена, — вспоминает П. Коваленко. — Вот обессиленный сержант Звонарев пытается отбить подкову от копыта, но гвозди не поддаются, и копыто прямо с подковой и гвоздями опускается в ведро и варится. Варевое без соли, без заправы, кровоточат десны, болят желудки. Пожилой боец Фунт умер от голода».

Фронт обороны каждой окруженной дивизии с каждым днем продолжал сужаться. Почти все соединения армии были изолированы друг от друга. Гитлеровцы подвижными танковыми группами захватывали деревни, оставляя там сильные гарнизоны с танками и бронетранспортерами, контролировали основные дороги. С самолетов постоянно разбрасывались листовки с призывом сдаваться в плен.

Всюду шли ожесточенные сражения. 6 февраля противник попытался прорвать оборону 185-й стрелковой дивизии, бросив из деревни Ступино танки и пехоту на деревню Огороково, где до 15 февраля располагались штаб дивизии и медсанбат. Атаки противника стойко отразили 257-й стрелковый полк и 340-й отдельный саперный батальон. Успешно действовали орудия 1-го и 2-го дивизионов капитанов К. Т. Петрова и Г. И. Вяземского. Боевые действия артиллеристов координировал старший политрук 695-го артполка В. Д. Болтовский. Когда фашистские автоматчики вышли в район огневых позиций, артиллеристы прямой наводкой картечью расстреливали их в упор. Потеряв несколько танков и более ста человек убитыми и ранеными, враг отступил.

На следующий день бои вспыхнули с новым ожесточением. После сильной бомбардировки с воздуха на Огороково двинулись пять тяжелых танков и батальон пехоты. Кровопролитный бой продолжался почти весь день. Потеряв несколько сот солдат и офицеров, четыре танка, немцы к вечеру отошли назад, к Ступино. Потери 257-го полка были огромны.

Через три дня, 11 февраля, противник вновь пошел в наступление. Ему удалось занять несколько деревень. Фронт дивизии сужался. Когда разведка донесла, что в лесу севернее Огороково накапливаются крупные силы противника для

решительного броска, перед немногочисленным составом 289-го стрелкового полка командование дивизии поставило только одну задачу — стоять насмерть!

Немцы считали, что голодные, истощенные советские бойцы деморализованы под ударами их войск и авиации, поэтому утром 12 февраля предприняли психическую атаку: густые цепи солдат в черной форме вышли из леса и направились к Огорокову. Когда они приблизились, бойцы открыли меткий огонь. Враги бросились к лесу, за несколько минут были уничтожены десятки фашистов.

В дальнейшем немцы атаковали только при поддержке танков и авиации. 14 февраля враг ворвался в деревню Талица, а 15-го занял Старцево. В расположении 185-й дивизии осталась одна деревня — Огороково. Орудия сосредоточили в одном месте — в лесу юго-западнее деревни Старцево. На каждое орудие было выделено по шесть снарядов. Когда в этот район из Афанасово двинулась танковая колонна, артиллеристы последними снарядами подбили девять танков, остальные повернули обратно.

Велики были потери окруженных от постоянных бомбежек, по 10—15 вражеских самолетов почти с утра до вечера висели в воздухе. Массированные налеты вражеской авиации вынудили перевести из деревень в леса штабы и раненых. Обороняться становилось труднее с каждым часом. Авиация фронта не могла оказать существенной помощи окруженным.

Но даже в этих условиях, когда полностью были израсходованы боеприпасы к орудиям и стрелковому оружию, группы истребителей танков, вооруженные связками гранат, отстаивали каждую деревню до последней возможности. Так, остатки 908-го стрелкового полка 246-й дивизии под командованием капитана Т. Ф. Захарова целый день 17 февраля сражались за деревню Гончары, которая пять раз переходила из рук в руки.

По приказу штаба армии командир 510-го гаубичного артполка капитан К. А. Ушацкий еще в ночь на 13 февраля послал разведчиков через линию фронта, чтобы установить связь с 39-й армией. За одну длинную морозную ночь посланные в разведку лейтенант Крапов, ефрейтор Тремба и рядовой Плетенецкий на лыжах, в белых масках дважды перешли линию фронта — в обоих направлениях. Ориентируясь по компасу на юго-запад, далеко обходя деревни, разведчики с помощью партизан, давших им проводника до деревни Дворково, вышли в расположение 39-й армии на участке обороны 252-й стрелковой дивизии. Здесь разведчиков

радушно встретили, в меру, как больных, накормили и передали соответствующее указание из штаба 39-й армии. Обратный путь оказался менее удачным. На рассвете у деревни Ступино разведчиков обнаружили немцы. В перестрелке был ранен в руку лейтенант Крапов и тяжело ранен боец Плетенецкий. Ефрейтор Тремба волоком потащил Плетенецкого к роще, где удалось оторваться от преследователей. Утром 13 февраля Тремба доложил капитану Ушацкому: «Задание выполнено» — и упал от изнеможения.

В середине февраля штаб 29-й армии получил по радиции запрос И. В. Сталина: «Что надо, чтобы вы продержались двое суток?». Командарм В. И. Швецов ответил, что двое суток можно продержаться при условии поддержки с воздуха.

Сразу же военный совет армии разослал в дивизии директиву, в которой говорилось: «О нашем положении стало известно товарищу Сталину. И. В. Сталин запросил: сумеем ли мы продержаться. Продовольствие и боеприпасы сбросят с транспортных самолетов. Как видите, Главнокомандование Красной Армии, лично товарищ Сталин считают очень важным обороняемый нами район и принимают меры по оказанию нам помощи».

Для оказания помощи окруженной 29-й армии было решено десантировать в удерживаемый ею район парашютно-десантный батальон 204-й воздушно-десантной бригады, возглавляемой старшим лейтенантом П. Л. Белоцерковским. Выброска батальона в составе пятисот человек производилась одиночными тяжелыми транспортными самолетами двумя рейсами в ночь с 16 на 17 февраля в район деревни Огороково. Самолеты поднимались с аэродрома Люберцы под Москвой и отыскивали западнее Ржева район выброски десанта, ориентируясь по примитивным сигналам из костров, образующих треугольник и четырехугольник. Но отыскать ограниченный район выброски десанта оказалось делом настолько сложным, что некоторые экипажи не выполнили задания: около ста десантников было возвращено на аэродром.

В момент выброски десанта группы вражеских автоматчиков при поддержке одиннадцати танков с трех сторон — от Старцево, Ступино и Горенки — прорвались к деревне Огороково. Десантники должны были вступить в бой в буквальном смысле слова прямо с неба. С наступлением рассвета, не прекращая боя, десантники подбирали грузовые контейнеры, мешки с продовольствием и патронами и делились ими с бойцами окруженных частей. Однако, не менее половины

всего сброшенного попало в распоряжение немцев, так как часть района выброски у Огороково оказалась в их руках.

Конечно, материальная поддержка, оказанная окруженным десантниками, не могла существенно улучшить их положение, но она воодушевила их, вселила в них уверенность, что кольцо окружения будет разорвано.

На прорыв

Под Ржевом в кровавой, свинцовой сплошной круговерти
Не дрогнули славные дети родимой земли.
Рванулись в прорыв окруженья долиною смерти
И в этой долине бессмертье свое обрели. . .

Михаил Ножкин

Решение о выходе войск 29-й армии из окружения в юго-западном направлении, в расположение 39-й армии, было принято на Военном совете армии, где присутствовали все командиры и комиссары дивизий. Из Ерзовского леса, минуя Мончалово, разрозненные части дивизий стягивались в леса вблизи деревни Огороково, в 15 километрах западнее Ржева. Наиболее боеспособные части и подразделения занимали круговую оборону, обеспечивая основным силам выход из окружения. Бешеные атаки гитлеровцев часто отбивались штыковыми контратаками.

18 февраля фашисты особенно ожесточенно в течение всего дня обстреливали артиллерийским и минометным огнем леса и кустарники, в которых сосредоточились основные силы окруженных. Остатки армии, разрезанные на несколько частей, к 18 февраля удерживали лишь около 12 квадратных километров территории. Гитлеровская авиация 20—30 самолетами непрерывно бомбила всю окруженную территорию. Как вспоминают выжившие, это был «крошечный ад». Потери были огромны. Так, 15 бомбардировщиков обрушили бомбы на деревню Быково, в которой все дома до отказа были забиты ранеными и обмороженными. После бомбежки от деревни остались только дымящиеся головешки, хоронить было некого.

В первом эшелоне выходивших из окружения двигались штаб армии, 185-я и 381-я стрелковые дивизии и 510-й гаубичный артиллерийский полк. Десантники прикрывали тыл и фланги отходящих к югу соединений армии. Жестокую атаку противника отбили десантники 21-го февраля у деревни Заброды, где гитлеровцы пытались перерезать пути отхода армии. В этом бою отличились пулеметчики В. Г. Новиков, Н. В. Дроздов. А после выхода из окружения командарм объявил благодарность всему личному составу парашютно-десантного батальона. Все десантники были представлены к правительственным наградам.

Командир 185-й стрелковой дивизии подполковник С. Г. Поплавский вспоминал: «Генерал Швецов возложил на нашу дивизию задачу обеспечить отход штаба армии. Разведке

удалось установить, что направление на Ступино, Прасеки прикрито гитлеровцами менее прочно. Здесь и решено было прорваться в два перехода: в первую ночь достигнуть леса северо-западнее Ступино, а в следующую — соединиться с войсками фронта. Все обошлось как нельзя лучше. Помогла небольшая военная хитрость. Когда командир 653-го полка подполковник Лебедев доложил, что с участка обороны его полка гитлеровцы отвели свои войска, оставив лишь дозоры, мне пришла в голову мысль бросить на этот участок отряд лыжников, чтобы имитировать прорыв. Гитлеровцы, рассуждая, наверняка закроют брешь войсками, сняв их с соседних участков, в том числе и с направления Ступино, Прасеки. В последующем именно так все и произошло. Почти не вступая в соприкосновение с противником, соединения и штаб 29-й армии вышли из окружения и вновь заняли оборонительные рубежи».

К выходу из окружения стали готовиться остальные части и подразделения 185-й дивизии. Они должны были прикриты колонну раненых, где было около 200 конных подвод. Пошли глубокой ночью, бойцы вязли в снегу по пояс. Подводы с ранеными находились посередине колонны. Голодные кони с великим трудом тащили перегруженные сани. Сбив немецкие пикеты, перешли дорогу Ступино-Афанасово. На рассвете налетела авиация. Когда переходили по возвышенности дороги Афанасово-Дворково внезапно справа и слева раздались выстрелы: танки вышли из деревень навстречу друг другу и начали бить из пушек и пулеметов. Треть колонны успела втянуться в лес. Основная часть, вытянувшись вдоль дороги, оказалась на большом открытом поле. Немецкие автоматчики отрезали ее от леса и уничтожили.

Значительная часть окруженных прорывалась в расположение 39-й армии в районе деревень Ступино, Прасеки, Ключи, Малиновка. Почти все вышедшие из окружения воинские части сохранили боевые знамена и документы.

Прорыв требовал от бойцов и командиров небывалого самопожертвования и стоил 29-й армии огромных жертв. Вот что об этом написал в воспоминаниях «С душой о Родине» Герой Советского Союза генерал-лейтенант В. Р. Бойко:

«На 183-ю дивизию была возложена задача прикриты этот отход и она вела непрерывные бои. Мы выходили последними, самые тяжелые удары гитлеровцев обрушились на нас, особенно на наш арьергард. Через сутки, в ночь на 21 февраля, когда основные силы армии, в том числе нашей дивизии, уже

прорвались через кольцо, гитлеровцам удалось перекрыть пути нашего отхода. Арьергард и управление 183-й дивизии вновь оказались в кольце окружения под непрерывным огнем со всех сторон. На рассвете мы ринулись в последний бой. Многие в этой схватке были убиты или тяжело ранены. Погиб на боевом посту командир дивизии генерал-майор Константин Васильевич Комиссаров, вместе с которым мы делили тяготы боевой жизни под Ржевом. Моя бекеша оказалась простреленной в четырех местах, пуля обожгла левое плечо, другая пробила магазинную коробку маузера. И все же военная судьба оказалась ко мне благосклонной».

Об этом же прорыве рассказал бывший начальник штаба 183-й дивизии подполковник П. Рубан:

«Враг беспрерывно обстреливал нас из минометов и орудий. Ночь. Мороз больше 30 градусов. Заканчиваем последние приготовления к прорыву. В это время тяжело ранило командира дивизии генерала Комиссарова. Его перевязали, уложили на носилки. Он поднял голову и попросил спеть нашу любимую песню «Вставай, страна огромная!». Мы запели. Комиссар дивизии Герой Советского Союза Бойко снял с гимнастерки Золотую Звезду и приколот на фуфайку. Мины рвались вокруг. Рядом со мной убило майора Воейкова, радиста Красникова, ранило меня, а мы продолжали петь эту мужественную песню. Пели во весь голос, неистово, яростно и с песней ринулись на врага».

Части 246-й дивизии, прикрывая отход основных сил армии с севера, в ночь на 19 февраля сумели оторваться от наседавшего врага. В лесу под Мончаловым был сформирован сводный отряд, возглавленный командиром 777-го артиллерийского полка подполковником А. Т. Ракчевым. Но отряд не смог пробиться на юг. 21 февраля отряд разыскал раненый комдив генерал-майор И. И. Мельников. На совещании командиров подполковник Ракчев предложил пробиться не на юг, а на север, чтобы выйти в расположение 30-й армии. Комдив Мельников после долгого колебания приказал пробиваться группами по 10—12 человек. 22 февраля фашистский карательный отряд обнаружил и окружил группу комдива. После короткого кровопролитного боя вторично раненый генерал И. И. Мельников был захвачен в плен, а военком дивизии полковой комиссар Н. И. Должиков был тут же расстрелян гитлеровцами.

Группа артиллеристов подполковника Ракчева и две небольшие группы 914-го полка под командованием военкома

полка старшего политрука В. А. Лоцицкого и начальника артснабжения старшего техника-лейтенанта А. С. Терновского в течение недели, голодные, без сна, при сильном морозе, пробивались по глубоким снегам сквозь вражеские заслоны на север. Большинство победили смерть и вышли в расположение 30-й армии.

Основой для восстановления 246-й стрелковой дивизии стали не попавшие в окружение, но понесшие большие потери в наступательных и оборонительных боях 915-й стрелковый полк и 2-й дивизион 777-го арtpолка, а также уцелевшие тыловые части дивизии. С 3-го марта, когда дивизия приступила к доукомплектованию, в нее вошло 6324 человека.

Наиболее трагически сложилась судьба 365-й стрелковой дивизии: в окружении зимой 1942 года она почти полностью погибла в Мончаловских лесах. Погибло все командование дивизии, командиры полков и батальонов, комиссары всех частей и подразделений. Были утрачены документы и знамена дивизии и полков, поэтому как самостоятельная часть дивизия была расформирована.

Вдова ветерана 365-й дивизии М. Г. Шорникова, проживающая в уральском городе Асбесте, более тысячи уроженцев которого сражались в рядах 363-й и 365-й стрелковых дивизий, затратила несколько лет кропотливого труда на воссоздание боевого пути 365-й дивизии и судеб отдельных героев, вышедших из окружения и сражавшихся позднее в составе 369-й стрелковой дивизии.

365-я стрелковая дивизия была сформирована в конце августа 1941 года в составе трех стрелковых полков (1211, 1213, 1215-го), 927-го артиллерийского полка, 433-го отдельного саперного батальона и других вспомогательных подразделений. В дивизию было мобилизовано тринадцать возрастов с 1903 по 1915 год, то есть по возрасту это были люди солидного жизненного опыта. Многие из них были участниками боев на Халхин-Голе в Монголии и на линии Маннергейма в Финляндии.

Под Москвой дивизия сражалась в составе 30-й армии под командованием Д. Д. Лелюшенко. В ожесточенных боях в окружении под Ржевом в составе 29-й армии В. И. Швецова дивизия понесла невосполнимые потери. Когда к середине февраля были израсходованы боеприпасы и погибло командование дивизии, оставшиеся в живых командиры и политработники, сказав бойцам жестокую правду о смертельной опасности предстоящего прорыва, приняли решение выходить из окружения мелкими разрозненными группами.

Небольшая группа бойцов, в которой находился командир огневого взвода 927-го артиллерийского полка А. И. Сеченов, пробиралась из окружения сквозь огонь и снег трое суток. «Как только наступили сумерки,— вспоминает Александр Иванович,— наша группа пустилась в путь. Мы перешли небольшой овраг, дальше — лес. Казалось, ни малейшего признака присутствия людей. И вдруг наткнулись на часового, буквально в упор. В двух метрах от него стоял пулемет. Не успел он прикоснуться к оружию, как был уничтожен. На его крик из ближайшего шалаша выскочили немецкие солдаты с оружием в руках и начали стрелять в упор. Мы дрались в рукопашную. В этой кровавой схватке были убиты санинструктор и трое бойцов, несколько человек ранены, я был ранен в голову. . . ».

Оставшиеся в живых, прихватив немецкое оружие и боеприпасы, скрылись за снежные укрытия. И когда с правого фланга застрочил немецкий пулемет, наши бойцы могли отстреливаться из немецкого оружия. Погибло еще несколько человек.

На рассвете удалось спрятаться в оставшихся с осени на поле кучах льносоломы. Днем ярко светило солнце, слышны были орудийные выстрелы с той стороны, откуда группа ушла. Туда временами пролетали вражеские самолеты. Бойцы нащупывали уцелевшие льняные коробочки с семенами и ели их.

Вторая ночь прошла спокойно, без единого выстрела. Шли, ориентируясь по звездам, строго по прямой линии. На рассвете подошли к небольшой деревушке, расположенной на берегу реки, набились в заброшенный блиндаж, в котором отсиделись до сумерек. До следующей деревни, находившейся километрах в десяти, вконец ослабленные, голодные бойцы шли пять часов. К утру вышли в расположение 39-й армии и были помещены в медсанбат.

«В медсанбате,— вспоминает А. И. Сеченов,— казалось, не отоспаться, не насытиться. Вспоминалось все, что осталось позади. До глубины души было жалко тех, кто погиб, выполняя священный долг перед Родиной».

Замполит отдельной минометной роты 1211-го стрелкового полка Андрей Яковлевич Ширяев вспоминает, что перед выходом из окружения он с группой товарищей, полностью израсходовав боеприпасы, скрывался в лесу. Костров не разжигали, чтобы не обнаружить себя, питались мороженым мясом павших лошадей, корой и корнями деревьев. 24-го февраля перед деревней Звягино А. Я. Ширяев был ранен и контужен. «На нас,— вспоминает он,— набрели местные партизаны и вывели к своим. Набралась довольно много-

численная группа, не менее сотни человек. На немецкие заслоны решили идти психической атакой. На рассвете наткнулись на пулеметные посты. Ринулись на кинжальный огонь с отчаянным «ура». Напуганные фашисты в панике скатились под шоссе — последнего препятствия на пути отхода отрезанной дивизии. От преследования успели скрыться в лесу и отсидеться до темноты. . .

Наконец, мы перешли линию фронта. Сдавая на проверку документы, я обнаружил: партийный билет настолько пропитан кровью, что едва можно было различить номер. Как живую частицу, отрывая его от сердца, я плакал, не стыдясь своих слез. . . ».

Г. И. Кравченко, в те дни заместитель командира 433-го отдельного саперного батальона, чудом выживший в жестоком неравном бою с немецкими танками у деревни Седнево, после которого от саперного батальона осталась горстка людей, был тяжело ранен 13 февраля. Когда в ночь на 18 февраля части двинулись на прорыв из окружения, Кравченко пытался идти пешком, но его друг — лейтенант А. Верещака усадил его в сани. Впереди шли боевые группы. «Где-то ночью, — вспоминает Григорий Иванович, — сани опрокинулись и я выпал в снег. Поднялся, и, задышав, с приглушенными стонами, поплелся, а впереди черная завеса ночи. В голове звон сотен наковален, но сквозь стук их единая мысль: «Нет! Не отстану, дойду, не сдамся. Лучше смерть, чем плен!». Сколько прошел — не знаю, но вот впереди слышно пофыркивание лошадей. Я бесконечно обрадовался. Наш обоз. . . Снова в путь».

С тяжелыми боями, которые вели передовые боевые группы, отдельные части пробивались к утру 18 февраля в леса южнее Чертолино. Немцы боялись входить в лес, только обстреливали его из минометов и бомбили с воздуха.

В ночь на 19 февраля колонна столкнулась с гитлеровцами южнее деревни Афанасово. Саперы во главе с лейтенантом А. Верещакой бросились вместе с боевыми группами в яростную атаку.

«Обоз наш разметало,— вспоминает Г. И. Кравченко.— Нас трое. Раненые, мы поддерживаем друг друга, идем с одной мыслью дойти. . . Глубокие тропы в снегу выхлывают по лощинам, рощам, в обход деревень, где засел враг. . . Когда силы наши подходили к пределу, на рассвете (война любит рассветы) нас встретил одинокий солдат с карабином из 39-й армии и привел в деревню Клины. Войдя в избу, я свалился на пол. Пришел

в себя через много часов, раздетый, забинтованный, на русской теплой печи. Девушка-санструктор через резиновую трубку поила меня сладким чаем».

Медсанбаты, избежавшие окружения, были разбиты на группы и размещены по разным участкам фронта для оказания помощи бойцам, выходившим из окружения до середины марта группами и поодиночке.

«Большая часть из них,— вспоминает бывшая медсестра приемно-сортировочного пункта 449-го медсанбата А. Н. Захарова, — поступила с обморожениями и ранениями. Здоровых — ни одного».

Т. А. Павлова вспоминает, что при выходе из окружения бойцы и командиры перевозмогали, кажется, все человеческие силы и возможности. Перед самым выходом из окружения хирург Мирзоян вынужден был ампутировать одному бойцу руку, так как начиналась газовая гангрена. Операция проводилась при свете костра. И этот боец пошел вместе со всеми, успел войти в лес, когда фашисты отрезали огнем подводы

Машинистка штаба 185-й стрелковой дивизии Т. А. Павлова (справа).

с ранеными. «Почти к утру,— вспоминает Татьяна Алексеевна,— вошли в одну деревню. Залезли на печку вчетвером: я, военфельдшер Симонова Таисия Александровна, полковник Кебадзе Виктор Северьянович, бывший начальник штаба 185-й стрелковой дивизии, и товарищ, у которого была отнята рука».

Трагически закончилась для 29-й армии попытка освободить Ржев от немецко-фашистских захватчиков, наступая на город с запада. Соотношение сил и средств не позволило нашим войскам овладеть городом. Сказались и ряд просчетов в наших штабах и в Ставке, слабая работа войскового тыла, разведки, малое количество танков и самолетов. Самое высокое мужество не могло заменить боевой выучки и грамотной организации боя. В первый год войны все — от генерала до рядового бойца — еще только приобретали опыт ведения боев с жестоким и опытным врагом.

В январе-феврале 1942-го 29-я армия понесла небывалые потери. Выход из окружения, начавшийся в ночь на 18 февраля, был завершен, в основном, к 28 февраля. Из окружения вышли и присоединились к 39-й армии 5200 человек, из них 800 раненых, что составляет, примерно, половину личного состава только одной стрелковой дивизии, — и это из 7 дивизий ударной группировки 29-й армии, фактически полностью погибшей в Мончаловских лесах.

Смертельные бои в окружении, физическое и нравственное напряжение ледяных ночей и огненных дней, лишения почти за гранью человеческой выносливости — все вынесли бойцы и командиры, не сломавшись нравственно, не потеряв воли к борьбе с врагом, веры в нашу Победу. 29-я армия нанесла врагу ощутимый ущерб, месяц сражаясь в огненном кольце, голодая и замерзая в глубоких снегах.

В листовке командования армии, изданной после выхода из окружения, говорилось: «Разорвано фашистское кольцо! Мы вышли к родным частям Красной Армии, соединились с ними, опрокинув все расчеты и планы фашистов. За время боев во вражеском окружении мы уничтожили 8000 фашистских солдат и офицеров. Мы подбили 17 немецких танков. Мы прекратили полет и обрушили на землю 9 вражеских самолетов. В летопись Великой Отечественной войны вписаны страницы, которые надолго останутся в памяти народной, как свидетельство великой отваги и беззаветной преданности Родине советских воинов. Разве можно забыть подвиг 12 храбрецов, принявших бой с батальоном немецкой пехоты и отразивших яростные

атаки озверелого врага? Разве много найдется сравнений с тем, как семь бесстрашных наших товарищей во главе с командиром Власовым сдерживали натиск одиннадцати танков противника и батальона его пехоты».

Подвиги героев 29-й армии, прошедших, как тогда говорили, «Мончаловскую академию», еще ждут своих летописцев. В листовке командования армии, написанной по горячим следам событий, потери врага оказались намного заниженными. Только частями одной 185-й стрелковой дивизии было уничтожено свыше тысячи фашистских солдат и офицеров, сожжено и подбито 23 танка, сбито 11 самолетов, уничтожено много другой техники врага.

Трудная весна

Лес подо Ржевом. Снег подо Ржевом.
Сорок второй с его болью и гневом.
Жизни и смерти яростный спор.
Сорок сапог износил я с тех пор.

Сибгат Хаким

В марте-апреле 1942 года войска Калининского и Западного фронтов, пытаясь выполнить директивы Ставки Верховного Главнокомандования, продолжали наступательные бои. Войска 30, 31 и 39-й армий должны были разгромить ржевскую группировку немцев и не позднее 5 апреля освободить город Ржев. Но вместо наступления часто приходилось отбивать ожесточенные контратаки сильного врага, имевшего большое преимущество в танках и авиации.

О том, как весной 1942 года была отбита одна из вражеских контратак на деревню Бахмутово, рассказал ветеран 58-й танковой бригады танкист М. Н. Яглов. Под Ржевом он воевал на тяжелом танке КВ. В тот весенний день его танк оказался без мотора: мотор увезли с переднего края, находившегося в 600—800 метрах от траншей противника, в ближайший тыл на ремонт. С раннего утра на Бахмутово фашистское командование бросило 30 самолетов. Зенитной артиллерии у Бахмутова в тот период не было, поэтому вражеские летчики действовали безнаказанно и нагло, буквально глумились над нашими наземными частями. Каждый самолет, выбрав себе цель, во время пикирования сбрасывал только одну бомбу и, выходя из пике, тут же занимал место в общем кругу, чтобы снова выбрать цель и опять сбросить на нее только одну бомбу. Одна из бомб разорвалась метрах в трех от танка КВ. Отбомбившись, самолеты выстроились в растянутый круг и с высоты 20—30 метров один за другим начали обстреливать нашу оборону из пулеметов и пушек. Израсходовав боеприпасы, самолеты набрали высоту, выстроились в боевой порядок и скрылись из вида.

Вскоре на Бахмутово двинулись шесть танков и рота десантников-автоматчиков. Наше боевое охранение было ими сбито, бойцы вынуждены были отойти из передовых окопов, расположенных перед деревней. В деревне стояли только две «тридцатьчетверки» и безмоторный КВ. «Немецкие десантники, — вспоминает Михаил Николаевич, — были одеты в белые халаты и, когда они показались на «улице», мы их приняли за своих солдат. К нашему танку подошли три немца — два

солдата и офицер. . . Рукояткой какого-то предмета немецкий офицер поколотил по гусенице нашего танка и громко сказал: «Рус Кэ Вэ». Я вслух сказал: «Вот черт, знает марку». Вскоре мы услышали команду: «За мной, вперед!» Я развернул танковый перископ назад и увидел: командир стрелкового подразделения бежит с поднятым над головой автоматом и что есть мочи кричит: «За мной, за Родину!». И эту команду он крепко сдобривает нецензурной бранью. Мы развернули башню танка в сторону домов, куда бежали наши автоматчики, и открыли огонь осколочными снарядами. Через несколько минут слышим русскую речь: «Танкисты, не стреляйте, там наши подходят!». Мы открыли люки и вылезли из танка. Наши Т-34 тоже успели неплохо поработать. Им потребовалось не более десяти минут, чтобы сжечь немецкие танки вместе с экипажами. . .»

Одна из многочисленных контратак противника была отбита. Весной 1942 года тяжелые, кровопролитные бои части и подразделения 30-й армии вели к западу от Ржева у деревень Овсянниково, Усово, Тимонцево, Петелино, Клепенино и других. Обширная зона при впадении реки Сишки в Волгу была названа бойцами «долины смерти».

375-я стрелковая дивизия под командованием генерал-майора Н. А. Соколова с конца января до апреля 1942 года отражала яростные атаки пехоты и танков врага, наступавшего вдоль шоссе Ржев-Селижарово в 15—20 километрах северо-западнее Ржева. В этих боях в феврале был смертельно ранен командир 1245-го стрелкового полка майор Е. Ф. Румянцев, а в марте — смертельно ранен вернувшийся из медсанбата бывший командир 1243-го полка и назначенный командиром 1245-го полка майор С. В. Чернозерский. В апреле 1942 года, когда 375-я дивизия была выведена в резерв фронта, командиром 1245-го полка был назначен вернувшийся из госпиталя И. А. Девашенко, до ранения командовавший 1243-м полком. Так получилось, что И. А. Девашенко принял от С. В. Чернозерского в январе 1942-го года 1243-й полк, а в апреле — 1245-й полк, а в городе Старице рядом были похоронены два командира 1245-го полка: в феврале — Е. Ф. Румянцев, а в марте — С. В. Чернозерский.

О боях на рубеже Клепенино-Ножкино-Тимонцево-Старое Коростелево вспоминает полковник в отставке И. А. Девашенко:

«Мы бились здесь и днем и ночью. Преодолев «лощину смерти», — так ее прозвали бойцы дивизии — 1243-й стрелко-

вый полк овладел рощей на левом берегу реки Волги и пытался форсировать реку и выбить врага из опорного пункта у деревни Кокошкино, но это нам не удалось. Враг наносил контратакующие удары с флангов танками и следующими за ними автоматчиками. Все же врагу не удалось нас выбить из рощи».

В этих боях командир 1243-го полка И. А. Девашенко был тяжело ранен и эвакуирован в госпиталь.

Зимой и весной 1942 г. дивизии 30-й армии вели ожесточенные бои и на правом берегу Волги. Так, 379-я стрелковая дивизия, освободив несколько правобережных деревень, почти три месяца сражалась в районе деревень Тарутино, Усово, Лыщево, Погорелки. Деревни эти переходили из рук в руки. Особенно тяжелым для дивизии был день 20 марта. После огневого налета немецкий пехотный полк, поддержанный десятью танками, начал атаку на деревню Дорогино. Когда атака была отбита и противник, потеряв десятки солдат и несколько танков, отступил, в действие вступила вражеская авиация. Только на командный пункт дивизии было сброшено более 30 бомб, 36 самолетов бомбили Усово и Лыщево. После получасового артиллерийского огня по этим деревням немцы снова пошли в атаку, но и эта атака была отбита. До позднего вечера враг повторял одну атаку за другой. В этот день погиб командир 1253-го стрелкового полка майор Георгий Андреевич Панин.

До конца марта противник не ослаблял нажима на части дивизии, а вражеская авиация буквально висела над его боевыми порядками.

В сводках Совинформбюро тех весенних дней сообщалось, что под Ржевом «идут бои местного значения» или что «на фронте затишье». Характер этих «боев местного значения» в какой-то мере раскрывает хроника «Журнала боевых действий» 379-й стрелковой дивизии.

22 марта. В 14 часов 30 минут ружейно-пулеметным огнем бойцов комендантской роты сбит вражеский самолет Ю-88.

25 марта. Авиация противника дважды силами двенадцати самолетов бомбила боевые порядки частей дивизии.

26 марта. Новый налет немецких самолетов. Основной удар наносится по немецким позициям.

2 апреля. Подразделения дивизии вели бой за деревню Овсянниково. Уничтожено более 300 гитлеровцев. Погибло свыше 200 наших солдат и офицеров.

5 апреля. В 19.00 наш передний край бомбили 17 вражеских самолетов.

6 апреля. Под Усово уничтожено 3 дзота, 5 пулеметных точек, до ста солдат и офицеров противника. В этот же день 27 гитлеровских стервятников бомбили передний край и тылы полков. Убито 11 и ранено 45 наших воинов.

22 апреля. На нашем участке фронта без перемен. Огнем 4-й батареи 2-го арtdивизиона 934-го артполка в 13.00 17 апреля сбит фашистский самолет «Хейнкель-126».

23 апреля. В три часа ночи немцы из Овсянниково передали в рупор обращение к нашим бойцам: «Солдаты Красной Армии! Переходите на нашу сторону. До 6.00 обстрела не будет. В 6.00 завтрак. Если не перейдете, возьмем вас в кольцо». В 6.00 артиллеристы и минометчики дивизии произвели массовый налет на противника. Это был их гостинец к «завтраку».

Конечно, данная хроника дает далеко не полное представление о «боях местного значения» под Ржевом весной 1942 года.

Командующий Западным фронтом Г. К. Жуков так характеризовал это весеннее наступление 1942 года:

«Вероятно, трудно поверить, что нам приходилось устанавливать норму расхода боеприпасов — 1—2 выстрела из орудия в сутки. И это, заметьте, в период наступления!

Переутомленным, ослабленным войскам становилось все труднее одолевать сопротивление врага. Наши неоднократные доклады и предложения о необходимости остановиться и закрепиться на достигнутых рубежах отклонялись Ставкой. Наоборот, директивой от 20 марта 1942 года Верховный вновь потребовал энергичнее продолжать выполнение ранее поставленной задачи.

В конце марта-начале апреля фронты западного направления пытались выполнить эту директиву, требовавшую разгромить ржевско-вяземскую группировку, однако наши усилия оказались безрезультатными».

Писатель Вячеслав Кондратьев, участвовавший в боях у деревень Черново и Овсянниково с середины марта 1942 года в составе 132-й стрелковой бригады, в беседе с корреспондентом газеты «Ржевская правда», как бы конкретизируя написанное Г. К. Жуковым, рассказывал:

«У нас, на участке, в марте-апреле наша артиллерия практически молчала. Артиллеристы имели в запасе три-четыре снаряда и берегли их на случай вражеской танковой атаки. А мы наступали. Поле, по которому мы шли вперед, простреливалось с трех сторон. Танки, которые нас поддерживали, тут же выводились из строя вражеской артиллерией. Пехота

оставалась одна под пулеметным огнем. В первом же бою мы оставили убитыми на поле боя треть роты. От безуспешных, кровопролитных атак, каждодневных минометных обстрелов, бомбежек подразделения быстро таяли. У нас не было даже окопов. Винить в том кого-либо трудно. Из-за весенней распутицы с продовольствием у нас было плохо, начался голод, он быстро истощил людей, изможденный солдат уже не мог рыть мерзлую землю.

В конце апреля меня ранило. К тому моменту в нашей роте из 150 человек осталось 11. Для солдат все тогда происходившее было трудными, очень трудными, но все-таки буднями. Они не знали, что это был подвиг».

Но и в этих условиях, когда наши наступающие части были слабее оборонявшегося противника, на отдельных участках фронта под Ржевом удавалось добиваться значительных успехов. В ожесточенных боях 19-21 марта на правом берегу Волги в районе деревень Дорогино-Ажево крупную эсэсовскую группировку врага, сведенную из остатков полков СС «Фюрер», «Дойчлянд» и «Мертвая голова», разгромила 220-я стрелковая дивизия. Это сорвало замыслы фашистского командования, воспользовавшись весенним разливом Волги, отрезать всю заволжскую группу 30-й армии. В этих боях противник потерял около полутора тысяч человек убитыми, было захвачено 12 танков, 3 артиллерийские батареи.

Весенняя распутица осложнила работу органов тыла. Все чаще стали ощущаться перебои в снабжении войск боеприпасами и продовольствием. Бойцы голодали, а когда растаял снег, искали полугнилую картошку, не полностью убранный с колхозных полей осенью 1941 года, ели мясо убитых зимой лошадей. Ветеран 934-го артиллерийского полка М. А. Юрков вспоминает, что с 15 апреля по 1 мая бойцы его подразделения «не видели даже грамма хлеба».

Стало очевидным, что ослабленные войска западного направления уже не могут наступать и несут напрасные жертвы. Учитывая все это, Ставка Верховного Главнокомандования (а фактически И. В. Сталин) 20 апреля 1942 года приняла решение о переходе к обороне на занимаемых рубежах. Войска 39-й армии и 11-го кавалерийского корпуса Калининского фронта и 33-й армии, 1-го гвардейского кавалерийского и 4-го воздушного корпусов Западного фронта продолжали вести бои в тылу врага. Они выходили из окружения летом 1942-го года с большими потерями.

Командир 158-й стрелковой дивизии генерал-майор А. И. Зыгин в боевых порядках 881-го полка, ведущего бой за деревню Жуково 7 апреля 1942 г.

О трудных боях в начале 1942 года под Ржевом писатель Константин Симонов написал: «После переломившего ход войны декабрьско-январского разгрома немцев под Москвой, вторая половина зимы и начало весны оказались нечеловечески трудными для нашего дальнейшего наступления на Западном и Калининском фронтах. И многократные неудачные попытки взять Ржев стали в нашей памяти чуть ли не символом всех пережитых тогда драматических событий».

В результате наступления советских войск в первую военную зиму в 170—250 километрах к западу от Москвы образовался так называемый Ржевско-Вяземский выступ, имевший размеры до 160 километров в глубину и до 200 километров по фронту, удержанию которого немецко-фашистское командование придавало особое значение, рассматривая его как плацдарм для нового наступления на Москву. Именно зимой 1942 года на переднем крае под Ржевом среди солдат противника распространялось в качестве воззвания высказывание одного немецкого генерала: «Немецкие солдаты! Мы должны удерживать Ржев любой ценой. Какие бы мы потери не несли, Ржев должен быть нашим. Ржев — это трамплин. Придет время и мы совершим отсюда прыжок на Москву».

Это время для гитлеровцев не пришло. Ржев не стал трамплином для их нового прыжка на Москву, хотя ликвидация «ржевской занозы» дорого стоила нашим войскам.

О кровопролитных боях западнее Ржева вверх по Волге и на реке Сишке поэт Илья Емельянов написал такие стихи:

Речка Сишка, речка Сишка.
Свищут летом соловьи.
Молодые понаслышке
Знают — были здесь бои.

Здесь бои гремели люто,
Все живое пепеля,
И замешивалась круто
На людской крови земля.

Речка Сишка, речка Сишка,
Спит туман по берегам.
Обелиск граненой вышкой
Устремился к облакам.

Белый обелиск возвышается на холме при впадении реки Сишки в Волгу, у его подножья — могилы генерал-майора К. В. Комиссарова и лейтенанта В. Ф. Гастелло, брата Героя Советского Союза летчика Н. Ф. Гастелло. А у подножья холма

за невысокой оградкой стоит скромный обелиск, на котором выбито с одной стороны: «Александр Никитич Сеславин (1780—1858)»; а с другой — стихи В. А. Жуковского:

«Сеславин, где ни пролетит
С крылатыми полками,
Там брошен в прах и меч и щит
И устлан путь врагами».

Под обелиском покоится прах героя Отечественной войны 1812 года, командира партизанского отряда и любимца М. И. Кутузова, генерал-лейтенанта и ржевского дворянина А. Н. Сеславина. Здесь, под Ржевом, как и на поле славы русского оружия — Бородинском поле, перекликаются века и стоят памятники героям двух Отечественных войн.

III. «ФРОНТ ГОРЕЛ, НЕ СТИХАЯ. . .»

Перед штурмом

Фронт горел, не стихая,
Как на теле рубец.
Я убит и не знаю:
Наш ли Ржев наконец?

А. Твардовский

26 августа 1942 года в сводке «В последний час» московское радио передало: «На Западном и Калининском фронтах наши войска перешли в наступление, прорвали линию обороны и отбросили сильного противника на 40—50 километров. В результате успешного наступления, наши войска освободили 610 населенных пунктов и в их числе города Зубцов, Карманово и Погорелое Городище. . . Немцы потеряли убитыми 45 тысяч солдат и офицеров. Бои идут на окраинах города Ржева. Совинформбюро».

Страна узнала о Ржевско-Сычевской наступательной операции Красной Армии тогда, когда она уже заканчивалась. Это было первое с начала Великой Отечественной войны крупное наступление советских войск в летних условиях и одно из самых ожесточенных и кровопролитных сражений войны. В эти летние дни и месяцы, когда враг рвался на Кавказ и к Сталинграду, Ржевский выступ являлся единственным участком на всем советско-германском фронте, где наши армии наступали.

Цель Ржевско-Сычевской наступательной операции, осуществляемой левым крылом Калининского фронта под командованием генерал-полковника И. С. Конева и правым крылом Западного фронта, в то время возглавляемого генералом армии Г. К. Жуковым, заключалась не только в том, чтобы ликвидировать Ржевский выступ, но, что самое главное, сковать здесь крупные вражеские силы, лишить врага возможности перебрасывать на юг соединения из группы армий «Центр» и по возможности притянуть на Московское направление часть стратегических резервов противника.

Установившееся с весны 1942 года относительное затишье на фронте севернее и западнее Ржева советские и вражеские войска использовали для подготовки к предстоящим летним боям.

«Из тех двух направлений,— пишет в своих мемуарах Г. К. Жуков,— на которых немцы, по мнению Верховного, могли развернуть свои стратегические наступательные опера-

ции, И. В. Сталин больше опасался за московское, где у них находилось более 70 дивизий.

В отношении наших планов на весну и начало лета 1942 года И. В. Сталин полагал, что мы пока еще не имеем достаточно сил и средств, чтобы развернуть крупные наступательные операции. На ближайшее время он считал нужным ограничиться активной стратегической обороной. Однако одновременно он полагал необходимым провести ряд наступательных операций в Крыму, в районе Харькова, на львовско-курском и смоленском направлениях, а также в районах Ленинграда и Демянска.

Мне было известно, что Б. М. Шапошников стоял на том, чтобы проводить только активную стратегическую оборону, измотать и обескровить врага в начале лета, а затем, накопив резервы, перейти летом к широкому контрнаступательным действиям. Поддерживая в этом Б. М. Шапошников, я, однако, считал, что на западном направлении нам нужно обязательно в начале лета разгромить ржевско-вяземскую группировку, где немецкие войска удерживали обширный плацдарм и имели крупные силы».

На Ржевском выступе немецко-фашистские войска к середине лета 1942 года создали глубоко эшелонированную полосу обороны, прочно зарылись в землю. Только перед фронтом 30-й армии Калининского фронта, перешедшей с конца апреля 1942 года к обороне севернее Ржева по линии Холопово, Погорелки, Нелюбино, Лебзино, правый берег реки Кокши, фашисты соорудили по переднему краю на видимую глубину более 500 дотов и блиндажей, семь километров противотанковых рвов, три с половиной километра лесных завалов. Оборона немцев была построена со знанием дела. Каждый населенный пункт был превращен в самостоятельный узел обороны с дотами и железными колпаками, траншеями и ходами сообщения.

Перед передним краем в 20—100 метрах устанавливались сплошные проволочные заграждения в несколько рядов. Каждый холм, каждая ложина, каждый перелесок нейтральной полосы были пристреляны вражеской артиллерией. В обороне гитлеровцев был предусмотрен даже известный комфорт: наши русские березки использовались в виде перил лестниц и переходов, почти каждое отделение имело блиндаж с электропроводкой и двухярусными нарами.

Оборонительные рубежи должны были сделать Ржев неприступным для советских войск со всех сторон.

Начальник штаба 30-й армии генерал Г. И. Хетагуров подчеркивал: «Обороне Ржева противник придавал исключительное значение. За зиму, весну и лето он сильно укрепился, создал даже железобетонные сооружения. Все подступы к городу прикрывались сплошными полями минно-взрывных заграждений. Пожалуй, впервые с начала войны советские войска наткнулись здесь на тщательно подготовленную в инженерном отношении, до предела насыщенную огневыми средствами, долговременную оборону немцев».

В июле немецко-фашистские войска провели наступательную операцию под кодовым названием «Зейдлиц» против 39-й армии Калининского фронта, с января 1942 года занимавшей выступ юго-западнее Ржева. Врагу удалось перерезать узкий «Нелидовский коридор», связывающий 39-ю армию с 22-й армией.

Начальник Генерального штаба А. М. Василевский об этих событиях писал: «На центральном направлении мы глубоко охватили фашистскую группу армий на ее флангах. В середине же охвата возник удерживаемый немцами ржевско-вяземский плацдарм. Несколько раз пересекали оборону плацдарма с боями советские корпуса и целые армии, уходившие во вражеский тыл. Но за ними проход опять закрывался, из-за чего те, кто пробился в тыл противника, попадали в окружение. Выброска туда наших воздушных десантов не изменила положения. Фашисты несли огромные потери, однако удерживали плацдарм. Нашим соединениям пришлось прорываться из вражеского тыла назад. Тяжелые испытания выпали на долю этих частей».

39-я армия, сражавшаяся с февраля по июль 1942 года юго-западнее Ржева в условиях полуокружения, испытывала невероятные трудности, так как снабжение боеприпасами и продовольствием с помощью транспортной авиации и через «Нелидовский коридор» не могло обеспечить даже самых минимальных потребностей армии. Жители деревень помогали бойцам, чем могли: делились с ними остатками продуктов, зимой собирали сброшенные ночью с самолетов ящики и тюки с продуктами и патронами, при этом испытывая вместе с бойцами все трудности фронтовой жизни. Г. М. Бойцов вспоминал, что его семья при артиллерийских обстрелах деревни Филково пряталась сначала в подвале своего дома, а позднее — в лесу. Правда, любознательные и вездесущие мальчишки чаще всего оказывались не в подвале, а на чердаке, откуда наблюдали, как немецкие самолеты бомбили деревню

Макарово, где стояли на легких гусеничных танкетках «катуши», как немецкие танки под обстрелом нашей артиллерии преодолевали противотанковый ров, упирившийся в реку Осугу, и речку Чернейку, как немцы атаковали деревню Зуи. Однажды мальчишки по просьбе командира роты разведчиков, располагавшейся в марте в Филкове, под видом собирающих подаяние ходили в деревню Крутики на разведку. В апреле жители деревни Филково переселились в кутузовский лес. Снег в лесу еще не растаял, и до лета жили в шалашах, а летом вырыли землянки. Голод заставлял выходить из леса на поля, где собирали под минометным огнем немцев оставленную под снег картошку; пекли лепешки пополам с травой, но и ими делились с солдатами. В июне по требованию военных началась эвакуация мирных жителей. Семья Бойцовых прошла «Нелидовским коридором» пешком до села Шиздерова. К июлю эта последняя ниточка, связывающая 39-ю армию с «Большой землей» была разорвана.

Почти месяц дивизии 39-й армии мужественно сражались во вражеском кольце. Немецкая авиация жестоко бомбила окруженных. Армия была рассечена на несколько частей, был ранен командарм И. И. Масленников, пытавшийся сплотить окруженные дивизии для вывода на запад, в район города Белого. Погибли начальник штаба армии П. П. Мирошниченко, многие командиры и политработники частей и подразделений. Группу, численностью около пяти тысяч человек, повел на прорыв заместитель командарма генерал-лейтенант И. А. Богданов. Эта группа успешно прорвалась из окружения, но генерал И. А. Богданов был тяжело ранен и умер от ран. Отдельно от группы Богданова в составе свыше трех тысяч бойцов и командиров с оружием, со своим боевым знаменем и оперативными документами вышла из окружения 357-я стрелковая дивизия во главе с комдивом генералом А. Кроником. Часть бойцов и командиров выходила небольшими, разрозненными группами в распоряжение 22-й и 30-й армий. Важный плацдарм наших войск юго-западнее Ржева был потерян. На расширенном ржевско-вяземском выступе врагом укомплектовывалось большое количество резервных дивизий. Это давало советскому командованию право предполагать, что немецко-фашистские войска готовятся здесь к новому наступлению на Москву.

Советские армии на ржевском выступе к середине июля также создали сильные оборонительные укрепления. Так, в полосе обороны 30-й армии было построено более 500 дзотов, около трех тысяч окопов, сооружено около

28 километров противотанковых заграждений, установлено более 11 тысяч противотанковых мин.

16 июля, за день до начала Сталинградской битвы, Ставка Верховного Главнокомандования поставила перед командованием Западного и Калининского фронтов задачу наступательной Ржевско-Сычевской операции. Общими усилиями левого крыла Калининского фронта и правого крыла Западного фронта, игравшего главную роль в операции, необходимо было «...очистить от противника территорию к северу от реки Волги в районе Ржева, Зубцова и территорию к востоку от реки Вазузы в районе Зубцова, Карамзино, Погорелое Городище овладеть городами Ржев и Зубцов, выйти и прочно закрепиться на реках Волга и Вазуза. . . ».

На Калининском фронте к наступлению готовились 30-я (командующий генерал-майор Д. Д. Лелюшенко), 29-я второго формирования (командующий генерал-майор В. И. Швецов) и 3-я воздушная (командующий генерал-майор авиации М. М. Громов) армии, на Западном фронте — 31-я (командующий генерал-майор В. С. Поленов), 20-я (командующий генерал-майор М. А. Рейтер) и 1-я воздушная (командующий генерал-лейтенант авиации С. А. Худяков) армии.

Командующий Калининским фронтом И. С. Конев решил нанести главный удар на Ржев с севера силами 30-й армии, 29-я армия наносила вспомогательный удар вдоль левого берега Волги на Зубцов.

Во второй половине июля в состав готовившихся к наступлению армий прибыли с других участков или из резерва фронтов крупные силы. Так, в состав 30-й армии, располагавшей до середины июля 7-ю стрелковыми дивизиями, 4-мя отдельными стрелковыми бригадами и 3-мя танковыми бригадами, прибыли еще 8 стрелковых дивизий и 5 танковых бригад, в 31-ю армию прибыли 5 стрелковых, 6 танковых бригад, 12 саперных батальонов и большое количество артиллерийских и минометных частей, в 20-ю армию — стрелковый корпус, 3 стрелковых дивизии, 3 танковых бригады, самокатно-мотоциклетная бригада, артиллерийские, минометные и зенитные части.

Важнейшей особенностью Ржевско-Сычевской наступательной операции должна была стать ее внезапность. О планах наступления знали только члены Военного совета, начальники штабов и начальники оперативных отделов армий, переговоры по радио и телефону и всякая переписка были запрещены, приказы передавались устно. Все части и подразделения выгружались на отдаленных от фронта железнодорожных

станциях и до рассвета сосредотачивались в лесах, следы от гусеничных тракторов и танков тщательно заматались, днем не топились походные кухни.

Июль 1942 года под Ржевом выдался жаркий, с короткими грозовыми дождями. Полное затишье на Ржевском выступе способствовало тому, что враг не догадывался о предстоящем наступлении советских войск. С наблюдательных пунктов было видно, как немецкие солдаты в ближайшем тылу в одних рубашках косили траву и загорали возле своих блиндажей, по дорогам иногда проезжали их пароконные повозки, автомашины. В то время, как в нашем тылу шли усиленные приготовления к наступлению — подтягивались стрелковые, танковые и артиллерийские части и подразделения, подвозились боеприпасы, развертывались медсанбаты, такая беспечность врага была выгодна.

К северу от Ржева в течение 27—29 июля готовилась к прорыву вражеской оборонительной полосы на фронте Ново-Семеновское, Дешевки, Плотниково протяженностью 12 километров ударная группировка 30-й армии в составе 9 стрелковых дивизий, 8 танковых бригад, 6 полков РГК, 3 истребительно-противотанковых, артиллерийских полков, 3 гвардейских минометных полков и 10 гвардейских минометных дивизионов.

Перед фронтом ударной группировки 30-й армии оборону занимали 87-я пехотная дивизия под командованием генерал-лейтенанта Штудница и 256-я пехотная дивизия под командованием генерал-майора Донгаузера, усиленные мотопехотой 14-й мотодивизии и танками 5-й танковой дивизии. Эти части входили в состав Ржевской группы немецко-фашистских войск под командованием генерал-полковника Моделя.

Наступающая сторона имела большое превосходство перед обороняющейся в живой силе и технике. На участках прорыва была достигнута значительная для лета 1942 года плотность огня — до 115—140 стволов на один километр фронта.

Сражаться предстояло в лесистой, во многих местах заболоченной местности, с небольшими, но разливающимися во время дождей реками Держа, Вазуза, Гжать, Осуга, Бойня, Шишка. В конце июля пошли дожди и дороги сделались труднопроходимыми. Многие участники боев под Ржевом подчеркивают, что такой тяжелой местности, такого бездорожья им не пришлось встречать за всю войну.

26 июля войска 30-й армии получили приказ о переходе в наступление 30 июля, в котором, в частности, говорилось: «Армия своим левым флангом прорывает фронт противника на

участке Ново-Семеновское, Плотниково с задачей овладеть Ржевом. . .» В центре ударной группировки на направлении главного удара: Дешевки, Рамено, Полунино, Ржев оборону противника должны были прорвать три стрелковые дивизии — 379-я с 28-й танковой бригадой, 16-я гвардейская с 256-й танковой бригадой и 2-я гвардейская с 143-й танковой бригадой. К исходу первого дня этими силами совместно с группой развития прорыва в составе 132-й и 136-й отдельных стрелковых бригад, 35-й и 240-й танковых бригад и армейским резервом в составе 139-й и 52-й стрелковых дивизий необходимо было выйти к Ржеву, овладеть его западной и северной частью, к исходу второго дня — южной и юго-восточной частью, а к исходу третьего дня — деревнями Абрамково, Домашино, Чачкино, Юрятино, расположенными южнее и юго-восточнее Ржева.

На флангах участка прорыва несколько наших стрелковых дивизий и танковых бригад, обеспечивая ударную группировку от контратак противника, должны были нанести вспомогательные удары на опорные пункты Ново-Семеновское, Горы-Казеки и на Бельково, Харино, Теленково.

В канун Ржевско-Сычевской операции, 28 июля 1942 года, И. В. Сталиным как наркомом обороны был подписан приказ № 227, ставший одним из важнейших и жесточайших документов войны. В приказе, в частности, говорилось: «Наша Родина переживает тяжелые дни. Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило. . . Можем ли мы выдержать удар, а потом отбросить врага на запад? Да, можем, ибо наши фабрики и заводы в тылу работают теперь прекрасно, и наш фронт получает все больше и больше самолетов, танков, артиллерии, минометов. Чего же у нас не хватает?

Не хватает порядка и дисциплины в ротах, в батальонах, в полках, дивизиях, в танковых частях, в авиаэскадрильях. . .

Отныне железным законом дисциплины для каждого командира, красноармейца, политработника должно явиться требование — ни шагу назад без приказа высшего командования».

В ночь на 30 июля по всем частям и подразделениям был зачитан приказ Военного совета Калининского фронта, в котором, в частности, говорилось: «Каждый удар по врагу на любом участке фронта приближает разгром немецких оккупантов. Крепкий, решительный удар по врагу на вашем участке фронта скажется на юге и под Воронежом и явится прямой помощью

войскам Красной Армии, сдерживающим натиск немецко-фашистских орд на юге».

Минеры ночью проделывали на переднем крае проходы в минных полях врага — полутораметровые для пехоты и трехметровые для танков. Вышли к исходным рубежам все наши части, сузился фронт стрелковых дивизий, на переднем крае стало тесно от новых артиллерийских батарей, танковых бригад. Бойцы и командиры стрелковых частей и подразделений оставили в обозах все личные вещи — шинели, плащпалатки, вещмешки — все, что могло бы помешать быстрому продвижению в бою.

На главном направлении

Разрывались миллионы снарядов
На пылающей ржевской земле.
Город был для захватчиков адом,
Утопал месяцами во мгле.

Виктор Тарбеев

30 июля в 6 часов 30 минут утра 30-я и 29-я армии Калининского фронта начали артиллерийскую подготовку. Это был мощный шквал огня. Его вели сотни орудий разных калибров. Передний край обороны противника потонул в сплошном огне. Все участники этих событий утверждают, что такой мощной артиллерийской подготовки им раньше видеть не приходилось.

Во время артподготовки пошел дождь, он то затихал, то вновь усиливался. Когда же после одновременного залпа 10 дивизионов «катюш» на всем фронте прорыва наша пехота и танки перешли в наступление, дождь превратился в сплошной ливень. Штурмовики смогли сделать один вылет, сбросили на врага бомбы, но больше наши самолеты в этот день не появились из-за дождя.

О начале наступления севернее Ржева командующий артиллерией Калининского фронта генерал-полковник Н. М. Хлебников вспоминал:

«Мощь огненного удара была столь велика, что немецкая артиллерия после нескольких неуверенных попыток ответить огнем на огонь замолчала. Две первые позиции главной полосы обороны противника были разрушены, войска, их занимавшие, — почти полностью уничтожены. Только жалкие остатки фашистских частей отошли на вторую полосу обороны. . . Кто наступал тогда в низинах и болотах под Ржевом, вряд ли забудет эти дни. Вода льется потоками сверху, вода пробивается снизу, моментально заполняя свежевырытые окопы. . .

Грязь была нашим главным врагом, она заставила нас терять массу времени на преодоление каждого километра. Фашистское командование успело перебросить к участку прорыва две свежие дивизии, наше наступление застопорилось. Завязались тяжелые изнурительные бои».

Вся местность на участке прорыва была залита водой, сильно поднялся уровень рек, ручейки вышли из берегов. Наши бойцы, мокрые и грязные, шли по колено в воде. В центре прорыва пехотинцы продвинулись на 6—7 километров, но перед второй полосой немецкой обороны были остановлены артиллерийским и пулеметным огнем опомнившегося врага. «Пехота лежит

Начальник штаба 31-й армии генерал-майор М. И. Щедрин.

Командующий ВВС Калининского фронта генерал-майор М. М. Громов.

Командующий 30-й армией генерал-лейтенант В. Я. Колпакчи.

Командир 274-й стрелковой дивизии В. П. Шульга.

перед второй линией обороны противника в чахлой ржи, — вспоминает об этом полковой инженер 1227-го стрелкового полка 369-й дивизии И. Г. Кравченко. — Ползу от воронки к воронке, от живых к мертвым. Впереди уцелевшие вражеские пулеметы. Пули повизгивают то справа, то слева. Командир роты хриплым голосом просит: «Дайте огня! Пулеметы не дают подняться!» Наша артиллерия отвечает редкими выстрелами из-за стены дождя. . . ». Поддержать нашу пехоту было нечем потому, что танки и артиллерия не смогли одолеть бездорожья и отстали. Настланные саперами дороги-лежневки под тяжестью транспорта и орудий на полметра и более уходили в раскисшую землю. Артиллеристы впрягали до десятка лошадей, чтобы вытащить увязшие в грязи пушки. Но и лошади тонули, и подчас их самих приходилось вытаскивать веревками. Танки, застрявшие в грязи, в болотах и ручьях, сжигались вражеской артиллерией. Особенно уязвимыми оказались танки, полученные от союзников.

К концу первого дня наступления ударная группировка 30-й армии прорвала сильно укрепленную оборонительную полосу противника на фронте 9 километров и на глубину 6—7 километров. До Ржева оставалось 6 километров. В тот день никто не предполагал, что для преодоления этих 6-и километров потребуются месяцы кровопролитнейших боев и что Ржев будет освобожден не 31 июля или 1 августа 1942 года, а только 3 марта 1943 года.

379-я дивизия овладела деревней Космариха и, перейдя ручей Добрый, продвигалась к Федоркову, 16-я гвардейская дивизия быстро овладела деревнями Дешевка, Дубровка, Наумово, Коршуново, Рамено. На правом фланге ударной группировки 243-я дивизия овладела деревней Подсосенки, а 11-я дивизия — деревней Ново-Семеновское.

К вечеру подул холодный ветер. Наши бойцы ночевали уже на отвоеванной территории, почти прямо в воде, а утром, оконченные, грелись у небольших костров, сделанных кое из чего. На всей местности к северу от Ржева, где располагались наши наступающие части, не было не только ни одной уцелевшей деревни, но даже какого-либо строения или кустов.

Восемь дней, с 30 июля до 7 августа, не стихая ни на мгновение, гремела битва в 6—7 километрах севернее Ржева. Днем и ночью дивизии вели наступательные бои, по несколько раз в сутки танковые и стрелковые части шли в атаку или отбивали неоднократные контратаки врага.

Зап нескольких дивизионов «катюш» во время Ржевско-Сычевской операции.

Так, штурмовая группа 243-й дивизии, овладев стремительным ударом деревней Копытиха, за сутки отразила 14 контра-так превосходящего в силах противника, сама 8 раз переходила в атаки и удержала отвоеванный у врага рубеж.

16-я и 2-я гвардейские дивизии, а с 5 августа и 52-я стрелковая дивизия, вели ожесточенные кровопролитные бои за овладение деревнями Полунино, Галахово и Тимофеево, 348-я дивизия — за овладение деревнями Кокошилово и Косачево, 343-я дивизия — за Бураково, III-я, 379-я и 78-я дивизии — за Харино, Мурылево, Горбово, Федорково, 220-я дивизия — за Бельково и Свиныно.

Об ожесточенности боев, которые вели в эти дни части 30-й армии, можно получить представление, но, конечно, далеко не полное, на примерах штурма 220-й стрелковой дивизией деревень Бельково и Свиныно. Документы — ежедневные оперативные сводки и политдонесения командования дивизии в штаб и начальнику политотдела 30-й армии

Орудийный расчет сержанта Кумратова на огневой позиции.

Атака советских танков с пехотой подо Ржевом.

бригадному комиссару Н. И. Шилову — излагают ее боевые события скупно, но правдиво. Так, Георгий Викторович Сквородкин, в те дни капитан, начальник штаба, а затем командир 653-го стрелкового полка 220-й дивизии, в своих воспоминаниях пишет, что 220-я стрелковая дивизия начала наступление на Бельково только 8 августа, а «до этого дня другие дивизии штурмовали Бельково, но взять не могли». Память может сильно изменять участникам событий: дивизия штурмовала Бельково с 30 июля.

До Ржевско-Сычевской наступательной операции 220-я дивизия прошла трудный и славный боевой путь. Основными вехами этого пути были: оборонительные бои в июле 1941 года в городе Витебске, когда дивизия дважды выбивала противника из восточной части города, оборонительные бои у реки Немощенка, стойкая оборона с оголенными флангами западнее Сычевки в октябре 1941 года, наступление на Ржев в составе 39-й армии, а затем смертельные бои в Мончаловских лесах и выход из окружения в составе 29-й армии, разгром в марте 1942 года крупной эсэсовской группировки на правом берегу Волги западнее Ржева.

После недолгого пребывания в резерве Калининского фронта 220-я стрелковая дивизия, усиленная минометными и танковыми частями, доведенная до полной численности — около 14-ти тысяч человек — расположилась в исходном для наступления районе — севернее деревни Зальково. В эти дни в дивизии, возглавляемой боевым командиром полковником Станиславом Гиляровичем Поплавским, было около двух тысяч коммунистов и более трех тысяч комсомольцев.

В 4 часа утра 30 июля во всех частях и подразделениях дивизии лично составу были зачитаны приказ командующего Калининским фронтом № 105 от 27 июля 1942 года и приказ наркома обороны СССР № 227 от 28 июля 1942 года. Комдив С. Г. Поплавский вручил 31-му бойцу и командиру боевые ордена.

В ходе артиллерийской подготовки не удалось подавить все огневые точки врага. Артиллеристы вели огонь под ответным огнем врага. Вражеская пехота, дрогнув, оставила свои передовые позиции, но непрекращающийся ливень ослабил нашу первую атаку, и немцы вновь вернулись в Бельково и Свиныно. Танки 236-й танковой бригады из-за беждорожья к началу атаки опоздали, подходившие танки сразу же по две, три, четыре машины бросались по приказу в бой, но застревали в ручье перед деревней Бельково. Дождь заливал смотровые

щели и отверстия для прицелов, пехотинцы-десантники вынуждены были покидать танки, становившиеся неподвижными целями для артиллерии противника. Только один танк под командованием командира взвода лейтенанта А. М. Таюпова сумел преодолеть ручей, но через несколько десятков метров был подбит.

Две атаки 376-го и 653-го стрелковых полков были отбиты немцами. Наши потери были огромными.

31 июля в бой были введены все три стрелковых полка дивизии. Почти все орудия были поставлены на прямую наводку. Командир орудия 7-й батареи старший сержант П. Я. Толстик, встав за наводчика, меткими выстрелами уничтожил три пулеметных точки, один дзот, один блиндаж и одно орудие противника. Командир 8-й батареи старший сержант П. М. Волков подавил четыре дзота, одну минометную батарею с прислугой, шесть пулеметных гнезд, один блиндаж. В этот день в артиллерийской дуэли было убито 6 и ранено 10 наших артиллеристов и минометчиков. Но подавить все огневые точки противника в Бельково и Свиныно артиллерийским огнем все-таки не удалось.

Танки снова застряли севернее Бельково. В результате нескольких атак стрелковые полки дивизии заняли восточную часть Бельково, очистили отдельные дома от засевших в них автоматчиков, но под ураганным минометным и пулеметным огнем из дзотов, сооруженных на середине деревни, вынуждены были отойти. 31 июля три стрелковых полка дивизии потеряли 340 человек убитыми и 714 ранеными.

1 августа наши танки в течение всего дня участия в атаках не принимали. Все три стрелковых полка начали бой за Бельково с 5-и часов утра, но первая же атака захлебнулась. В 5 часов 50 минут после сильного артиллерийского налета немцы перешли в контратаку силою двух рот пехоты и эскадрона конницы. Контратаку врага отбил 653-й стрелковый полк под командованием майора И. А. Курчина, занимавший юго-восточную окраину Бельково.

В 7 часов утра 376-й полк атаковал северо-западную, а 673-й полк — северную окраину Бельково, но атака вновь захлебнулась под губительным артиллерийским, минометным и пулеметным огнем из Бельково и из глубины обороны врага.

В 11 часов 30 минут после артналета батальон немецкой пехоты вновь контратаковал 653-й полк, который, понеся в бою большие потери, вынужден был оставить юго-восточную окраину Бельково. Безуспешно закончилась и атака 376-го

и 673-го полков в три часа пополудни после слабого из-за недостатка боеприпасов 10—15 минутного артиллерийского налета. Понеся большие потери, полки вынуждены были залечь в 100 метрах севернее и северо-западнее Бельково.

Противник постоянно укреплял свои оборонительные рубежи в Бельково и Свиньино.

В ночь на 2 августа 220-я дивизия получила 486 человек пополнения. После перегруппировки сил полки дивизии заняли исходные позиции для наступления в 500 метрах северо-западнее Бельково-Свиньино.

Атака началась после артиллерийской подготовки и залпа двух дивизионов «катюш» по району Свиньино. Противник встретил атакующих сильным огнем из Бельково и Свиньино и из глубины обороны. Не дойдя к двум часам дня двухсот метров до Бельково, наши стрелковые полки залегли. Вскоре они были отведены на исходные позиции, чтобы в 15 часов 20 минут четыре дивизиона «катюш» смогли дать по деревне залп. Но залп гвардейских минометов был не совсем удачным: не по северной, как предполагалось, а по восточной окраине Бельково, были и недолеты. Сразу после залпа «катюш» стрелковые полки при поддержке восьми танков пошли под огнем противника в атаку. В Бельково ворвался только один танк Т-34, возглавляемый лейтенантом Г. П. Ештокиным, остальные семь застряли в дороге и вели огонь по деревне с места. К 6 часам вечера наши пехотинцы под сильным огнем подошли к северным окраинам Бельково и Свиньино, но вынуждены были залечь под бомбами и обстрелами с воздуха.

За четыре дня наступательных боев дивизия потеряла 877 человек убитыми и 3083 ранеными. Несмотря на неоднократные пополнения, к середине августа в стрелковых полках осталось всего по 100—150 человек.

Яркую, но страшную картину поля перед деревнями Бельково и Свиньино рисует бывший командир минометного взвода 114-го отдельного стрелкового батальона Л. М. Вольпе, прибывший сюда в первых числах августа: «Перед фронтом батальона лежала большая, пересеченная оврагами и руслами каких-то ручьев поляна — километра четыре в глубину и 6 в ширину. На другом конце поляны в бинокль хорошо просматривались развалины деревень Бельково и Свиньино. На них мы и вели наступление. Где-то впереди правее угадывалась знаменитая Дешевка, которая досталась нам чрезвычайно дорогой ценой.

Мне пришлось пройти через всю войну, но такого количества убитых наших бойцов не довелось уже видеть никогда. Вся

поляна была усеяна телами убитых, порывы ветра доносили трупный запах, дышать было трудно. Запомнился, например, целиком погибший расчет противотанкового орудия, лежащий около своей перевернутой вверх колесами пушки в большущей воронке. Виден был командир орудия с биноклем в руке. Заряжающий с зажатым в руке шнуром. Подносчики, навсегда застывшие со своими так и не попавшими в казенник снарядами».

Неоднократные ежедневные и ночные атаки 220-й стрелковой дивизии на Бельково, Свиньино и Харино были безуспешными до 12 августа. Они проводились не только под сильным артиллерийским, минометным и пулеметным огнем, но и почти непрерывной бомбежкой и обстрелом с воздуха. Только в течение дня 3 августа авиация противника 20 раз бомбила боевые порядки частей дивизии группами по 15 самолетов. Наша авиация появлялась редко. 4 августа в течение 15 минут — с 9 часов 30 минут до 9 часов 45 минут — наши самолеты бомбили подразделения 220-й дивизии, но, к счастью, жертв не было, была ранена только одна лошадь.

За каждые сутки боев дивизия теряла до 100—150 человек убитыми и до 600—700 человек ранеными. В этих боях наши бойцы и командиры проявляли массовый героизм, ежедневно в оперативных сводках и политдонесениях отмечались особо отличившиеся в боях. 6 августа командованием дивизии были вручены ордена и медали 36 бойцам, командирам и политработникам. За пять дней боев в члены и кандидаты партии было подано более 200 заявлений. Многие бойцы писали перед боем: «Желаю идти в бой коммунистом».

Но не все выдерживали «ржевскую мясорубку». Уже 30 июля к концу дня отдельные бойцы покинули передовую, мотивируя свой уход усталостью и дождливой погодой. Политработники и офицеры штаба дивизии совместно с заградительным отрядом собрали к 8 часам утра всех ушедших в ближний тыл и ввели в боевые порядки. И в последующие дни отмечались случаи самовольного ухода с поля боя и растерянности командиров в управлении боем. Во исполнение сталинского приказа № 227, кроме дивизионного заградительного отряда численностью около 150 человек, выполнявшего службу в полутора-двух километрах от переднего края на рубеже Старшевицы-Ченцово, в каждом стрелковом полку были созданы специальные группы автоматчиков, получившие задачу не допускать отхода наших бойцов. С 31 июля по 8 августа заградительным отрядом дивизии и полковыми группами было

задержано 547 человек, из них — 386 бойцов из состава 220-й дивизии, остальные — из 52-й стрелковой дивизии, 2-й гвардейской дивизии, 114-й стрелковой бригады и других частей. В последующие дни случаев дезертирства не отмечалось.

12 августа к исходу дня стрелковые полки 220-й дивизии, потеряв в этот день 24 человека убитыми и 97 — ранеными, выбили противника из деревень Бельково и Свиньино. Боевой состав стрелковых полков, неоднократно пополнявшихся из резерва армии и фронта, к концу этого дня состоял: 376-й полк — 40 человек, 673-й полк — 64 человека, 653-й полк — 48 человек. Из показаний пленного немецкого солдата, захваченного 132-й стрелковой бригадой, узнали, что в Белькове оборонялся 256-й запасной пехотный батальон, сформированный из новобранцев и введенный в бой 30 июля 1942 года в качестве подкрепления 481-го пехотного полка 256-й пехотной дивизии генерал-майора Донгаузера.

Еще более кровопролитный характер носили бои, которые вели в 6—7 километрах севернее Ржева дивизии ударной группировки 30-й армии у деревни Полунино. С каждым днем сопротивление гитлеровцев усиливалось, они неоднократно переходили в контратаки, на ряде участков — в психические. Деревни Полунино, Галахово и Тимофеево представляли из себя мощный узел сопротивления. Это были сплошные минные поля, густая сеть дзотов, колючая проволока в 3—4 ряда. Из соседних деревень Федорково и Горбово немцы вели по наступающим на Полунино фланкирующий огонь. Именно в Полунино расположено самое крупное братское захоронение на территории Ржевского района — в нем покоится прах более 10 тысяч советских солдат и офицеров.

Погибших хоронили в основном во время боев, но и после освобождения Ржева весной 1943 года разложившимися трупами, иногда в несколько слоев, были покрыты ржевские поля и кустарники. Участник летних боев под Ржевом писатель А. Цветков в своих фронтовых записках вспоминает, что когда танковую бригаду, в которой он сражался за деревни Полунино и Галахово, после тяжелых потерь перебросили в ближний тыл, в район деревни Дешевка, то выйдя из машины и оглядевшись, наши танкисты пришли в ужас: вся местность была покрыта трупами солдат. Трупов было так много, что как будто их кто-то скопил и свез сюда, как траву. «Беда нагрянула со всех сторон: третьи сутки не пьем, не едим, — пишет А. Цветков. — Кругом зловоние и смрад. Многих тошнит,

Минометчики расчета старшего сержанта М. Деева ведут огонь по врагу.

Прием в партию перед боем.

многих рвет. Так невыносим для организма запах от тлеющих человеческих тел.

Нашим саперам, пожалуй, досталось всех больше. Командир взвода Тараканов, тяжело вздыхая, рассказывает: «Тысячи их тут, трупов-то... Бились без пощады, насмерть. Похоже, до рукопашной дело доходило... Жуткая картина, отродясь такой не видывал...».

Тридцать тысяч трупов оставили здесь, под Дешевкой, гитлеровцы, упорствуя в сдаче Ржевских укреплений. Эту цифру в ближайшие дни назовет в своих сводках Информбюро, лукаво обойдя свои потери. Но от нас, от саперов в особенности, правду не скрывать...

К беседе подключились другие саперы и всяк по-своему драматизировал только что выполненное им боевое задание. «Да, — сказал один из них, глубоко вздыхая, — жизнь штука серьезная. Смолоду конца ей, кажись, нет и краю..., а сейчас вот она у нас вся, как на ладони. Руки аж ломит от надсады-то, полтыщи, наверное, свалил я вчера в яму-то... кого за волосы волок, кого за ноги, кого как. Бух, и поминай, как звали!»...

...Придет, видимо, время, когда это страшное место буду осматривать, изучать и искать следы страшной войны. История «Мамаевых курганов» не забывает».

В создавшейся обстановке, приостановив наступление, командование 30-й армии 7—9 августа произвело перегруппировку войск с целью изменения направления главного удара. Было принято решение наступать левым флангом армии в обход Ржева.

Потери наших наступающих частей и подразделений были чудовищными, но мы не должны их скрывать во имя памяти героев битвы под Ржевом, во имя правды истории. Здесь нельзя не вспомнить горькие слова писателя Виктора Астафьева, сказанные им на конференции писателей и ученых-обществоведов в апреле 1988 года: «...мы как-то умудрились сочинить другую войну, во всяком случае, к тому, что было долго писано о войне, я как солдат-фронтовик никакого отношения не имел. Я был на совершенно другой войне... Мы просто не умели воевать. Мы и закончили войну, не умея воевать. Мы залили своей кровью, завалили врагов своими трупами. Вы посмотрите на любую из карт 1941 и даже 1944 года: там обязательно 9 красных стрелок против 2—3 синих. Это 9 наших армий воюют против 2—3 армий противника».

От Держи к Вазузе

Бой в лесу, в кустах, в болоте,
Где война стелила путь,
Где вода была пехоте
По колено, грязь — по грудь...
Александр Твардовский.

Одной из важнейших причин срыва штурма Ржева были ливневые дожди и сильная распутица. Дождь заменил гитлеровцам несколько дивизий. Проливные дожди, поднявшие уровень воды в реке Держа, правого притока Волги в 40 километрах восточнее Ржева, с 40—70 сантиметров до 2—3 метров и превратившие ее в бурный широкий поток, который снес не только построенные на ней мосты, но и настилы на бродах и гати на подходах к ним, вынудили командование Западного Фронта перенести намеченное на 2 августа наступление 31-й и 20-й армий на 4 августа. Таким образом, разрыв между началом наступления Калининского и Западного фронтов достиг пяти суток. Уже выведенные в исходное положение в ночь на 1 августа войска должны были частично отойти в тыл. Приготовленные саперами мосты для переправ на реках Вазуза и Осуга пришлось использовать на реке Держа.

В 6 часов 15 минут утра 4 августа в районе поселка Погорелое Городище началась мощная полтора часовая артиллерийская подготовка. От гула орудий и гвардейских минометов закладывало уши, дрожали земля и воздух, небо заволокло дымом. Одновременно штурмовая и бомбардировочная авиация наносила удары по врагу с воздуха. В ходе артподготовки был сделан ложный перенос огня в глубину обороны противника, а наши самолеты в этот момент на отдельных участках поставили дымовые завесы. Когда фашистское командование, решив, что началась атака, вывели своих солдат из укрытий, артиллеристы вновь перенесли огонь на передний край обороны врага.

В 7 часов 45 минут ударные группировки 31-й и 20-й армий, преодолев по штурмовым мостикам, на плотах, лодках и вброд реку Держа, перешли в стремительную атаку. Траншеи врага оказались буквально заваленными трупами солдат и офицеров. Было выведено из строя более 80 процентов огневых средств противника.

«На участке прорыва 118-й дивизии, — вспоминал командир этой дивизии генерал-лейтенант А. Я. Веденин, — на каждом

километре артиллерийскую подготовку вели 300 орудий и реактивных минометов. Шипящими раскаленными кометами разрезали темноту реактивные снаряды «катюш». Здесь впервые были применены крупные снаряды реактивной артиллерии — «андрюши». Это была лавина огня и стали... Плавилась колючая проволока. Горела сама земля. Враг обезумел от ужаса. Многие из оставшихся в живых немцев действительно сошли с ума... И вот сигнал к атаке. За огненным валом нашей артиллерии ринулись в бой отделения, взводы, роты. Героизму, находчивости бойцов и командиров можно было только удивляться.

Штурмовые подразделения, пехота и танки, поддерживаемые артиллерией и авиацией 1-й воздушной армии генерал-майора С. А. Худякова, к вечеру первого дня наступления прорвали главную полосу обороны противника. На некоторых участках наши пехотинцы 5—7 километров шли в полный рост, почти не встречая сопротивления. Со второй половины дня враг начал вводить в бой новые части. На наши наступавшие стрелковые, артиллерийские и танковые части обрушили смертоносный груз десятки вражеских бомбардировщиков.

В 13 часов 50 минут части 251-й стрелковой дивизии, обойдя Погорелое Городище с юга по долине реки Держа, ворвались в поселок. В ожесточенных боях противник был уничтожен, 87 солдат и офицеров сдались в плен. В Погорелом Городище было захвачено много оружия и боеприпасов, а также 400 новых мотоциклов. К утру 5 августа образовался общий участок прорыва двух армий шириной 15—16 километров и глубиной 6—9 километров. Днем наступление развернулось с новой силой, прорыв был расширен, армии выходили на подступы к рекам Вазуза и Гжать.

Прорыв обороны немцев на реке Держа войсками правого крыла Западного фронта и наступление к реке Вазузе показали врагу, что основной удар направлен на Сычевку, что создавало угрозу отрезать всю северную часть Ржевского выступа. Гитлеровское командование предпринимало отчаянные усилия для предотвращения угрозы разгрома своей группировки на Ржевском выступе. Из Вязьмы и Смоленска в первых числах августа на выступ выдвинулось несколько танковых и пехотных дивизий. Основная масса авиации группы армий «Центр» 2—5 августа перебазировалась к Ржеву и Сычевке.

Немецкий военный историк Типпельскирх в своей книге «История второй мировой войны» об этих событиях написал: «Прорыв удалось предотвратить только тем, что три танковые

В освобожденном селе Столыпине сержант Байков встретился с женой и детьми.

и несколько пехотных дивизий, которые уже готовились к переброске на Южный фронт, были задержаны и введены сначала для локализации прорыва, а затем для контрудара».

В то время, когда командование немецкой группы армий «Центр» готовило 1-ю, 2-ю и 5-ю танковые и две пехотные дивизии для контрудара по Погорелому Городищу и переправляло их на правый, восточный берег Вазузы, на запад через реку Держа под проливным дождем переправлялась подвижная группа Западного фронта под командованием генерал-лейтенанта И. В. Галанина, в которую входили 6-й и 8-й танковые и 2-й гвардейский кавалерийский корпуса генералов А. Л. Гетмана, М. Д. Соломатина и В. В. Крюкова.

7 августа подвижная группа войск 31-й армии под командованием генерал-майора А. Ф. Бычковского освободила юго-восточную часть города Зубцов до реки Вазуза. В этот же день 20-я гвардейская дивизия под командованием полковника И. Ф. Дударева и подвижная группа А. Ф. Бычковского, передавшая освобожденную часть Зубцова подошедшей 239-й стрелковой дивизии полковника Г. О. Мартиросяна, форсировали реку Вазуза южнее Зубцова. На отдельных участках захватила небольшие плацдармы на левых берегах рек Вазуза и Гжать и 20-я армия.

Река Вазуза, мелководная в сухое время года, оказалась довольно серьезной водной преградой, особенно для танковых и артиллерийских частей. Ширина реки достигала 80—90 метров, а глубина обычно не превышала полутора-двух метров. После проливных дождей Вазуза вздыбилась, затопила все броды. Наведение переправ проходило под ударами вражеской артиллерии и авиации. Правда, над переправами периодически появлялась наша истребительная авиация, но еще большую роль играли меткий огонь наших зенитчиков и самоотверженность саперов, которые, стоя буквально по горло в воде и в первое время под огнем артиллерии противника, бесстрашно делали свое дело.

Бойцы преодолевали Вазузу с ходу, используя подручные средства — плоты, пустые бочки, набитые соломой плащпалатки, а то и вплавь. Артиллеристы при форсировании реки утопили много оружия. «Когда через две недели, — вспоминал бывший начальник артснабжения 531-го стрелкового полка 164-й дивизии капитан И. А. Васильев — к нам прибыла комиссия, она резонно задала вопрос: «Как же вы могли утопить в реке оружие, когда в ней воды по колено?». Выручили синоптики: они подтвердили, что в момент форсирования уровень воды в реке был на три метра выше «ординара».

Правда, потом мы много оружия нашли, а вот людей не вернешь».

В те дни, 7—9 августа, когда командование нашей 30-й армии, приостановив наступление на Ржев через деревни Полунино, Галахово и Тимофеево, производило перегруппировку войск и меняло направление главного удара, на берегах рек Вазуза и Гжать 20-я, 31-я, а с 8 августа и 5-я армии Западного фронта вели тяжелые бои с крупными силами 9-й общевойсковой и 3-й танковой армиями врага.

В своем дневнике начальник Генерального штаба сухопутных войск фашистской Германии генерал-полковник Гальдер 8 августа сделал такую запись: «413-й день войны. Группа армий «Центр». Трудное положение из-за прорыва русских восточнее Зубцова. Обстановка все ухудшается. Скоро будет достигнута критическая точка. Наступление противника на 342-ю дивизию также привело к частичным вклинениям. 36-ю моторизованную дивизию нужно отвести назад».

20-я армия, наступавшая южнее Зубцова, отбросила противника к Вазузе. 9 августа на рубеже рек Вазуза и Гжать от Зубцова до Карманова сражение дошло до кульминационной точки. В нем приняло участие с обеих сторон до 1500 танков. Наши армии, введя в бои все свои силы, уже утрачивали превосходство перед немцами.

«Противник, — вспоминал заместитель начальника штаба 31-й армии генерал-майор М. И. Щедрин, — не считаясь с потерями, ожесточенно сопротивлялся, имея целью выиграть время на подготовку обороны по западному берегу реки Вазузы. Его бомбардировочная авиация, усиленная «берлинской» снайперской учебной эскадрилей, причиняла нашим войскам значительные потери. Мы не имели возможности воспрепятствовать действиям его бомбардировщиков, так как наша авиация, в основном, была занята борьбой на Сталинградском и Кавказском направлениях».

О мощности немецкой бомбардировочной авиации и кровопролитности боев на левом, западном, берегу Вазузы свидетельствует рассказ Н. П. Питецкого о событиях только одного «обычного фронтового дня» — 22 августа 1942 года на узком участке фронта: в полосе обороны 20-й гвардейской стрелковой дивизии, входившей в состав 31-й армии.

Николай Павлович Питецкий, кадровый офицер-артиллерист, награжденный многими орденами и медалями, за бои под Ржевом был награжден медалью «За отвагу», орденом Отечественной войны II степени, а за бой 22 августа 1942 года

в районе деревень Высокое и Пульниково — орденом Красного Знамени. 20—22 августа здесь наступило кратковременное затишье, не появлялась даже вражеская авиация. 20-я гвардейская дивизия после тяжелых потерь при форсировании Вазузы пополнялась новобранцами, артиллеристы 46-го гвардейского артополка и стрелковых полков получили новые орудия. Но, что главное, на каждую батарею, состоящую из четырех орудий, было подвезено по две с половиной тысячи снарядов. В стрелковых полках первого эшелона создавались временные полковые артиллерийские группы (ПАГ), в каждой — до 100 орудий и минометов.

Наша разведка обнаружила крупную концентрацию вражеских войск, готовившихся к наступлению. Командование запретило артиллеристам проявлять активность, стрельбу из орудий можно было вести только по особому разрешению, расходуя не более шести снарядов в сутки.

В распоряжении майора Питецкого, назначенного командиром полковой артиллерийской группы 55-го гвардейского стрелкового полка было 99 орудий и тяжелых минометов. Орудия стояли на закрытых позициях, а наблюдательные пункты ночью были перемещены на обращенные в сторону противника скаты холмов, очень близко к немецким окопам. Солдаты-разведчики, телефонисты, радисты, связные глубоко зарылись в землю, глубокие окопы были перекрыты бревнами в один накат, которые укрывали от ротных минометов и ручных гранат немцев. В стереотрубы хорошо были видны лица немцев на переднем крае. Просматривалась вся оборона противника на глубину 4—5 километров. За передним краем немецкой обороны находилось большое поле с несжатой густой рожью, а позади темнел лес. Предполагая, что рожь может скрывать пехоту врага, Питецкий все 99 стволов направил на ржаное поле, предварительно сделав несколько контрольных выстрелов.

С раннего утра 22 августа, ожидая наступления немцев, Питецкий наблюдал за противником через стереотрубу, а когда у него уставали глаза, передавал стереотрубу командиру отделения разведки сержанту Майорову. Все напряженно ждали приказа огнем отразить атаку немцев, по опыту зная, что они обычно наступление начинают с утра, чтобы иметь для боя большой запас светлого времени. Но тишина ничем не нарушалась до трех часов дня. В это время Питецкого срочно вызвали к телефону, находившемуся глубоко под землей. Он успел пройти вниз только несколько ступенек, как за спиной

раздался крик сержанта Майорова: «Немцы!» Бросившись к стереотрубе, Питецкий увидел прямо перед собой сотни немецких солдат. В первое мгновение у него мороз пробежал по коже и волосы на голове встали дыбом. Но он тут же сообразил, что стереотруба приближает объект в 20 раз, и взял себя в руки. Рожь казалась уже не золотистой, а черной от вражеских солдат, поднявшихся перед атакой во весь рост. Майор Питецкий обязан был немедленно доложить об этом в вышестоящий штаб. Но не желая терять ни минуты времени, он, взяв на себя огромную ответственность, приказал батареям открыть огонь из всех 99 стволов. Десять долгих минут орудия грохотали с предельной скорострельностью, а Питецкий, к которому уже поступил приказ «Прекратить огонь!», корректировал этот шквал огня, перенося его с одного места на другое. Зрелище было страшное: наши снаряды буквально в клочья разрывали немцев, тела взлетали высоко вверх. Все разведчики, телефонисты и радисты выскочили из окопов и вели огонь по врагу из стрелкового оружия. Воздух почернел от дыма.

Для противника этот ураган огня оказался полной неожиданностью. Как стало известно впоследствии, к наступлению подготовилась свежая, только что прибывшая из Парижа дивизия СС, укомплектованная отборными солдатами 1923 года рождения. Остатки этой дивизии сразу же были сняты с фронта и отправлены на доформирование.

Только через 10 минут враг опомнился, и немецкая артиллерия открыла массированный огонь по всей нашей обороне, а небо вскоре покрылось пикирующими бомбардировщиками. Земля содрогалась от разрывов снарядов и тысячакилограммовых бомб. Наши солдаты в окопах тесно вжались в землю, многие из них навсегда в ней и остались.

На стыке с соседней 347-й стрелковой дивизией нашу оборону прорвал фашистский танковый десант, но сразу же наварался на огонь полковых артиллерийских групп. Десятки вражеских танков были подбиты, а затем перешли в контратаку наши танковые и пехотные части, и к сумеркам прежнее положение нашей обороны было восстановлено. «Мы потеряли в этом бою, — вспоминал Питецкий, — до половины личного состава, в основном убитыми или совсем разорванными в клочья, которых в списках отмечали пропавшими без вести».

Немецкая авиация в ходе Ржевско-Сычевской наступательной операции почти непрерывно по 15—20 самолетов бомбила боевые порядки наших наступающих частей. Как только

заканчивался артобстрел и наша пехота поднималась в атаку, над передним краем появлялось несколько эшелонов вражеских бомбардировщиков «Ю-88», и начиналась бомбежка, зачастую срывавшая нашу атаку. Даже ночью, осветив территорию спускаемыми на парашютах ракетами, вражеские бомбардировщики и штурмовики бомбили и обстреливали наши войска. И хотя в эти августовские дни господство фашистской авиации в воздухе являлось бесспорным, наши летчики никогда не уклонялись от воздушного боя, часто только 4—6 наших самолетов вступали в схватку с 20—30 и более самолетами врага и иногда выходили победителями. Особенно отличились в боях в Ржевском небе летчики 256-й и 209-й истребительных авиадивизий. Десятки вражеских самолетов, большое количество боевой техники и сотни гитлеровцев уничтожили под Ржевом летчики 29-го истребительного авиаполка под командованием майора А. Юданова, 129-го истребительного авиаполка под командованием майора Ю. Беркель и 215-го штурмового авиаполка майора Л. Рейно. В военном небе Ржева рождалась первая советская авиационная гвардия. 209-я авиадивизия позднее была переименована в 7-ю гвардейскую Ржевскую истребительную авиадивизию.

Под Ржевом сделали свои первые боевые вылеты многие прославленные советские летчики, ставшие позднее Героями и дважды Героями Советского Союза: Л. В. Жолудев, А. А. Шевелев, Н. В. Пивнюк, А. Н. Катрич, К. А. Крюков, В. И. Попков, Г. Т. Береговой, И. Ф. Павлов, А. С. Смирнов, С. И. Одинцов, Т. Бегельдинов, В. А. Зайцев, А. Е. Боровых. Первое боевое крещение прошел под Ржевом осенью 1942 года и сержант 198-го штурмового авиационного полка А. Н. Ефимов, ныне дважды Герой Советского Союза, маршал авиации.

Подвиги советских асов вдохновляли, иногда удивляли и вселяли уверенность в победе в воинов, сражавшихся на земле. Об одном из таких поистине легендарном, дотоле небывалом подвиге рассказал участник боев за Ржев, бывший начальник артснабжения 531-го стрелкового полка 164-й стрелковой дивизии, инвалид войны, ленинградец И. А. Васильев. В тот день, 26 августа 1942 года, по данным архива Министерства национальной обороны ГДР, налет фашистской авиации на позиции нашей армии в районе городов Ржев-Зубцов осуществлялся 5-ю боевыми группами в составе 294 самолетов, в том числе 121 пикирующего бомбардировщика. «Мы стояли на

берегу Вазузы, — вспоминает Игорь Алексеевич, — в районе деревень Высокино и Коровкино. Утром мы проснулись от гула наших «ястребков». В воздухе их было необычно много — десятка два-три, разных марок. Мы были приятно удивлены и подумали: «Ну, сегодня наши дадут фрицам жару. . .». Но вот появились «мессершмитты» и наши «ястребки», не вступив в бой, стали улетать в тыл. Что за причина? Может, у них горючее кончилось, а может, это был специально задуманный маневр — не знаю, но мы, откровенно говоря, подумали: «Ну, и слава богу, а то обидно до слез смотреть, как они горят». В это время уже ложилась на боевой курс эскадрилья немецких бомбардировщиков «Ю-88». Вот тут-то и появился наш «И-16», причем, один. Откуда он появился, мы не заметили, обратили внимание только тогда, когда он пошел в атаку. Высокое мастерство летчика, а, главное, беспредельная любовь к Родине и героизм позволили ему в течение нескольких минут сбить шесть вражеских бомбардировщиков. . . Оставшиеся бомбардировщики, спасаясь, кто как может, в панике сбрасывали бомбы на свои позиции. Наши солдаты ликовали.

И вот наш «ястребок» ведет неравный бой в окружении десятка «мессершмиттов». Доносится сплошной треск пулеметов. Через несколько минут вражеским самолетам все же удалось сбить нашего героя. Самолет падает. Все думы — спасся бы только летчик: надо прыгать, надо прыгать. . . Он выпрыгнул. Тысячи людей облегченно вздохнули. . . Но высота была небольшая и при приземлении летчик погиб. В числе других я подбежал к месту приземления. Хорошо помню лицо героя, спокойное и волевое. Он имел звание капитана или майора (точно не помню), был средних лет, на гимнастерке было несколько наград, в том числе орден Красного Знамени.

Более десяти лет И. А. Васильев ведет поиски забытого имени летчика, совершившего под Ржевом подвиг, равно которому не было до единственного в мире подвига летчика А. К. Горовца, сбившего на второй день Курской битвы, 6 июля 1943 года, на более совершенном самолете-истребителе 9 вражеских бомбардировщиков в одном бою. И. А. Васильев получил ответ Министерства обороны ГДР, в котором со ссылкой на архивные данные немецкого вермахта подтверждается этот воздушный бой под Ржевом с указанием точной даты — 26 августа 1942 года. Бывший командир 728-го истребительного авиаполка гвардии полковник И. Ф. Ослаков назвал даже имя героя, но документально оно пока не подкрепляется.

Командир 371-й стрелковой дивизии полковник Н. Н. Олешев (в центре) с офицерами штаба.

К западу от Вазузы лежала безлесная местность со значительным подъемом в сторону врага, которая им хорошо просматривалась и простреливалась вдоль и поперек. Бои у деревень Фомино-Городище, Высокое, Пульниково, Лесниче-но, Красное, Михеево и многих других, большинство которых навсегда были стерты с лица земли, были настолько кровопролитными, что местные жители позднее говорили о ручье, прозванном Аксиныным и протекавшем по дну оврага от Михеева к Красному: «По Аксиныному ручью тогда текла не вода, а людская кровь». Потери как врага, так и наших войск были огромными. Так, например, через 40 дней наступательных боев, с 4 августа до 14 сентября 1942 года, в 531-ом полку 164-й стрелковой дивизии из 3600 человек осталось только 138 человек.

К середине августа командование Западного фронта пришло к выводу, что продолжение наступления на Сычевку не может привести к успеху, а немецко-фашистское командование, убедившись к этому времени, что контрудар на Погорелое Городище не состоялся, вынуждено было готовить свои войска к обороне на рубеже рек Вазуза и Гжать.

Командующий Западным фронтом Г. К. Жуков так оценивал сложившуюся обстановку: «Если бы в нашем распоряжении

были одна-две армии, можно было бы во взаимодействии с Калининским фронтом под командованием генерала И. С. Конева не только разгромить ржевскую группировку, но и всю ржевско-вяземскую группу немецких войск и значительно улучшить оперативное положение на всем западном стратегическом направлении. К сожалению, эта реальная возможность Верховным Главнокомандованием была упущена.

Вообще должен сказать, Верховный понял, что неблагоприятная обстановка, сложившаяся летом 1942 года, является следствием и его личной ошибки, допущенной при утверждении плана действий наших войск в летней кампании этого года».

Огненный смерч

На луговой цветной поляне
Две силы бьются, две брони.
О Бойня! Древнее название
Ты оправдала в наши дни!

Виктор Тарбеев

10 августа, когда на реках Вазуза и Гжать армии Западного фронта вели ожесточенные бои с перешедшим в контрнаступление противником, 30-я армия Калининского фронта начала второй этап наступления на Ржев. Главный удар наносился не в центре — на многострадальное Полунино, а левым флангом армии в направлении Грибеево-аэродром-Опоки-Ржев. В левофланговую группу вошли 6 стрелковых дивизий, 3 стрелковые и несколько танковых бригад.

В 7 утра 10 августа после часовой артподготовки войска 30-й армии на всем фронте перешли в наступление. Противник оказал яростное сопротивление. Только на отдельных участках нашим пехотинцам удалось мелкими группами проникнуть в переднюю траншею врага. Немцы вводили в бой резервы, переходили в контратаки, сопровождаемые ураганным артиллерийским и минометным огнем. Активизировалась вражеская авиация. В воздухе стоял непрерывный грохот и тяжелый смрад от разрывающихся снарядов, бомб, мин и разлагающихся трупов людей и лошадей.

Весь день шел бой, но успехи были незначительными. Заболоченная местность не давала возможности продвигаться танкам, наши пехотинцы несли большие потери. Особенно ожесточенные бои вели только что прибывшие из резерва фронта 274-я и 375-я стрелковые дивизии за деревни Жеребцово и Грибеево.

Наступление 375-й дивизии под командованием генерал-майора Н. А. Соколова поддерживали 143-я танковая бригада, 1085-й пушечный артиллерийский полк и 281-й гвардейский минометный дивизион. На стыке 375-й и 274-й дивизий во втором эшелоне готовилась развивать успех наступления 2-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием генерал-майора П. Г. Чанчибадзе. В канун второго этапа наступления прошли обильные дожди, и генерал Соколов опасался, что танки не смогут преодолеть раскисшую равнину перед высотой 195,9 и что вся тяжесть боя ляжет на пехоту. Не удовлетворила пехотные части и плотность огня артподготовки.

Как и предвидел генерал Соколов, танки 143-й бригады застряли на равнине, артиллеристы с трудом перемещали пушки, колеса их по ступицу, а лошади по брюхо уходили в грязь. Артиллеристы вынуждены были подносить снаряды с места снабжения на своих плечах.

Несмотря на осложнившуюся обстановку, пехотинцы ворвались в первую траншею противника, батальон капитана А. В. Николаева 1243-го стрелкового полка под командованием майора А. С. Ратникова вступил в рукопашный бой, которого враг не выдержал и отступил во вторую траншею. К вечеру бой затих.

Ночью саперы скрытно подошли к железной дороге Ржев-Торжок и у деревни Грибеево взорвали полотно. Взрыв послужил сигналом к ночной атаке. На врага снова ринулись наши танки и пехота. Батальон А. В. Николаева захватил небольшой участок железнодорожной насыпи и отбил несколько контратак врага. Когда один из расчетов станкового пулемета выбыл из строя, комбат сам лег у пулемета.

Днем бой шел в глубине обороны противника, все контратаки немцев уральцы отбили, но продвинуться дальше не хватало сил. На наблюдательный пункт 1243-го полка с связными батальонов и наблюдателями прибыл командир 1245-го стрелкового полка И. А. Девашенко с тем, чтобы выбрать наилучший момент для ввода в бой своего полка, находившегося во втором эшелоне дивизии. В это время с фланга к наблюдательному пункту прорвались вражеские танки. А. С. Ратников организовал отпор врагу, а И. А. Девашенко немедленно ввел в бой стрелковые батальоны своего полка. Танковая атака врага была отбита, но наши части понесли тяжелые потери. Погиб и командир 1243-го полка майор А. С. Ратников. Полк возглавил капитан А. В. Николаев.

Только к трем часам дня 12 августа была взята деревня Жеребцово, а на рассвете 13 августа враг был выбит и из Грибеево. К 14 августа от врага была полностью очищена высота 195,9 и преодолена железная дорога. Ближайшая задача была выполнена. Через несколько дней в боях на подступах к городу получил третье тяжелое ранение под Ржевом командир 1245-го стрелкового полка И. А. Девашенко.

12 августа прорвали оборону врага и к 14 часам дня овладели опорными пунктами Бельково, Харино, Теленково 220-я и 139-я стрелковые дивизии. Над головой наступающих почти непрерывно висела немецкая авиация. Пикирующие бомбардировщики Ю-88, отбомбившись, переходили в бреющий полет

и утюжили пулеметным огнем поредевшие ряды наших частей и подразделений. С ожесточенными боями пробивались с севера к реке Бойня части 183-й стрелковой дивизии.

В реке Бойня, по берегам которой наступала 274-я стрелковая дивизия под командованием полковника В. П. Шульги, в эти дни текла красная от крови вода. Были освобождены деревни Находово, Старцево, Дыбалово, Кошелево, Пудово. Ветеран 274-й дивизии Александр Петрович Шибаршин, воевавший под Ржевом с августа 1942 года до освобождения города, подчеркивает массовый героизм наших бойцов, наступавших в августе вдоль реки Бойни: «Борьба за ржевскую землю мне запомнилась особенно. Нигде, наверное, не было так трудно, как здесь, и нигде, наверное, не было такого яркого проявления воли к победе и верности к Отечеству, как здесь... Помню, как через наши головы и тела проползали серогрязные немецкие танки, они утюжили наши окопы, а мы им в след бросали бутылки с горючей смесью, а потом отсекали огнем своих винтовок наглых, с засученными по локти рукавами гимнастеров и с автоматами в руках, вражеских солдат. И они, эти с виду brave солдаты немецкого вермахта, отступали перед нашими, совсем еще молодыми, не очень-то хорошо вооруженными воинами. Одним не могу погордиться — за этот свой ратный труд я не был удостоен тогда никакой памятной награды. Но я живу сознанием своего честно выполненного солдатского долга. Мне часто приходилось быть под пулями на этой земле, но она берегла меня: однажды, у деревни Находово, меня выкопали из нее, и я снова за нее сражался».

14 августа начальник Генерального штаба фашистской Германии Гальдер в своем дневнике записал: «419-й день войны. Группа армий «Центр». На фронте 3-й танковой армии противник добился глубокого и широкого прорыва. В полосе 9-й армии противник переносит основные усилия на участок прорыва и в районе Ржева. Здесь отводятся назад 14-я моторизованная и 256-я пехотная дивизии».

Четыре дня, с 15 по 18 августа, шли ожесточенные бои в районе деревни Демкино. Этот район являлся ключом для выхода нашей ударной группировки к Волге. «На днях я смотрел по телевидению передачу о встрече ветеранов 10-й гвардейской армии,— вспоминает А. П. Шибаршин.— И вот один из них изложил вдруг сражение под деревней Демкино. Он сказал, что из 900 воинов в этом сражении после атаки осталось лишь 36. Он сказал верно. Я, право, не помню, сколько погибло нас в тех атаках, но ведь именно здесь

стрелковый батальон вышел с развернутым знаменем, и мы пошли за своими командирами. Прямо на окопы немцев. По нам ударили немецкие пулеметы в лоб и с флангов. Когда падал подкошенный пулей боец со знаменем, у него его брал другой. Помню, мне тогда или передал кто-то из бойцов это знамя, или я взял его у убитого товарища. Пробежал с ним метров десять. Противник открыл по нам такой губительный огонь, что мы не смогли поднять головы от земли. Мы отошли. Помню, как прижимал я тогда к своей груди это алое полотнище, как хотелось сберечь его. Нас в том сражении осталось не больше десятка человек».

Ветеран 274-й стрелковой дивизии А. П. Шибаршин.

Немцы всеми силами старались сдержать натиск наших частей и дать возможность своим отступающим войскам переправиться через Волгу. В воздухе почти непрерывно висела вражеская авиация, шли воздушные бои. Так, 20 августа

было отмечено 11 вылетов авиации противника по 12—15 самолетов каждый, налет длился по 40—50 минут.

Овладев деревнями Архарово, Пудово, Мосягино, Першино, Варюшино и другими, северной частью пригородного аэродрома, левофланговые дивизии — 220, 274, 371, 139-я, а также 136-я и 114-я стрелковые бригады к вечеру 21 августа вышли к Волге на фронте Варюшино-Голышкино. Первым к Волге вышел в район Горшково-Горчаково 965-й стрелковый полк 274-й дивизии.

Об отчаянном сопротивлении гитлеровцев на левом берегу Волги рассказал ветеран 220-й стрелковой дивизии, учитель Весегонской средней школы № 2 А. Малышев:

«Никогда не забуду кровавый ночной бой в конце августа 1942 года на обрывистом берегу Волги между аэродромом и сожженной деревней Голышкино. Гитлеровцы закрепились там прочно, и как ни пытались наши войска овладеть этим пунктом, ничего не получалось. Наши солдаты врывались в немецкие траншеи, но враги уползали в свои, неведомые нам подземные норы, вызывали огонь своих дальнобойных батарей, и снаряды сметали с земли все живое.

Наше командование создало из добровольцев сводный комсомольский батальон. Я тоже вызвался в него, хотя был уже тогда командиром 45-миллиметрового орудия. Был дан приказ: без всякой артподготовки подползти к вражеским укреплениям и в рукопашном бою истребить врага, овладеть этим пунктом. Сигнал к атаке — взрыв гранат того, кто первый подползет к цели.

В кромешной темноте без звука двинулись воины-комсомольцы к траншеям гитлеровцев. С взрывом гранаты ринулись в бой. Спрыгнули в траншею. Прямо передо мной блиндаж. Навстречу выскочил дюжий немец. Началась рукопашная. Ненависть удесатирила мою совсем не богатирскую силу. Действительно, горло мы тогда были готовы перегрызть фашистам. А тут еще тозарищ погиб. Прикладом оглушил врага по голове. . . Что скрывать, немало наших ребят, 18—19-летних парней, осталось лежать в траншеях после того боя. Ценой громадных потерь досталось нам это укрепление».

21 августа на левый берег Волги от деревни Варюшино до города Зубцов вышла и 29-я армия. Попытки 371-й, 274-й и 139-й стрелковых дивизий 30-й армии с ходу форсировать Волгу восточнее Ржева не удалось. Отдельным группам до 10—15 человек удавалось высадиться на правом берегу, но немцы большими силами сбрасывали их в реку, наши бойцы или гибли, или возвращались вплавь назад.

369-я, 375-я стрелковые и 2-я гвардейская дивизии до 21 августа вели упорные наступательные бои на ближних подступах к Ржеву, начали очищать от противника пригородный лес, вышли на северо-восточную окраину города.

21 августа наступление 30-й армии было приостановлено для перегруппировки сил. В ходе второго этапа наступления на Ржев наши войска вышли к Городскому лесу, к восточной окраине города, на левый берег Волги от Ржева до Зубцова.

22 и 23 августа, во время второй передышки 30-й армии в период наступления на Ржев, скрытно, в ночное время была проведена перегруппировка сил, подвезены боеприпасы и продовольствие. На третьем этапе штурма Ржева главный удар наносился правым флангом армии в направлении деревень Федорково, Ковынево, Поволжье. Была поставлена задача форсировать Волгу западнее Ржева и продолжить наступление на правом берегу, охватывая Ржев с юго-запада. В канун наступления снова прошли дожди, сделавшие дороги труднопроходимыми для авто- и гужевого транспорта. Накануне наступления целые подразделения бойцов на своих плечах подносили с баз снабжения снаряды для артиллерийских батарей.

24 августа в 6 часов утра после получасовой артподготовки, залпа двух дивизионов «катюш» и удара бомбардировочной и штурмовой авиации по деревням Федорково, Горбово, Ковынево, Лазарево и другим наступление началось. Ровно в 7 часов утра над наступающими частями и подразделениями появились со стороны Ржева десятки вражеских самолетов. «Юнкерсы», образовав круг, начали массированную бомбардировку. Некоторые танки разрушались прямым попаданием бомб. Об этой бомбардировке рассказал башенный стрелок 339-го батальона 153-й танковой бригады сержант Б. Г. Мельников: «Самолеты шли в боевом порядке — «колонна звеньев». Пикирующие «юнкерсы» (Ю-87) и тяжелые бомбардировщики (Ю-88) — шли группами, каждая до 25 машин, под прикрытием истребителей. На подходе к нашему расположению самолеты начали перестраиваться в цепочку. Сначала бомбежку начали пикировщики Ю-87 («ляптежники»). Вот головной, ведущий самолет, включив сирену, вошел в пике. Сбросив бомбы, он взмыл вверх, за ним спикировал второй, третий. . . Самолеты, образовав над нами круг, начали злоеший хоровод. Все подбитые под Федорковым танки оказались в этом кругу. Началось что-то невообразимое. . . Земля насадно стонала. Все заволочло дымом и пылью, и в этой темной мгле ярко

Ветеран боев под Ржевом Б. Г. Мельников.

вспыхивали все новые и новые разрывы. Самолеты снижались и опять уходили вверх по спирали, как гигантская карусель, грохочущее колесо смерти.

Один из самолетов положил серию 100-килограммовых бомб в 10—15 метрах от нашего танка. Грохнули взрывы, от

которых 15-тонный танк забился в судорогах и закачался на рессорах. Танк наполнился удушливым дымом сгоревшей взрывчатки. Дышать стало трудно, бил кашель, в горле саднило и подступала тошнота. Одна группа самолетов, отбомбившись, улетала, появлялась другая. И все повторялось. . .»

Первая линия обороны врага все-таки была прорвана. 16-я гвардейская дивизия в первый день наступления продвинулась в глубину вражеской обороны до трех километров и овладела деревнями Федорково и Бердихино.

На деревню Губино вели наступление части 243-й стрелковой дивизии, поддерживаемые огнем 1179-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка. Деревня Губино стоит на небольшой возвышенности, за ней пролегает лощина с неглубоким ручьем. Немцы превратили эту деревню в мощный опорный пункт с многочисленными дотами, траншеями, орудийными позициями и минными заграждениями. Батареи 1179-го артполка под командованием майора Г. Ю. Юсупова метким огнем прямой наводкой прокладывали путь стрелковым подразделениям 910 полка. Результативно вели огонь по заранее разведанным целям две батареи с закрытых позиций. Орудийный расчет младшего сержанта Сергея Кошелева первым же выстрелом разбил вражеский блиндаж и накрыл огнем выбегавших оттуда солдат. Но когда бойцы 910-го стрелкового полка поднялись в атаку, противник открыл мощный артиллерийско-минометный огонь из глубины своей обороны, ожили уцелевшие на его переднем крае дзоты. Фашисты обстреливали всю глубину расположения стрелкового полка и огневые позиции артиллерийских батарей. В ходе артиллерийской дуэли противник обрушил шквал огня на 5-ю батарею. Осколком снаряда был убит Сергей Кошелев.

Парень с рязанщины Сергей Кошелев — храбрый и умелый командир орудия, имя которого узнала вся страна из газеты «Правда», провоевал всего 12 дней и погиб в 19 лет. За неполные две недели боев его расчет разрушил на подступах к Ржеву пять вражеских дзотов с пулеметами и уничтожил несколько десятков солдат и офицеров. Младший сержант С. И. Кошелев посмертно был награжден орденом «Красной звезды».

Ожесточенные бои за Губино 24—25 августа не увенчались успехом — деревня осталась в руках немцев.

Прибывшая из резерва 215-я стрелковая дивизия, возглавляемая полковником А. Ф. Куприяновым, получила приказ овладеть опорными пунктами врага Коровино, Копытиха

и Губино. В двухдневных ожесточенных боях, когда даже 76-миллиметровые пушки выдвигались на прямую наводку, 215-я дивизия выбила фашистов из Коровино и Копытиха и захватила часть деревни Губино.

Ветеран 215-й дивизии, капитан запаса Г. С. Медведев об этих боях вспоминает: «Запомнился и такой эпизод: когда выбыл из строя комбат, во весь рост поднялся старший политрук Петр Покрамович и с криком «За Родину! За Сталина!» повел бойцов на врага».

Политрук Покрамович пал на поле боя. В его планшете нашли неотправленное письмо жене, в котором он писал: «Счастье нашей жизни разбил подлый враг. Как не мстить за поругание нашей земли? Все забыто, дорогая. Осталась одна ненависть к врагу. Если погибну, знай, что я, как представитель коммунистической партии, вел за собой бойцов на разгром фашистских банд. Не я, так другие завершат разгром орд. Будь достойной дочерью нашей Родины, береги детей».

В эти дни наша артиллерия и «катюши» вели обстрел Ржева. Город горел, 24 и 25 августа на месте города стояла стена огня.

25 и 26 августа 16-я гвардейская и 359-я стрелковая дивизии при поддержке танков овладели деревнями Ковынево, Дураково, Лазарево, Строево, Поволжье и вышли к Волге в 5—6 километрах западнее Ржева. III-я стрелковая дивизия освободила деревни Мурылево, Скворцово, Добрая, 379-я дивизия заняла дом отдыха имени Н. А. Семашко и также вышла на левый берег Волги западнее деревни Поволжье.

Потеряв Бердихино и Лазарево, враг лишился фланговой огневой поддержки при обороне стертых с лица земли деревень Полунино, Галахово и Тимофеево. 26 августа в результате одновременного удара с севера и юга пал и этот самый сильный узел сопротивления немцев на ближних подступах к Ржеву, долгое время сковывавший крупные силы 30-й армии.

По показанию немецких пленных позднее было установлено, что за сдачу Лазарево и Бердихино фашистское командование расстреляло 80 своих солдат, а многих направило в штрафбат.

Командование группой армий «Центр» постоянно сообщало в штаб сухопутных войск о напряженной обстановке у Ржева, требовало подкреплений. На совещании в ставке Гитлера начальник Генерального штаба Гальдер просил разрешить командующему 9-й армией Моделю отступить, так как потери немцев у Ржева были огромны. Так, в одном из полков за

неделю сменилось восемь командиров. Но Гитлер ответил Гальдеру бранью и требовал любой ценой удерживать Ржев. 24 августа Гальдер записал в своем дневнике: «429-й день войны. Группа армий «Центр». Серьезные удары по позициям 2-й танковой (восточный фланг), 3-танковой (прорыв) и 9-й армий, где на нескольких участках снова отмечен незначительный отход наших войск. Несмотря на прибытие 72-й дивизии, обстановка остается напряженной. . . На докладе у фюрера. Неприятный конфликт по поводу оценки обстановки в районе Ржева, где я отмечаю возможность полного израсходования введенных сил».

Вышедшие к Волге западнее Ржева части и подразделения 30-й армии также понесли огромные потери и в людях, и в технике. Только одна 153-я танковая бригада, укомплектованная американскими танками М-3, потеряла из 55-и 20 машин, 15 из них были подбиты и сгорели у деревни Федорково при прорыве первой линии вражеской обороны. К концу августа в составе 1198-го стрелкового полка 359-й дивизии остался один неполный батальон, в 1194-м полку осталось две роты — по 42 и 43 человека, пулеметная рота насчитывала 37 человек. Не лучшим было положение и в других штурмующих Ржев частях.

Армии Западного фронта во второй половине августа продолжали вести бои за расширение плацдармов к западу от рек Вазуза и Гжать. 23 августа был полностью очищен от врага город Зубцов. О боях, вынудивших врага отступить от Зубцова, вспоминал заместитель начальника штаба 31-й армии генерал-майор М. И. Щедрин:

«118 дивизия, наступавшая на правом фланге армии, имея задачей обеспечить ее ударную группировку, вследствие неуспеха наступления 29-й армии Калининского фронта, к 9 августа растянулась на южном берегу реки Волги от Саблино до Зубцова. Силовой разведкой дивизия захватила деревни Колбасино и Гаврилково на северном берегу Волги. По предложению командарма командующий фронтом Г. К. Жуков согласовал вопрос с командующим Калининским фронтом, и 5-я стрелковая дивизия 29-й армии была переброшена в полосу 31-й армии. В ночь на 14 августа 5-я и 118-я дивизии по наведенным мостам форсировали Волгу и ударом на Пищалино и Бесикино прорвались в тыл противника, противостоящего 29-й армии, и вынудили врага очистить и северную часть города Зубцов».

С 26 августа 1942 года Западный фронт возглавил И. С. Конев, сменив Г. К. Жукова, вступившего в должность заместителя

Верховного Главнокомандующего и убитого под Сталинград. Командующим Калининским фронтом был назначен генерал-лейтенант М. А. Пуркаев.

30-я армия, перешедшая с 30 августа по приказу Ставки и состав войск Западного фронта, продолжала наступательные бои и к началу сентября вплотную подошла к Ржеву.

30 августа Гальдер записал в дневнике: «435-й день войны. Группа армий «Центр». У 9-й армии новое обострение обстановки в районе Зубцова и севернее Ржева. Разрешено использовать дивизию «Великая Германия».

Командующий 30-й армией Д. Д. Лелюшенко решил форсировать Волгу в 5—6 километрах западнее Ржева на участке дома отдыха имени Семашко и деревни Поволжье, чтобы с захваченного плацдарма вести наступление на Ржев с запада.

В 4 часа утра 29 августа под прикрытием дымовой завесы штурмовые группы 16-й гвардейской и 379-стрелковой дивизий форсировали Волгу на лодках, плотках, вброд по горло в воде. Вражеские блиндажи находились менее чем в ста метрах, а первые траншеи метрах в двухстах от реки. Наши бойцы быстрым и сильным ударом выбили немцев из траншей и дзотов, разминировали прибрежные участки, уничтожили на берегу огневые точки врага.

Когда с рассветом немцы открыли из глубины обороны сильный огонь, наши штурмовые группы уже прочно засели в отбитых у врага окопах и блиндажах. Вслед за штурмовыми группами начали переправу остальные части и подразделения двух наступавших дивизий. Попытка навести понтонный мост не удалась из-за сильного артогня и авиационной бомбежки по переправам. Многие бойцы и командиры нашли свою могилу на дне Волги.

От противника была очищена излучина реки Волги. 379-я дивизия закрепились в северной части излучины у села Знаменское, а 16-я гвардейская дивизия — в южной части, севернее деревни Редькино.

Немецкая авиация целыми днями бомбила переправы, сбросив на плацдарм и артиллерийские позиции на левом берегу Волги сотни бомб. С этого небольшого плацдарма в марте 1943 года наши войска перешли в наступление, которое принесло Ржеву полное освобождение.

В городских кварталах

Странно устроен любой человек:
Страстно клянется, что любит навек,
И забывает, когда и кому. . .
Но не изменит и он одному:
Слову скупому, горячей руке,
Ржевскому лесу и ржевской тоске. . .

Илья Эренбург

В последние дни августа и в начале сентября 1942 года несколько стрелковых дивизий вели бои в ржевском Городском лесу, а 2-я гвардейская дивизия — на северо-восточной окраине Ржева, 375-я и 220-я дивизии — у военного городка. Неоднократные штурмовые атаки наших стрелковых частей отражались авиацией и артиллерийским и пулеметным огнем противника из зданий, приспособленных к круговой обороне. Бои в Городском лесу и на северо-восточных окраинах Ржева продолжали носить столь же ожесточенный, кровопролитный характер, как и в течении всего августа. Это подтверждают многочисленные участники этих боев. Вот что рассказал комиссар 4-й батареи 660-го артиллерийского полка 220-й стрелковой дивизии Б. Федотов:

«Огневые взводы 4-й батареи, которыми было приказано командовать мне, почти месяц вели огонь по врагу прямой наводкой с открытой позиции у восточной окраины Ржева. Мы поддерживали многочисленные безуспешные атаки наших пехотинцев. В ответ нас много раз «утюжила» почти вся немецкая артиллерия. Еще бы! На виду у немцев в каких-то 200—300 метров от их окопов стояла открыто пятиорудийная батарея. Уничтоженная много раз, она вновь оживала, вновь и вновь вела сокрушительный огонь по врагу. Батарею бомбили эскадрильи «юнкерсов», с бреющего полета расстреливали кружащиеся над Ржевом «мессершмитты». А иногда, из-за близости к немецким позициям, нас бомбили, и весьма успешно, наши ночные бомбардировщики.

Батарея несла огромные потери, за вторую половину августа — начало сентября сменилось четыре штатных состава огневых взводов. Каждую ночь к нам приходили огневики из других батарей полка на смену выбывших из строя. Вся земля была перепажана бомбами и снарядами. Короче, это был настоящий ад, в котором я никак не думал остаться в живых. Страшнее этого, признаться, я ничего на фронте не видел».

Об жестокости и кровопролитности боев при штурме Ржева свидетельствуют тяжелые потери командного состава в полках. Так, только за несколько дней боев в конце августа — начале сентября в 220-й дивизии погибли командиры 653-го и 673-го стрелковых полков подполковник И. А. Курчин и майор А. С. Абрамов, комиссары этих полков В. И. Лыткин и П. И. Нелюбов, комиссар 660-го арtpолка П. В. Васильев.

Сентябрь 1942 года в отличие от дождливого августа выдался на редкость сухим и теплым. В 30-й армии велась усиленная подготовка к последнему штурму Ржева. 1 сентября 78-я стрелковая дивизия овладела пригородным поселком Зеленькино. Была сделана попытка расширить плацдарм за Волгой в районе Знаменского с тем, чтобы, прорвав оборону противника и обойдя Ржев с запада, выйти к деревням Абрамово, Домашино, расположенным южнее Ржева, и отрезать пути отхода Ржевской группировки немцев. 2 сентября форсировали Волгу переброшенные сюда с других участков 2-я гвардейская дивизия и 707-й стрелковый полк 215-й дивизии. Совместно с 16-й гвардейской и 379-й стрелковой дивизиями они пошли на прорыв вражеской обороны на правом берегу Волги. Плацдарм был расширен, но сломить сопротивление врага и прорвать оборону не удалось. 2-я гвардейская дивизия и 707-й полк были возвращены в район Городского леса.

21 сентября штурмовые группы 215-й, 369-й, 375-й стрелковых дивизий, преодолев проволочное заграждение и две линии окопов, ворвались в северную часть города. В стык 215-й и 369-й дивизий немедленно была введена в бой 2-я гвардейская дивизия. Целый день шел ожесточенный бой в северо-восточных кварталах Ржева. Хорошо вооруженные штурмовые группы, ликвидировав очаги сопротивления немцев и очищая дома, медленно продвигались вперед. Каждый дом был превращен врагом в крепость, приспособленную к круговой обороне. Улицы были перегорожены различными препятствиями — надолбами, проволочными заграждениями, а ходы сообщения в полный рост с перекрытиями связывали всю систему неприятельской обороны.

К исходу 21 сентября 369-я дивизия овладела 17-м и 18-м кварталами, 2-я гвардейская — 24-м кварталом и очищала 23-й и 25-й кварталы, 215-я дивизия вела бои в 22-м и 23-м кварталах города.

Утром 22 сентября бой в городе возобновился. Немцы вводили свежие силы. В тяжелых непрерывных уличных боях от противника было очищено более десяти кварталов города. Но

противник неоднократно переходил в контратаки, отдельные дома и целые кварталы по несколько раз переходили из рук в руки. Бои на окраинах Ржева принимали затяжной характер.

26 сентября вновь сформированная 39-я армия нанесла удар по так называемой коростелевской группировке врага, занимавшей в 15—20 километрах северо-западнее Ржева плацдарм на левом берегу Волги и угрожавшей правому флангу 30-й армии. В наступлении участвовало несколько стрелковых дивизий, артиллерийских полков и танковых бригад.

В ожесточенных боях оборона врага по реке Кокше — левому притоку Волги — была прорвана. Стремительное наступление танковых и стрелковых частей и подразделений не дало возможности фашистскому командованию организовать сопротивление в глубине своей обороны. Даже артиллеристы, как вспоминает командир 1179-го истребительного противотанкового артиллерийского полка майор Г. Ю. Юсупов, сопровождая пехоту, впадали в азарт преследования врага и выскакивали вперед стрелковых частей. А. Г. Чернов, командир саперного взвода 348-й стрелковой дивизии, об этих боях вспоминал: «Огонь всех видов орудий, рев танков и вой наших и вражеских самолетов слились в какую-то общую симфонию победного боя. И до сих пор он стоит в ушах».

Враг был отброшен к Волге и уничтожен. Левый берег верхней Волги, за исключением города Ржева, был полностью очищен от немецко-фашистских войск. Разгром коростелевской группировки врага, угрожавшей правому флангу 30-й армии, позволил активизировать штурм города.

10 дней на окраинах Ржева наши войска вели наступательные бои. В небе и на земле стоял непрерывный грохот. Каждый метр продвижения доставался нам большой ценой. Бойцы дрались героически, минометчики и артиллеристы часто, оставив свои позиции, вооружались гранатами и автоматами, приходили на помощь пехотинцам.

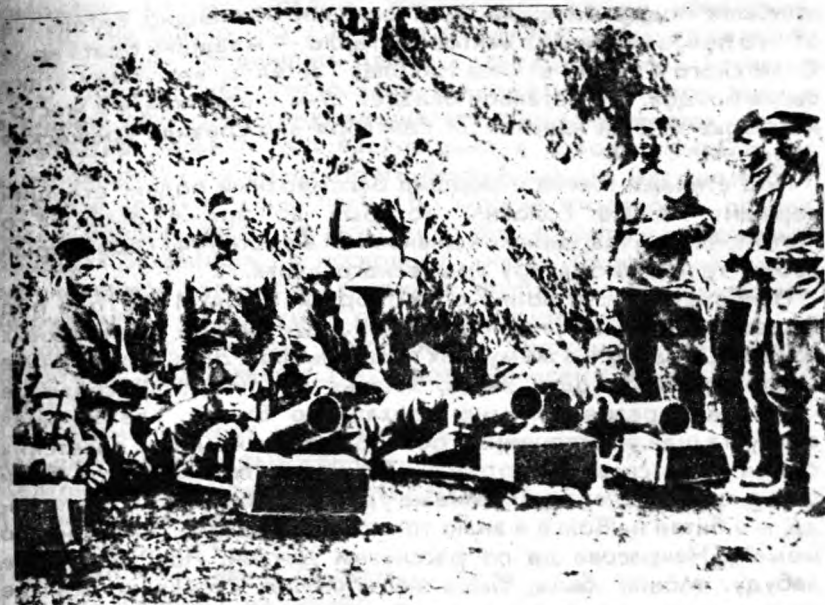
Корреспондент Б. Ямпольский в те дни так описывал эти жаростные бои на окраинных улицах Ржева:

«Летят от взрывной волны рамы и двери, поднимаются крыши, падают стены. По горящей улице бегут бойцы с баграми, лестницами, веревками, как пожарники. И через стены, ограды — на крыши, по водосточным трубам, карнизам — в окна, в пробитые, в проломы. Сначала гранату, а за ней со штыком и ножами — во взрывную волну, в дым, в грохот, в немецкие стоны и крики...».

Бои шли днем и ночью. Штурмовой отряд 375-й стрелковой дивизии лейтенанта Леонтия Москаленко в течение целого дня не мог овладеть домом, где прочно засели гитлеровцы. Сплошной смертоносный огонь прижимал бойцов к земле. Москаленко решил обмануть фашистов. Оставив несколько человек против дома, темной сентябрьской ночью он повел основную группу к задворкам здания. Продвигались вдоль речки Серебрянки. Кирпичная стена служила единственным ориентиром. Бесшумно переползли через улицу, проскочили вражескую траншею, перебрались через невысокий забор. Подобрались к заднему крыльцу. Открыли дверь в комнату, откуда строчил пулемет, и включили карманные фонарики. Вдоль стены лежали гитлеровцы, видимо, отдыхали. Только пулеметчик, примостившийся у окна, стрелял по невидимой цели. Одна за другой полетели гранаты. Крики, стоны врагов. Удар был неожиданным и быстрым. В крошечной тьме сошлись в рукопашную. Враг был смят и уничтожен. Москаленко получил тяжелое ранение.

Уличные бои в Ржеве.

Огнеметчики 1245-го стрелкового полка перед боем.

В эти сентябрьские дни ветеран 375-й дивизии, учитель из Свердловска И. С. Успенский командовал минометным подразделением. Наблюдательным пунктом для него служила шестидесятиметровая труба на самой окраине города, в нескольких стах метрах от вражеской обороны. «Почти целую неделю, — вспоминает Иван Сергеевич, — фашисты не знали, что мы находимся в этой трубе, рядом с ними, а когда обнаружили, открыли по трубе непрерывный огонь из орудий всех калибров». Около месяца Успенский вместе с сержантом Луковниковым вел наблюдение из трубы за противником, корректировал огонь наших батарей. Труба шаталась от пролетающих снарядов, ее подбрасывало от разрывов бомб, которыми наши летчики обрабатывали оборону немцев, но она все выдержала.

Штурмовые группы пехотинцев сопровождали 76-миллиметровые пушки, выводимые на прямую наводку. В 707-м полку 215-й стрелковой дивизии батареей таких пушек командовал юный донской казак 19-летний капитан Асеев, позднее ставшим Героем Советского Союза. В распоряжение 707-го полка

прибыли подразделения 220-й дивизии. Командир батальона 673-го полка лейтенант Виктор Гастелло — младший брат Героя Советского Союза летчика Николая Гастелло, возглавил атаку своих бойцов. Его батальон овладел 19-м кварталом, а в жестоком бою за 24-й квартал 24 сентября его сразила вражеская пуля.

Под стенами Ржева совершил бессмертный подвиг старший сержант Никита Головня, который во время атаки 4-го мотополка 2-й гвардейской дивизии 23 августа 1942 года закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота.

Наиболее ярко и полно о сентябрьских боях 1942 года под Ржевом рассказал в очерках для советских и зарубежных изданий, а затем и в мемуарах писатель Илья Эренбург. В книге воспоминаний «Годы, люди, жизнь» он писал: «В сентябре Ортенберг разрешил мне поехать ко Ржеву, где начиная с августа шли ожесточенные бои... В летописи многих советских семей Ржев связан с потерей близкого человека — бои были очень кровопролитными. Мне не удалось побывать у Сталинграда, и о битве на Волге я знаю только по очеркам Гроссмана, по роману Некрасова да по рассказам друзей. Но Ржева я не забуду. Может быть, были наступления, стоившие больше человеческих жизней, но не было, кажется, другого столь печального — неделями шли бои за пять — шесть обломанных деревьев, за стенку разбитого дома да крохотный бугорок.

Зарядили дожди, вопреки утверждению редактора «Правды», они казались желтыми, даже рыжими. Что может быть тоскливее в осеннюю пору, чем тверские болота с грязным небом, с пестрой лихорадочной листвой, с засасывающей хлябью дорог! Машины буксовали, и с отчаянными криками «раз» их пытались столкнуть с места.

С одного из бугров можно разглядеть Ржев, от него мало что осталось, хотя издали он казался обыкновенным живым городом. Наши заняли аэродром, а военный городок был в руках немцев: все время я видел два жилых корпуса — тот, что повыше, солдаты называли «полковником», второй — «подполковником». Часть пригородного лесочка была полем боя, изуродованные снарядами и минами деревья казались колыями, натканными в беспорядке. Земля была изрезана окопами, как волдыри, взбухали блиндажи. Одна воронка переходила в другую.

В штабах лежали карты с квадратами города, но порой от улиц не было следа, бои шли за крохотный клочок земли, поросшей колючей проволокой, нафаршированной осколками

снарядов, битым стеклом, жестянками из-под консервов, калом. Несколько раз я слышал немецкие песни, отдельные слова — враги копошились рядом в таких же окопах. Глушили басы орудий, неистовствовали минометы, а потом вдруг в тишине двух-трех минут слышалась дробь пулеметов. . .»

Развитие дальнейшего наступления в городе привело бы к непомерным потерям. Почти непрерывные месячные бои уже обескровили наши части. Во многих стрелковых полках число бойцов часто не составило бы и роты, в танковых бригадах оставалось по несколько танков. Артиллерия имела ограниченное количество снарядов, снабжение боеприпасами затруднялось наступившей осенней распутицей.

Дожди под Ржевом запомнились многим. С авторской пометкой «Под Ржевом 1942» поэт Алексей Сурков написал такие стихи:

За окопами — серая лента реки.

Дальше — черный выжженный город.

Желтой жижей по каскам бегут ручейки

И ознобом стекают за ворот.

В пору волком завывать от погоды такой

И палить в облака из нагана.

Только то и отрадно, что им за рекой

Так же сыро и так же погано.

В конце сентября 4 стрелковые дивизии и несколько других соединений и частей были выведены из состава 30-й армии в распоряжение командующего фронтом. Кровопролитные бои не стихали. Фашисты неоднократно переходили в контратаки, стремясь выбить наши части с окраин города. Но ни ураганный артиллерийский огонь, ни атаки большого количества танков, ни тонны смертоносного груза, сброшенного на наши рубежи на окраинах города и в Городском лесу, в котором не осталось ни одного целого дерева, — ничто не могло привести врага к успеху. Наши части стояли насмерть. Так, 3 октября небольшое подразделение, созданное из бойцов 215-й и 220-й дивизий, под командованием полковника Я. А. Зубцова отбило семь атак противника. 7 октября при отражении очередной атаки немцев полковник Зубцов погиб.

К осени Городской лес превратился в сплошное кладбище из мертвых людей, деревьев и военной техники.

Уличными боями на окраинах Ржева закончилось летне-осеннее наступление 1942 года. Сложность условий проведения

Ржевско-Сычевской наступательной операции, недостаток авиации, танков и боеприпасов не позволили полностью решить все поставленные Ставкой задачи. Немецко-фашистским войскам удалось удержать Ржевско-Вяземский плацдарм. Но это наступление сковало крупные силы врага на западном направлении, притянуло к себе 12 резервных немецких дивизий в разгар оборонительных сражений под Сталинградом и на Северном Кавказе.

Корреспондент английской газеты «Санди таймс» А. Верт так характеризует сложившуюся обстановку того времени: «В течение всего «трудного лета» 1942 года этот немецкий плацдарм оставался потенциальной угрозой для Москвы, но главной заботой русских была не столько перспектива наступления немцев на столицу, сколько возможность того, что они попытаются удерживать «плацдарм» минимальными силами, а остальные войска перебросят на юг, для наступления на Сталинград и Кавказ. Поэтому на протяжении всего лета и осенью 1942 года советское командование старалось во что бы то ни стало сковывать как можно больше немецких войск к западу от Москвы, непрерывно атакуя и изматывая их. Бои под Ржевом были из числа самых тяжелых, какие когда-либо приходилось вести советским войскам. Они атаковали сильно укрепленные позиции немцев и несли гораздо большие потери, чем немцы, военные действия носили такой ожесточенный характер, что пленных было очень мало».

Но удержание Ржева дорого стоило и врагу. Основная часть немецко-фашистских подразделений, оборонявших Ржевский выступ, потеряла до половины своего личного состава. В танковых дивизиях осталось всего по 20—30 танков. Общие потери гитлеровцев под Ржевом в августе-сентябре 1942 года превосходят потери армии Паулюса за два месяца боев под Сталинградом.

Летом 1942 года немецкие солдаты должны были подписывать особую клятву, в которой давали обещание не сходить со своего места у Ржева. «Конечно, не развалинами второ-разрядного города дорожат немцы,— писал Илья Эренбург.— Ржев — это ворота. Они могут раскрыться на восток и на запад. Один пленный сказал мне: «Причем тут Ржев? Это начинается с пустяков, это может кончиться Берлином. . .»

Ржев, оказавшийся с сентября 1942 года по март 1943 года на острие удерживаемого немецко-фашистскими войсками Ржевско-Вяземского плацдарма, уже не мог быть использован

врагом как база снабжения и железнодорожный узел, так как постоянно находился под огнем артиллерии и минометов войск 30-й армии. Завоеванные нашими войсками рубежи создали такую обстановку, которая полностью исключала возможность наступления немецко-фашистских войск из Ржева на Калинин или на Москву.

Командующий 30-й армией генерал-майор Д. Д. Лелюшенко вручает советскому воину боевую награду.

IV. В ОБОРОНЕ И НАСТУПЛЕНИИ

Осенний штурм

Поле у Ржева. Лопатою ткну—
Брызнет вода. Осень сорок второго.
Все Сталинград забирал в эти дни,
И, содрогаясь, мы глохли от рева
«Юнкерсов» и «мессеров»...

Сибгат Хаким

Осенью и зимой 1942—1943 года военно-стратегическая обстановка под Ржевом отражала общее положение на всем советско-германском фронте. В этот период победой Красной Армии под Сталинградом начался коренной перелом не только в ходе Великой Отечественной, но и всей второй мировой войны.

И снова бои на Ржевском выступе были тесно связаны со Сталинградской битвой. Это отчетливо понимали и немцы, которые, как пишет Елена Ржевская, после Сталинградского поражения переименовали Ржев из трамплина для прыжка на Москву в «трамплин для русских на Берлин». Немецкое командование продолжало убеждать своих солдат в необходимости удерживать Ржев теперь под предлогом, что сдать Ржев — это значит «открыть Красной Армии дорогу на Берлин».

В октябре-ноябре 1942 года наши армии вели под стенами Ржева активную оборону. Оборонительные рубежи 30-й армии, которой с ноября 1942 года командовал генерал-майор В. Я. Колпакчи, проходили по левому берегу Волги (за исключением излучины на правом берегу в районе Знаменское) от деревень Ножкино и Клепенино, где правым соседом была 39-я армия Калининского фронта, по северо-восточным окраинам Ржева и военного городка и далее по левому берегу Волги к востоку от Ржева до деревни Пестово, где начиналась оборона левого соседа — 31-й армии.

Плотность стрелковых частей и огневых средств в 30-й и соседних армиях была небольшой. Так, полоса обороны 274-й стрелковой дивизии, потерявшей в летних боях 1942 года около двух тысяч человек убитыми и более шести тысяч ранеными, составляла 20 километров и оборонялась в основном тремя стрелковыми полками, в которых было менее чем по 700 бойцов. Чтобы ввести противника в заблуждение относительно истинных сил обороняющихся, проводилось маневриро-

вание стрелковыми подразделениями и боевой техникой, строились ложные минометные и орудийные площадки, на ложных позициях выставлялись фанерные макеты орудий, танков и т. д.

Фронтовые будни в обороне ежедневно уносили жизни наших бойцов и командиров. На переднем крае всегда шел бой. Активно действовали разведчики, развернулось широкое снайперское движение. В 30-й армии прославился снайпер Якушин, уничтоживший 138 оккупантов, он погиб в боях за Ржев в феврале 1943 года. В 220-й дивизии 69 снайперов за лето и осень 1942 года уничтожили более тысячи немцев. Сержант А. В. Костин, на счету которого было 82 фашиста, был награжден в Кремле орденом Красного Знамени, а под Ржевом маршал Чойбалсан вручил ему орден Красного Знамени Монгольской Народной Республики.

Обычно дни были более спокойными и тихими, чем ночи. С наступлением вечерней темноты враг активизировался. В небо беспрерывно поднимались световые ракеты, начиналась артиллерийская и пулеметная дуэль.

В это время Ставка Верховного Главнокомандования приняла предложение Г. К. Жукова и А. М. Василевского начать одновременно с контрнаступлением трех наших фронтов под Сталинградом наступательную операцию Калининского и Западного фронтов на Ржевском выступе. Главная цель наступления — не допустить переброски войск из группы армий «Центр» на юг, под Сталинград. А. М. Василевский координировал действия наших войск под Сталинградом, а Г. К. Жуков в конце ноября готовил наступление под Ржевом.

Третья крупная наступательная операция Красной Армии на ржевско-вяземский плацдарм группы армий «Центр» проводилась значительными силами двух фронтов в нескольких десятках километров юго-западнее и юго-восточнее Ржева. Западный фронт под командованием И. С. Конева должен был, прорвав оборону противника на участке Большое Кропотово-Ярыгино, к 15 декабря овладеть Сычевкой и совместно с наступающей с запада 41-й армией Калининского фронта окружить противника в районе Ржева, 30-я армия должна была прорвать оборону врага на своем правом фланге — на участке многострадальной деревни Кокошкино, выйти на железную дорогу в 30 километрах западнее Ржева у Чертолино. Ставилась задача взять Ржев не позднее 23 декабря 1942 года.

Калининский фронт под командованием генерал-полковника М. А. Пуркаева привлекал к наступательной операции, кроме

41-й, также 39-ю и 22-ю армии. На Калининском фронте к этому времени были сосредоточены 1-й, 2-й и 3-й механизированные корпуса под командованием генералов М. Д. Соломатина, И. П. Корчагина и М. Е. Катукова. 2-й механизированный корпус был направлен под Великие Луки, 1-й корпус Соломатина сосредотачивался в районе города Белый для осуществления прорыва 41-й армии под командованием генерал-майора Г. Ф. Тарасова, а 3-й корпус Катукова, расположенный южнее станции Нелидово, был придан 22-й армии под командованием генерал-лейтенанта В. А. Юшкевича (с декабря 1942 года — генерал-лейтенанта Д. М. Селезнева).

25 ноября, через день после завершения окружения немецких войск под Сталинградом, наступление на ржевско-вяземский плацдарм противника началось. Ударная группа 41-й армии в составе 6-го сибирского стрелкового корпуса генерала С. И. Поветкина и 1-го механизированного генерала М. Д. Соломатина успешно прорвала оборону врага и, развивая успех, к концу ноября глубоко вклинилась в левый фланг ржевской группировки немецко-фашистских войск. Перешла в наступление и 22-я армия.

Командир 3-го механизированного корпуса М. Е. Катуков так описывал развернувшиеся события: «Наступлению предшествовала короткая артиллерийская подготовка. Но не столько она, сколько внезапность, лежавшая в основе нашего удара, принесла поначалу успех. Несмотря на неблагоприятные метеорологические условия и всякого рода препятствия, танковые и механизированные бригады продвигались вперед сравнительно быстро, и вскоре вместе с взаимодействующей пехотой освободили от фашистов 55 населенных пунктов».

28 ноября в сводке «В последний час» Совинформбюро сообщало, что наши войска перешли в наступление в районе восточнее города Великие Луки и в районе западнее города Ржев, преодолевая упорное сопротивление, прорвали сильно укрепленную оборонительную полосу противника. «... В районе западнее города Ржев фронт, например, прорван в трех местах — протяженностью 20,17 и 10 километров. На всех указанных направлениях войска продвинулись в глубину на 12—30 километров».

39-я армия генерала А. И. Зыгина также прорвала оборону противника, преодолела ее первую полосу и завязала бои на подступах к поселку Оленино. Командиры отличившихся при прорыве вражеской обороны 881-го и 879-го стрелковых полков 158-й стрелковой дивизии Г. Г. Петренко и К. А. Томин за

личное мужество и умелое руководство боем были первыми в армии награждены орденом Александра Невского. Но из-за отсутствия резервов и недостатка снарядов развить начальный успех не удалось. Армия вынуждена была втянуться в изнурительные бои с сильным противником.

Немецкое командование вынуждено было спешно перебрасывать в места прорыва фронта свои резервы. В декабре здесь действовали четыре немецкие танковые дивизии — 1-я, 9-я, 12-я и 20-я. Сильными контратаками танковых дивизий, используя крупные силы авиации, враг стремился остановить наступление наших армий. Особенно упорно гитлеровцы удерживали рокадную дорогу из города Белый к железнодорожной станции Нелидово. Фашистские части неоднократно переходили в контратаки, но наши механизированные и стрелковые части не отступали.

5 декабря перешли в наступление на участке Нелюбино, Лебзино, Литвиново правофланговые части 30-й армии. Была занята часть правого берега Волги в районе Литвиново, но развить наступление на большую глубину и выйти к железной дороге Ржев-Великие Луки не удалось. Отвоевав на правом, южном, берегу Волги западнее Ржева второй плацдарм, который возвышался над местностью и давал возможность просмотра обороны противника на большую глубину, 30-я армия частично улучшила свое оперативно-тактическое положение.

Если наступление армий Калининского фронта началось успешно, то Западный фронт из-за недостатка танковых, авиационных, артиллерийских и других средств обеспечения прорыва не смог сразу прорвать оборону противника на всю ее глубину.

Части 20-й армии под командованием генерал-лейтенанта М. С. Хозина, наносившие главный удар, начали наступление с берегов реки Вазузы севернее села Хлепень 25 ноября. В некоторых частях армии бойцы узнали об окружении армии Паулюса под Сталинградом из листовок, розданных во время артиллерийской подготовки. Как вспоминают участники этих событий, в ночь на 25 ноября погода резко изменилась. Сильный юго-западный ветер пригнал тяжелые серые тучи. Начался снегопад, перешедший в пургу во время артиллерийской подготовки. Артиллеристы не могли видеть места разрывов своих снарядов, так как видимость была не более 20 метров, и вынуждены были вести огонь не по целям, а по площадям. Поэтому результаты артподготовки, как убедились

наши стрелковые части, перейдя в атаку в 9 часов 20 минут, были незначительными: противник оказал сильное огневое сопротивление. Вражеская оборона была прорвана лишь на узком участке наступления, на рубеже Зеваловка-Пруды.

Днем 26 ноября в узкий прорыв были введены части 6-го танкового корпуса под командованием Героя Советского Союза полковника П. М. Армана (командир этого корпуса генерал-майор А. Л. Гетман в эти дни был болен) и 2-го гвардейского кавалерийского корпуса под командованием генерал-майора В. В. Крюкова. И хотя в это время видимость была плохой и шел снег, над танками и кавалерией на малой высоте появилось несколько десятков «юнкерсов». Но в месте прорыва было сосредоточено большое количество нашей зенитной артиллерии. За 20—25 минут зенитчики сбили 13 вражеских бомбардировщиков, которые мгновенно врезались в землю, а летчики не успевали выпрыгнуть с парашютом.

В ожесточенных боях наши корпуса прорвались через железную дорогу Ржев-Сычевка и совершили рейд по вражеским тылам. К западу от железной дороги было истреблено несколько вражеских гарнизонов, разгромлены три штаба 9-й немецкой армии, уничтожено два артиллерийских полка, захвачены склады с военным имуществом и техникой. В этих боях наши танкисты и кавалеристы потеряли более половины танков и личного состава.

Наступление непосредственно на Сычевку развивалось медленно. Особенно сильное сопротивление оказывали гитлеровцы в селе Хлепень, расположенном на высоком левом, западном, берегу Вазузы, огибающей село с северо-востока. Это село было освобождено только 1 декабря частями 331-й стрелковой дивизии в ходе ожесточенных, доходивших до рукопашных, схваток с врагом.

Трудные испытания

Пока дышу тоской и гневом,
Пока хожу среди полей—
Герои, павшие под Ржевом,
Бессмертны в памяти моей.

Виктор Тарбеев

Противник подтянул к месту прорыва 20-й армии танки и пехоту и, нанеся удары по флангам и в тыл прорвавшимся на запад 6-му танковому и 2-му кавалерийскому корпусам, отрезал их от остальных наступавших частей Западного фронта. Попытка прорвать кольцо окружения в районе деревни Малое Кропотово, к которой двигались на помощь окруженным наши части с востока, не увенчалась успехом.

«Командование 6-го танкового корпуса приняло решение оставить эту деревню,— вспоминает командир корпуса генерал-майор А. Л. Гетман,— и пробиваться из окружения севернее, в направлении Большое Кропотово. В ночь на 30 ноября наши воины, изнуренные многодневными неравными боями, но охваченные единым порывом, непреклонной решимостью прорвать вражеское кольцо, нанесли неожиданный удар на северо-восток. Одновременно им навстречу из района Большое Кропотово наступали части 100-й танковой бригады с пехотой. В ночной тьме вспыхнул ожесточенный бой. Превес сил был на стороне противника. К тому же у прорывающихся войск были уже последние остатки боеприпасов. В этом тяжелом бою смертью храбрых пали десятки наших воинов и в их числе возглавившие атаку командир 200-й танковой и 6-й мотострелковой бригад Герой Советского Союза подполковник В. П. Винокуров и старший батальонный комиссар Е. Ф. Рыбалко.

Но еще большие потери понес враг. Его части, составлявшие фронт окружения на этом рубеже, были полностью уничтожены, и к утру 30 ноября прорыв был успешно завершен».

В декабре Западный фронт продолжал наступательные бои, но так как наступление проводилось меньшими, чем в ноябре, силами, а враг успел подтянуть крупные силы, то оно не привело к успеху. На ряде участков фронта 20-й армии ослабленные в боях стрелковые части уже не наступали, а с трудом сдерживали натиск сильного врага. Артиллеристы 1179-го артиллерийского полка вынуждены были 30 ноября сформировать в помощь стрелковым подразделениям 247-й дивизии группу автоматчиков в составе 50 человек. В группу

вошли бойцы взводов управления батарей, разведчики, телефонисты, санитары, химинструкторы. В кровопролитных боях в начале декабря эта группа, возглавляемая командиром В. Кадочниковым и комиссаром К. Долгих, вместе с бойцами 247-й стрелковой дивизии отразила множество яростных контратак врага, бои часто завершались рукопашными схватками.

Заместитель Верховного Главнокомандующего Г. К. Жуков пришел к выводу, что в сложившихся условиях дальнейшее наступление Западного фронта только приведет к ненужным потерям. «Разбираясь в причинах неудавшегося наступления войск Западного фронта,— пишет в «Воспоминаниях и размышлениях» маршал Г. К. Жуков,— мы пришли к выводу, что основной из них явилась недооценка трудностей рельефа местности, которая была выбрана командованием фронта для нанесения главного удара. . .

В данном конкретном случае не было учтено влияние местности, на которой была расположена немецкая оборона, хорошо укрытая за обратными скатами пересеченной местности.

Другой причиной неудачи был недостаток танковых, артиллерийских, минометных и авиационных средств для обеспечения прорыва обороны противника.

Все это командование фронта старалось исправить в процессе наступления, но сделать это не удалось. Положение осложнилось тем, что немецкое командование вопреки нашим расчетам значительно усилило здесь свои войска, перебросив их с других фронтов.

Вследствие всех этих факторов группа войск Калининского фронта, осуществив прорыв южнее Белого, оказалась в одиночестве».

В начале декабря осложнилась обстановка и на Калининском фронте. Командование армий фронта, механизированные и стрелковые корпуса которых вбили в оборону врага глубокие клинья и продолжали наступление, опасалось за фланги этих клиньев. Об этой опасности предупреждал командующего артиллерией Калининского фронта генерала Н. М. Хлебникова командующий 41-й армией генерал-майор Г. Ф. Тарасов. «Надо было срочно перегруппировать артиллерию на фланги,— вспоминал Н. М. Хлебников,— чем я и решил заняться в первую очередь. Однако не успел. Вскоре после полудня 7 декабря до 50 немецких танков прорвались на правом фланге и одновременно повели сильные танковые атаки с левого фланга, от

города Белый, подрывая основание нашего клина. К исходу дня танковые и пехотные дивизии противника соединились в районе Шипарево, Цыцыно, Дубровка. Часть сил первого механизированного и 6-го сибирского стрелкового корпусов была окружена юго-восточнее этих пунктов».

Поскольку директива Ставки Верховного Главнокомандования от 8 декабря 1942 года, подписанная И. В. Сталиным и Г. К. Жуковым, требовала разгрома ржевской группировки врага к 1 января 1943 года, Г. К. Жуков принял решение оставить окруженные части на местах, чтобы не только удержать занятый район, но и продолжать наступление. Была организована доставка окруженным боеприпасов и продовольствия на самолетах. Несколько дней окруженные вели кровопролитные бои, но продолжать наступление на восток они не смогли — не хватило сил.

«Пришлось срочно,— вспоминает Г. К. Жуков,— подводить из резерва Ставки дополнительный стрелковый корпус, чтобы с его помощью вывести наши войска из окружения. Более трех суток корпус М. Д. Соломатина дрался в тяжелейших условиях.

В ночь на четвертые сутки подоспевшие сибиряки прорвали фронт противника, и нам удалось вывести корпус М. Д. Соломатина из окружения.

Бойцы и офицеры корпуса были крайне измотаны, и их пришлось тут же отвести в тыл на отдых».

Бои на Ржевском выступе к январю 1943 года постепенно затихали. Наши войска вновь переходили к активной обороне, готовились к новым наступательным боям. На отдельных участках фронта приходилось отбивать яростные контратаки все еще сильного врага.

«В январские морозы корпус,— вспоминает командир 3-го механизированного корпуса генерал М. Е. Катуков,— не только держал оборону, закреплялся на захваченных рубежах, но и вел активные боевые действия. Мы получили приказ штаба 22-й армии произвести глубокий поиск на территории, занятой противником, чтобы найти в лесах наших кавалеристов (большую группу до тысячи человек), ранее попавших в окружение, и вывести к своим. . . Для выполнения этой задачи выделили мы танковый полк, которым в это время командовал замечательный гвардеец подполковник Александр Федорович Бурда. . . Прикрываясь снежной поземкой, он повел свой отряд через линию фронта, не ввязываясь в бой с фашистами.

На берегу Тагощи в корпусных штабных землянках воцарилось тревожное ожидание. Начальник штаба подполковник М. Т. Никитин сам держал связь по радио с Александром Федоровичем. . . И, наконец, долгожданное радиодонесение «Нашли кавалерийский отряд в квадрате. . . , не задерживаясь, возвращаемся». Танкисты посадили раненых, больных, обмороженных конников на боевые машины, для некоторых соорудили сани-волокуши и тронулись в обратный путь. . .

Январским утром наша артиллерия обрушила огонь на позиции противника в районе выхода группы Бурды. Взметнулись в воздух снежные султаны. Сразу же после артналета в разрыв обороны фашистов двинулись танки 3-й мехбригады А. Х. Бабаджаняна. Танки расширили брешь. Через нее-то и стали выходить танки Бурды и кавалеристы. Впрочем, кавалеристами их теперь можно было назвать лишь условно. Все они стали пехотинцами. На нашей стороне их ожидали дымящиеся кухни, медперсонал. Среди вышедших было много раненых и обмороженных. Санитарные машины эвакуировали их в тыл.

Двое суток по коридору в немецкой обороне, охраняемые с флангов танковыми заслонами, выходили окруженцы. Двое суток день и ночь работали медики, повара, интенданты».

В результате наступательных боев в ноябре-декабре 1942 года Ржевский выступ не был ликвидирован, но полукольцо вокруг Ржева значительно сузилось. Главный итог наступления состоял в том, что наши войска не только не позволили гитлеровскому командованию перебросить подкрепления с ржевско-вяземского плацдарма под Сталинград, где фашисты пытались деблокировать группировку Паулюса, но и вынудили его сосредоточить в районе Ржев-Сычевка крупные силы.

Накануне

Уже врагов легло немало
Под Ржевом в грязи и пыли.
Уже на крайние кварталы
Бойцы-разведчики пришли.

Священный бой идет за Волгой,
Мы продолжаем наступать.
И город знает, что недолго
Ему теперь осталось ждать.

С. Дриго («Боевое знамя» —
газета 30-й армии)

После освобождения частями Калининского фронта 17 января 1943 года города Великие Луки, находящегося в 240 километрах западнее Ржева, положение немецко-фашистских войск на Ржевском выступе еще более ухудшилось. Угроза окружения под Ржевом становилась для немцев реальной. Немецко-фашистское командование понимало, что четвертое наступление Красной Армии под Ржевом станет для них здесь последним.

В феврале 1943 года противник резко усилил огневую активность, почти постоянно вел сильный огонь, как будто стремясь израсходовать больше боеприпасов, часто проводил разведку боем, надеясь определить, где будет нанесен главный удар.

На ряде участков фронта наносили удары по врагу и наши войска. 25 января была проведена частная наступательная операция с целью полного освобождения Городского леса и левобережной части Ржева. Для этого привлекалась часть сил 215-й стрелковой дивизии, с сентября 1942 года стоящей на окраинах города, 10-й отдельный стрелковый батальон и большое количество артиллерии.

Необычность и новизна наступления заключалась в методе проведения артиллерийской подготовки. Артподготовка началась в 8 часов 37 минут утра трехминутным огнем орудий прямой наводки с расстояния 500 и менее метров по заранее разведанным и закрепленным за каждым орудием 1179-го артполка целям. В 8 часов 40 минут на передний край врага обрушился огонь всей артиллерии, в том числе мощных дальнобойных батарей 392-го полка резерва Главного командования. Когда через 10 минут, в 8 часов 50 минут, артиллерий-

ский огонь был перенесен вглубь вражеской обороны, в атаку поднялись бойцы 711-го стрелкового полка и 10-го отдельного стрелкового батальона. И хотя артиллерия подавила и разрушила почти все закрепленные за ней цели, операция не увенчалась успехом. Когда наши пехотинцы ворвались в первую немецкую траншею, гитлеровцы тут же открыли мощный артиллерийско-минометный огонь с флангов, неоднократно переходили в контратаки. Наши бойцы не смогли продвинуться дальше первой немецкой траншеи, а вечером был получен приказ отойти.

6 февраля 1943 года командующие Калининским и Западным фронтами генералы М. А. Пуркаев и В. Д. Соколовский получили директиву Ставки Верховного Главнокомандования о подготовке к новой Ржевско-Вяземской наступательной операции. Снова была поставлена задача выйти в тыл ржевско-вяземской группировке врага, окружить и уничтожить основные силы группы армий «Центр». К наступлению привлекались 4 армии Калининского и 8 армий Западного фронтов.

Немецко-фашистское командование, израсходовав в зимних боях все свои резервы, в конце февраля приняло окончательное решение об отводе своих войск с ржевско-вяземского плацдарма. Противник, опасаясь попасть после Сталинграда в еще один котел, решил уйти из ржевско-вяземского «мешка» и сократить линию фронта.

Вот как оценил сложившуюся для немцев ситуацию корреспондент английской газеты «Санди таймс» А. Верт:

«После всех потерь, которые немцы и их союзники понесли на юге, им явно все больше и больше не хватало обученных войск. Этим в значительной степени и объясняется принятое ими в марте 1943 года решение оставить плацдарм Гжатск-Вязьма-Ржев, этот «нацеленный на Москву» кинжал, за который они так яростно цеплялись после первых же поражений, понесенных ими в России зимой 1941-42 годов.

Теперь, в марте 1943 года, немцы, опасаясь, что русские войска обойдут их с юга (в конечном счете возьмут немцев в большое окружение «между Москвой и Смоленском», чего им не удалось сделать в феврале 1942 года), просто отошли с «московского плацдарма», хотя и с упорными арьергардными боями, особенно под Вязьмой; при этом они совершили столько разрушений, сколько им позволило время».

Оборона переднего края немцев оставалась достаточно прочной и насыщенной всевозможными огневыми средствами.

В ночь с 1 на 2 марта немцы на ряде участков фронта 30-й армии пытались вести разведку боем. Так, в 12 часов ночи до ста человек пехоты дважды атаковали траншеи 653-го стрелкового полка 220-й дивизии южнее деревни Литвиново, а на фронте 274-й дивизии — до взвода пехоты противника, перейдя Волгу, трижды пытались прорваться в оборонительные позиции в районе деревни Горшково. Все вражеские атаки были отбиты артиллерийским и минометным огнем. В эту ночь наши разведчики поставили на участке обороны 965-го стрелкового полка 274-й дивизии в десяти метрах от переднего края противника портрет Гитлера размером 2 на 2 метра с надписью на немецком языке: «Он виновник войны! Долой Гитлера!». Утром 2 марта портрет был обстрелян минометным и пулеметным огнем и в конце концов разбит к удовольствию наших бойцов.

Советское командование с конца февраля стало получать многочисленные разведывательные данные о том, что противник готовится к отступлению. Разведчики 30-й армии только с 21 февраля по 1 марта захватили в различных районах 6 пленников, данные допроса которых подтверждали, что враг готовит отвод своих войск из Ржева в направлении Смоленска.

Командующий 30-й армией В. Я. Колпачий, получив разведывательные данные об отходе немецко-фашистских войск, долго не решался отдать приказ о переходе армии в наступление. Об этом ярко рассказала писательница Елена Ржевская, в те дни переводчица штаба 30-й армии Е. Коган:

«О Ржев столько раз разбивалось наше наступление, и сейчас, после победы в Сталинграде, когда все внимание Москвы приковано сюда, он не мог просчитаться и медлил. Ему нужны были гарантии, что на этот раз заговоренный Ржев поддастся, будет взят. . .

Как бы там ни было, сколько ни мучил вопрос, из ответа пленного выходило, что медлить нельзя: немцы эвакуируют Ржев и наша артиллерия будет разить пустоту, а соприкосновение с противником будет утеряно. Вот что грозило. А войска стояли наготове, ждали приказа наступать.

Все разрешилось ночным звонком Сталина. Он позвонил и спросил у командарма, скоро ли тот возьмет Ржев... И командарм (легко вообразить его волнение и дрожь торжественности в голосе, и подавляемый страх, и взлет готовности) ответил: «Товарищ Главнокомандующий, завтра же буду докладывать Вам из Ржева», и двинул войска».

Наши армии получили приказ перейти в наступление в 14 часов 30 минут 2 марта 1943 года. Немецкое командование уже начало планомерный отвод своих войск от рубежа к рубежу под прикрытием сильных арьергардов. Последняя Ржевско-Вяземская наступательная операция Западного и Калининского фронтов, как вспоминал заместитель начальника оперативного управления Генерального штаба С. М. Штеменко, превратилась в преследование отходящего противника.

На отдельных участках обороны немецко-фашистское командование уже успело отвести свои войска на промежуточный оборонительный рубеж, но в целом на фронте под Ржевом арьергардные подразделения врага 2 марта пытались не допустить прорыва нашими наступающими частями старого оборонительного рубежа и даже переходили в контратаки.

Командир 653-го стрелкового полка 220-й дивизии капитан Г. В. Сквородкин рассказывал: «Спать я не мог в ту ночь. Выхожу в час ночи из блиндажа: тишина, ни одного выстрела и ни одной ракеты на переднем крае. Я понял: немцы отходят. Приказал ординарцу заложить лошадь в санки, помчался на передний край, заскочил в блиндаж взвода разведки, поднял по тревоге личный состав и повел их прямо по верху в немецкую траншею. Немцев там не оказалось: они ушли. Доложил о случившемся комдиву Поплавскому, поднял полк и начал преследование. Полк настиг противника на рубеже Мончалово-Чертолино, где он оказал упорное сопротивление».

А вот что вспоминает о тех днях командир 2-й стрелковой роты 1-го батальона 711-го полка 215-й стрелковой дивизии А. И. Васильев:

«Ночью рота под моим командованием скрытно сосредоточилась у обрывистого правого берега реки. Мы пытались

Ветеран 711-го полка 215-й стрелковой дивизии А. И. Васильев.

подниматься к немецким траншеям, но ничего из этого не получилось. Отдельные бойцы поднимались вверх лишь на несколько метров и, срываясь, катились вниз по обледеневшему склону. Что же делать? Размышлять было некогда. Надо было действовать. Прислонившись спиной к крутому берегу, я, чтобы не сорваться, каблуками делал ступеньки. По ним бойцы один за другим вслед за мной поднимались вверх. Немцы молчали. Наши артиллеристы ждали от нас красную ракету. Только после этого они должны были открыть огонь по тылам немецкой обороны. Даю ракету. И под грохот снарядов, разрывов гранат и пулеметно-автоматной стрельбы рота врывается в немецкие траншеи, прочесывает хода сообщения, забрасывает гранатами немецкие блиндажи. Так наш полк прорвал оборону гитлеровцев правее Ржева, угрожая зайти в тыл фашистским подразделениям».

Ставка требовала от командующих Западным и Калининским фронтами генералов В. Д. Соколовского и М. А. Пуркаева более энергичных действий с тем, чтобы не выталкивать противника, а широко применяя обходный маневр, подвижными отрядами выйти ему в тыл и отрезать пути для отступления. Преследование затруднялось начавшейся весенней распутицей, все дороги были фашистами заминированы, мосты взорваны. Поэтому наши части продвигались сравнительно медленно — по 6—7 километров в сутки. И тем не менее усиленные стрелковые полки не давали возможности противнику оторваться, преследуя его днем и ночью.

30-я армия по приказу штаба Западного фронта от 2 марта должна была стремительным ударом охватить Ржев с запада и юго-востока. Ударная группировка армии в составе 220-й, 359-й, 369-й стрелковых дивизий, 196-й танковой бригады и некоторых других частей, взаимодействуя с правым соседом — 39-й армией Калининского фронта, наступала в направлении Мончалово, Афанасово, часть сил выделялась для выхода на линию железной дороги в Мончалово и овладения рубежами в районе деревень Огороково и Толстиково.

К исходу дня 2 марта были заняты деревни Кокошкино, Малахово-Волжское, Тростино и другие. Наступление продолжалось ночью. Отдельные опорные пункты врага, оказывающие сильное сопротивление, наши части блокировали выделенными для этого группами и продолжали продвигаться вперед. 359-я дивизия во втором часу ночи 3 марта овладела деревней Костерево и наступала на Рязанцево, 220-я дивизия

к утру вышла на линию железной дороги Москва-Великие Луки, а в 11 часов дня после короткого боя овладела станцией Мончалово, 369-я дивизия под командованием полковника М. З. Казишвили ночной атакой выбила арьергардные подразделения немцев из деревни Петуново и ряда других опорных пунктов и также вышла на линию железной дороги юго-западнее станции Муравьево, а затем заняла деревню Толстиково.

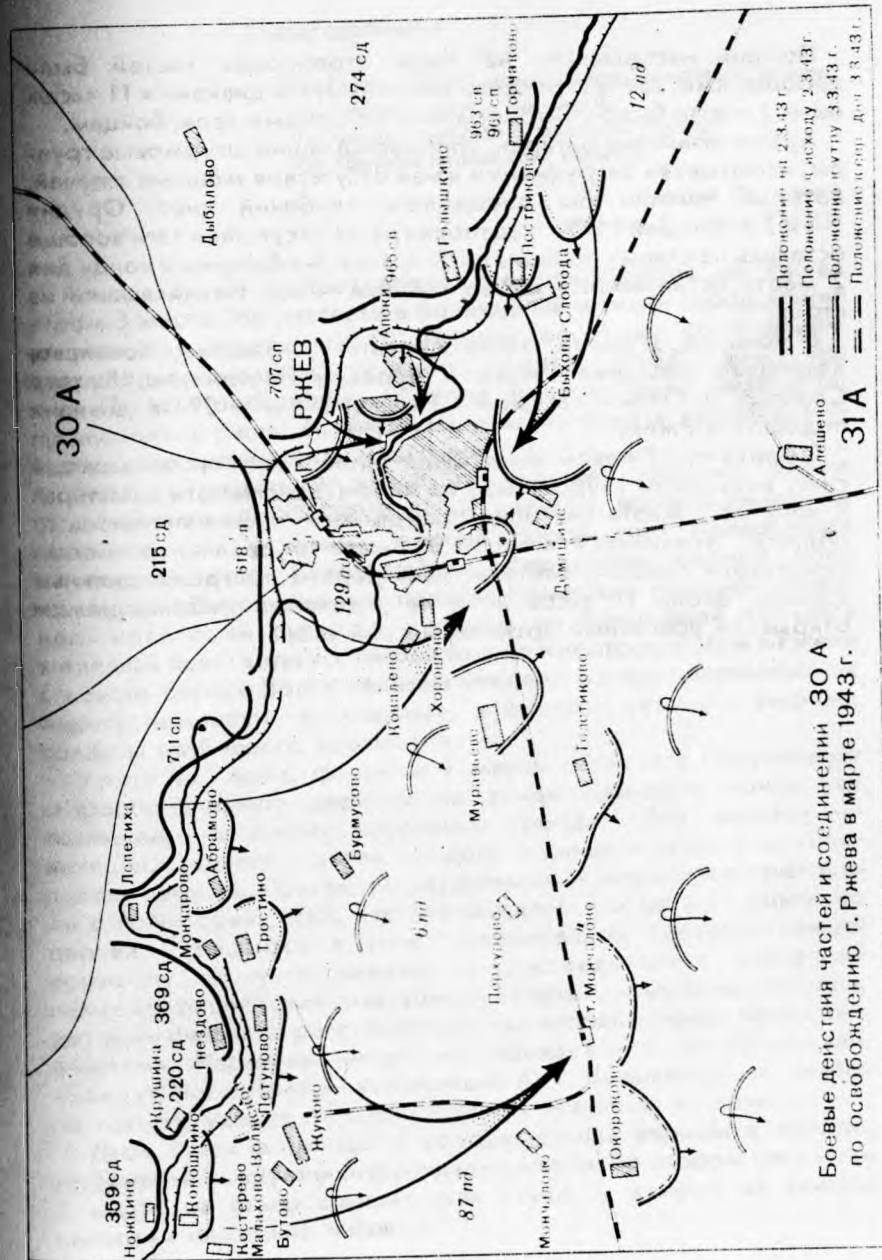
При взятии ржевских деревень, от которых остались одни названия, отличились многие бойцы и командиры. Командир минометного расчета М. И. Смалов и пулеметчик С. И. Гриднев из 1227-го стрелкового полка (командир полка — подполковник А. И. Басов), при прорыве обороны противника уничтожившие несколько немецких солдат и офицеров и подавившие огневые точки противника, были награждены медалью «За боевые заслуги». За смелость и мужество при освобождении Мончалова сапер П. Т. Сарычев и автоматчик М. И. Румянцев из 1223-го стрелкового полка (командир полка — капитан Н. П. Лунько) были награждены медалью «За отвагу».

К вечеру 3 марта части ударной группировки армии, очищая леса южнее линии железной дороги от мелких групп и засад противника, вышли на рубеж Околоково, Ступино, Дубровка и отрезали пути отхода немцев на запад — к поселку Оленино.

Непосредственно на Ржев наступали левофланговые 215-я и 274-я стрелковые дивизии 30-й армии под командованием генерал-майора А. Ф. Куприянова и полковника В. П. Шульги.

Левый сосед 274-й дивизии — 31-я армия — сразу же перешел в наступление, как только получил данные разведки, что в ночь с 1 на 2 марта противник начал отводить главные силы 72-й и 95-й пехотных дивизий. Командиры 371-й и 118-й стрелковых дивизий генерал-майор Н. Н. Олешев и полковник А. Я. Веденин немедленно отдали приказ усиленными отрядами занять первую траншею противника. В связи с тем, что Ржев охватывали с запада и юго-востока 215-я и 274-я стрелковые дивизии 30-й армии, с утра 3 марта направление наступления 31-й армии было изменено с северо-западного на южное, на Сычевку.

Штурмовые группы 215-й стрелковой дивизии к концу дня 2 марта заняли Лепетиху и траншеи восточнее Абрамово, охватывая Ржев с запада и юго-запада, а 961-й и 963-й стрелковые полки 274-й дивизии переправились через Волгу на правый берег и, охватывая Ржев с востока, подошли к деревням Пестриково и Быхова Слобода.

Боевые действия частей и соединений 30 А по освобождению г. Ржева в марте 1943 г.

Потери наступавших на Ржев стрелковых частей были небольшими. Так, в стрелковых полках 215-й дивизии к 11 часам ночи 2 марта было убито и ранено по одному-трем бойцам.

Артиллерийские батареи, сопровождавшие штурмовые группы, испытывали затруднения из-за отсутствия мощных тягачей, которые смогли бы преодолеть глубокий снег. Орудия 1-й и 2-й батарей 1179-го артполка из-за отсутствия тяги вообще остались на старых позициях, а 3-я, 4-я и 5-я батареи к концу дня 2 марта остановились перед Ржевом — все тягачи вышли из строя.

В ночь на 3 марта, заняв деревни Муравьево, Ковалево, Хорошево западнее Ржева и деревни Пестриково, Быхова Слобода и Опоки восточнее Ржева, 215-я и 274-я дивизии подошли к Ржеву.

2 марта под Ржевом днем было тепло, валил густой мокрый снег, видимость ухудшилась, не могли действовать снайперы. В ночь на 3 марта снегопад прекратился, небо очистилось от облаков, усиливался мороз. В Ржеве в различных местах вспыхивали пожары, слышны были редкие выстрелы, сильные взрывы, около 11 часов ночи на отдельных участках немцы открывали ураганный артиллерийский огонь.

Ржев свободен

Мы шли сквозь ночь, сквозь мертвый холод,
Махоркой греясь на снегу.
Ты вновь свободен, русский город,
На гордом волжском берегу.

Сергей Островой
«Ржев», 5 марта 1943 г.

Арьергардные подразделения немцев бежали из Ржева утром 3 марта. На рассвете в безлюдный и тихий город вошла оперативная группа из 10 человек во главе со старшим оперуполномоченным особого отдела НКВД 30-й армии П. И. Коноваловым. Группа должна была незаметно проникнуть в Ржев, блокировать дом и пленить предателя — городского голову В. Я. Кузьмина.

Перейдя передний край на участке обороны 618-го стрелкового полка 215-й дивизии, чекисты, воспользовавшись тем, что при усилении мороза сырой снег превратился в твердый наст, благополучно преодолели минное поле немецкой оборонительной полосы. Немецкие траншеи переднего края были пусты, а в одном из блиндажей топилась железная печь: видимо, немцы только что отошли. Уже в Ржеве с левого берега Волги чекисты увидели на противоположном берегу немецкую автомашину, в которой уезжали, видимо, солдаты из боевого охранения.

Уходя из Ржева, фашисты 1 марта согнали в Покровскую старообрядческую церковь на улице Калинина почти все оставшееся в живых население города — 248 человек — женщин, стариков и детей, заперли железные двери и заминировали церковь. Пригоняли сюда семьями, некоторые приходили с пожитками. «Тех, кто отказывался или не мог дойти до церкви, — говорится в акте Чрезвычайной Государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в Ржеве, — мужчин, женщин, детей, — фашисты расстреливали «за неповиновение немецким властям». Каратели ничего не объявляли и не объясняли. «Войдут, посмотрят, — вспоминала А. Г. Кузьмина, — и, ничего не говоря, уходят, только слышишь — гремят ключи».

Двое суток в голоде и холоде, слыша взрывы в городе, ржевляне каждую минуту ждали смерти. Во втором часу ночи 3 марта не стало слышно, как стучат у дверей от холода сапогами немецкие часовые.

Сообщение о готовящемся фашистами злодеянии — уничтожении в Покровской церкви всех оставшихся в живых ржевлян — командование 274-й дивизии получило от внедренного в Ржевскую полицию нашего агента в канун 3 марта. В ночь на 3 марта на командный пункт 965-го стрелкового полка (командир майор Р. И. Бортник) был срочно вызван командир тяжелой минометной батареи капитан Иван Андреевич Анищенко. Находившийся здесь командующий артиллерией дивизии приказал ему тщательно подготовить данные для стрельбы по невидимой цели.

В третьем часу ночи батарея нанесла фугасными минами из четырех 120-миллиметровых минометов удар по подвальному помещению склада, находившегося метрах в 200-х от Покровской церкви, где по данным нашего агента располагались фашисты с «адской машиной», а двумя минометами огонь велся по участку, где предположительно были проложены провода от «адской машины» к церкви, с целью порвать эти провода взрывами тяжелых мин и лишить фашистов возможности взорвать церковь. Батарея выполнила эту задачу блестяще. Днем, войдя в город, минометчики с радостным удовлетворением убедились в результативности своего огня: перекрытия подвалов склада были обрушены, а провода, проложенные от склада к церкви, перебиты во многих местах.

Одновременно с началом минометного обстрела в город из 965-го стрелкового полка был направлен созданный на основе 2-й стрелковой роты 1-го батальона штурмовой отряд специального назначения, получивший приказ любой ценой прорваться к Покровской церкви и спасти ее узников. Отряд возглавил замполит 1-го стрелкового батальона старший лейтенант Иосиф Яковлевич Колин. В его состав командованием был включен оперуполномоченный особого отдела НКВД 274-й дивизии при 965-м полку старший лейтенант госбезопасности А. Ю. Спринцин.

Пройдя через Опoki и северо-восточные кварталы Ржева и потеряв по пути от расставленных врагом мин 18 человек, штурмовой отряд ранним утром подошел к улице Калинина. Когда из церкви увидели военных в масках и с автоматами, то многие не могли поверить, что это наши бойцы, говорили, что автоматами вооружены только немцы, а у наших — одна винтовка на десятерых. Вот как об освобождении вспоминает одна из узниц Покровской церкви — М. А. Тихомирова: «Светлее стало, смотрим — идут осторожно от пожарной каланчи (она была на соседней с церковью улице) один за

другим поодиночке военные и будто ищут что-то. Присмотрелись — на немцев не похожи и по одежде и по походке. Неужели наши? Попросила я мальчишек: «Взберитесь на подоконник, кричите «ура», там наши идут». Мальчишки закричали. Только те услышали, как бросились к нам, гремят замком и ключами. Как распахнули двери, бросились мы друг к другу, тут и рассказать невозможно что было: и слезы, и обмороки, и объятия, и поцелуи. . . «Сынки наши, дорогие, желанные. . . » «Мамашеньки, наконец-то вас нашли, уж сколько времени людей живых ищем, нет никого, весь город прошли».

Освобожденные поспешили к своим домам, но многие на их месте увидели свежие пепелища. А. Г. Кузьмина шла из церкви к своему дому с семьей детьми. Тогда она, сорокалетняя, походила на старуху, от недоедания вся была покрыта чирьями, а на руках несла младшего двухлетнего сына, имевшего вид старичка. Анна Григорьевна вспоминала: «Ну, думаю, воскресли, дохожу до угла и что же вижу — мой дом догорает, еще тлеют угли». В. Ф. Маслова вышла из церкви с 60-летней матерью и дочерью двух лет семи месяцев. Какой-то младший лейтенант дал дочке кусок сахара, а она его спрятала и спросила: «Мама, это снег? » . . .

Вскоре к церкви подошли оперативная группа чекистов П. И. Коновалова и рота 2-го батальона 965-го стрелкового

П. И. Коновалов с группой ржевлян, освобожденных 3 марта 1943 года из заминированной фашистами Покровской церкви в мае 1966 г. (третья слева — Тихомирова М. А.).

полка под командованием капитана А. Нестерова. Саперы извлекли из подвала церкви взрывчатку, нашли и разминировали мину.

Старший лейтенант госбезопасности А. Ю. Спринцин поднял красный флаг на двухэтажном здании на углу улицы Калинина и улицы Коммуны (здание вечерней школы № 1), второй флаг был водружен на колокольне Покровской церкви замполитом 1-го стрелкового батальона старшим лейтенантом И. Я. Колиным. За подвиг по спасению мирных жителей Ржева и водружение красных флагов над свободным от врага Ржевом А. Ю. Спринцин был награжден медалью «За боевые заслуги», а И. Я. Колин — орденом «Красной Звезды» — первыми в их фронтовой жизни боевыми наградами.

Здесь же, у церкви, кем-то из работников политотдела 274-й дивизии был составлен акт о злодеяниях фашистов. Во фронтовом дневнике начальника политотдела 274-й дивизии майора Сергеева сохранилась копия этого акта, торопливо переписанная красным карандашом, видимо, с черновика.

«Акт. 3 марта 1943 года».

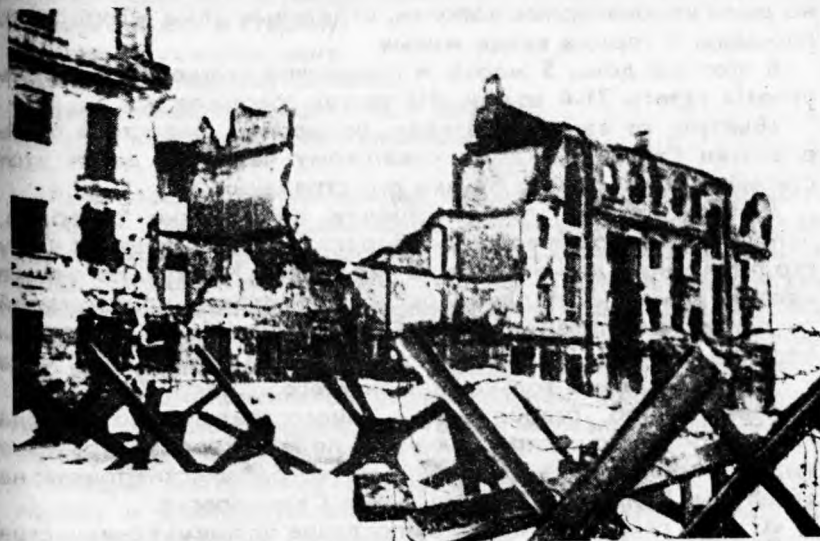
Отступая от ударов Красной Армии, немецко-фашистские войска, выполняя приказ людеода Гитлера, собрали 1 марта с. г. все оставшееся в живых население города Ржева от грудных детей до стариков в количестве 150 человек и заперли их в холодную с выбитыми окнами церковь. В течение двух суток находились советские люди без куска хлеба и воды, считая себя обреченными на смерть. Рано утром 3 марта 1943 года Красная Армия освободила советских людей.

Подписали: представитель воинских частей, старик Квашенников, 74 года, Крачак Лена, 14 лет, Струнина Шура, 12 лет и другие».

Разрушенный Ржев представлял из себя сплошное минное поле. Даже скованная толщей льда и покрытая грязным от дыма и пороха снегом Волга была густо усеяна минами. Впереди стрелковых частей и подразделений двигались саперы, проделывая в минных полях проходы. Следом тащили на руках свои «сорокапятки» артиллерийские расчеты. На главных улицах стали появляться таблички с надписями «Проверено. Мин нет». 707-й стрелковый полк 215-й дивизии, занимавший до 3 марта позиции на северных окраинах Ржева, двигался через центр города. В ночь на 3 марта 2-й батальон этого полка встретил сопротивление врага в районе шелковой фабрики, но немцы быстро отошли.

Красное знамя над освобожденным Ржевом.

В разрушенном городе.

На Советской и Красноармейской сторонах Ржева уже были водружены красные флаги, когда утром 3 марта 618-й стрелковый полк 215-й дивизии под командованием майора Д. Ф. Бурым после овладения деревнями Ковалево и Хорошево вышел в район вокзала станции Ржев-2. Сюда же из пригородных деревень Сбоево, Чачкино и Домашино подошли бойцы 963-го стрелкового полка 274-й дивизии под командованием подполковника П. А. Модина. Не задерживаясь в Ржеве, части и подразделения 274-й и 215-й стрелковых дивизий двинулись вслед за отходившим противником на юго-запад.

Закончилась семнадцатимесячная оккупация Ржева. В Ржеве и районе после 14 месяцев боев наступила тишина. 5 марта печатный орган 30-й армии — газета «Боевое знамя» писала:

«Немцы уложили под Ржевом тысячи своих солдат, но не удержались. Они бежали поспешно, стремительно. Они взорвали свои склады, подорвали свои танки. Они бежали по бездорожью, как стая волков. . .

Возвращаемся из Ржева. Прошло несколько часов. Но многое уже изменилось. Саперы разминировали главную дорогу. Путь через Ржев открыт. . . При своем бегстве из города Ржева немцы заминировали не только проезды и улицы, но даже водонапорные колонки, отдельные дома и городские площади. В городе везде мины».

В этот же день, 5 марта, в передовой статье «Закреплять успех!» газеты 31-й армии «На врага» говорилось:

«Быстро, от взвода к взводу, пронеслась радостная весть о взятии Ржева. Каждому советскому человеку дорог этот старый русский город, близки его страдания. . .

Далеко идущие планы строили фашистские генералы, цепляясь за высокие волжские берега, за стены Ржева. К нему сходится много дорог. Одна из них ведет к Москве. Но она же идет в Германию. Недаром бесноватый фюрер кричал своей солдатне, что потеря Ржева равносильна потере половины Берлина. Теперь мы можем сказать, с 3 марта 1943 года у Гитлера осталась только половина его столицы».

Известие об освобождении многострадального города Ржева мгновенно распространилось по всей Европе и сразу же вызвало отклики в самых крайних ее географических точках: на западе — в Лондоне и на востоке — в Свердловске.

«Строго секретное и личное послание от премьер-министра г-на Уинстона Черчилля г-ну Сталину.

. . . Примите мои самые горячие поздравления по случаю освобождения Ржева. Из нашего разговора в августе мне

известно, какое большое значение Вы придаете освобождению этого пункта.

4 марта 1943 года.

Строго секретное и личное послание премьер-министра И. В. Сталина премьер-министру г. У. Черчиллю. Отправлено 6 марта 1943 года.

. . . Благодарю Вас за поздравление по поводу взятия нашими войсками Ржева. Сегодня наши войска взяли город Гжатск».

5 марта в Свердловской газете «Уральский рабочий» старейший революционер и переводчик пролетарского гимна «Интернационал» на русский язык Аркадий Яковлевич Коц опубликовал стихотворение «Ржев». В нем соавтор Эжена Потье рассказал, как в освобожденном от фашистских оккупантов городе Ржеве, снабжавшем в крепостные времена Русь своей продукцией — пеньковыми веревками и канатами, свитыми на улицах на ручных станках — просаках, родилась поговорка «попасть впросак». Стихотворение заканчивается такими строками:

«Куда б фашисты не зашли,
Во всех концах родной земли
Мы их настигнем и раздавим —
И, как бывало в старину,
Потомкам памятку одну,
Одну лишь памятку оставим:
«Здесь немец был. Здесь был пруссак,
Он шел на Русь — попал впросак».

Ржев после бегства немцев представлял собой страшную картину: сплошные развалины, во многих местах лежали изуродованные трупы горожан. Из 5443 жилых домов уцелело лишь 297 зданий. Были разрушены все 22 школы, 4 техникума, учительский институт, учреждения культуры и здравоохранения, производственные корпуса механического, спиртоводочного заводов, маслозавода и завода сельскохозяйственных машин, шелкокрутильной, льночесальной, колодочной, пуговичной, швейной фабрик, разрушены железнодорожный узел, водопровод.

Общий материальный ущерб, нанесенный оккупантами городу и району, по определению Чрезвычайной Государственной комиссии составил полтора миллиарда рублей. Но если материальный ущерб можно измерить и восстановить, то нельзя оценить страданий ржевлян, перенесших фашистскую оккупацию в городе и деревнях, которые в течение 14 месяцев

Дети у развалин своего дома.

являлись фронтовыми, нельзя восполнить потерю тысяч мирных жителей. Многие погибли на линии фронта или умерли от голода, несколько тысяч ржевлян были расстреляны, несколько десятков, в том числе руководители подпольной молодежной организации Алексей Телешев, Александр Беляков и Владимир Новожинов, погибли на виселице, сооруженной на Советской площади по приказу командующего 27-м армейским корпусом генерал-майора Вейса комендантом города майором Куртфельдом. Около 10 тысяч жителей города в возрасте от 15 до 50 лет фашисты угнали на каторжные работы в Германию.

На день освобождения в городе с довоенным 60-тысячным населением оставалось только 362 человека, включая и узников Покровской церкви. Некоторым удалось спрятаться от фашистских захватчиков. Многие выжившие были крайне истощены.

Разрушенный город долго не покидали саперы. Только 19 марта 1943 года, на второй день работы роты саперов под командованием капитана Ласского из 5-й гвардейской мотоинженерной бригады РГК, в Ржеве было обнаружено 6 противо-

Саперы разминируют улицы города

Улица Коммуны в начале марта 1943 года.

танковых минных полей, выставленных на перекрестках улиц и прямо на разрушенных кварталах города.

Комендантом Ржева был назначен заместитель командира 961-го стрелкового полка 274-й дивизии подполковник П. В. Додогорский.

Полковник П. В. Додогорский, комендант Ржева в 1943 году. (Снимок 1970 года).

Из Ржева немцы уходили перекатами в 20—25 километров для основных сил и в 10—12 километров для арьергардов, которые пытались остановить наши наступающие части на заранее подготовленных рубежах, по высотам, опушкам лесов и окраинам деревень.

Отдельным частям и подразделениям удавалось обходить отступающего врага с тыла. Так, лыжный отряд автоматчиков 653-го стрелкового полка 220-й дивизии во главе с его командиром — капитаном Г. В. Сковородкиным, обходя немцев и нанося удары с тыла, захватил станцию Мончалово, село Осугу, поселок Холм-Жарковский. Неожиданные для врага удары с тыла приводили к его полному разгрому, полк захватывал пленных и трофеи. В поселке Холм-Жарковский противник потерял большое количество убитыми, было взято в плен около полусотни солдат и офицеров, захвачено 10 эшелонов с танками, артиллерией и военным снаряжением. Самой дерзкой операцией полка Г. В. Сковородкина было взятие 11 марта станции Вадино. Здесь захватили около 30 пленных, 7 исправных танков, 28 пушек разных систем и много другой техники и боеприпасов. Когда командир 220-й дивизии генерал-майор С. Г. Поплавский прибыл на станцию и увидел пленных и трофеи, то, как вспоминает Г. В. Сковородкин, сказал: «Ты Суворов, молодец!». Я не понял смысла сказанного, подумал, что комдив перепутал мою фамилию, и сказал: «Моя фамилия Сковородкин, товарищ генерал». Однако он повторил: «Ты советский Суворов!».

При преследовании врага наши части несли значительные потери от мин. Как вспоминает командир роты 215-й стрелковой дивизии А. И. Васильев, во второй половине марта в его роте из 80 человек осталось всего 6 человек. «Я в отчаянии, — вспоминает он, — хотел было застрелиться, считая себя виновным в небывалой потере людей, но я узнал, что у моих соседей положение было не лучше, чем у меня. Это и вывело меня из шокового состояния».

20 марта у села Ново-Лыткино Смоленской области осколком снаряда был убит командир 215-й стрелковой дивизии генерал-майор Андрей Филимонович Куприянов. По просьбе однополчан и общественности города Ржева он был похоронен в Ржеве.

Наступавшие армии, преследуя противника, оторвались от своих баз снабжения на 100 и более километров, что привело к резкому сокращению подвоза боеприпасов и продовольствия. Фашисты, отступая, сжигали за собой все поселки

и деревни, а население угоняли на запад. Темпы преследования врага снижали различные минированные заграждения и весенняя распутица.

К концу марта наши войска, освободив 5 марта Гжатск, 8 марта Сычевку, 10 марта Белый, 12 марта Вязьму, вышли к заранее подготовленному немцами оборонительному рубежу северо-восточнее Ярцево, Спас-Деменск, Дорогобуж, где, встретив упорное сопротивление врага, вынуждены были прекратить наступление.

После отхода немецко-фашистских войск с ржевско-вяземского плацдарма линия фронта отодвинулась от Москвы еще на 130—160 километров, а Ржев оказался в глубоком тылу наших войск. Калининская область в современных границах Тверской области была полностью очищена от врага.

У. НЕ ПОМЕРКНЕТ НИКОГДА

(О героях битвы за Ржев)

Когда умру, окончу путь солдатский,
Сломаюсь, как клинок, не заржавею,
Хочу лежать в большой могиле братской
Однополчан, сражавшихся за Ржев.

С. Сорин, ветеран 158-й стрелковой
дивизии 39-й армии Калининского фронта

Умирать со славой

В канун 40-летия Победы скромный мемориал воиской славы был открыт в старинном ржевском селе Мологине. Село это вошло в историю потому, что здесь на протяжении двух веков на ниве народного просвещения трудилась замечательная династия учителей Раменских, в гостях у которых бывал Пушкин.

Передний край фронта проходил здесь осенью 1941 года. Сюда прибыла сформированная в Омске 178-я стрелковая дивизия. Она прикрывала отход наших армий, которым грозило окружение. Перед 178-й стояла задача — не пустить врага на север к Торжку, к железной дороге Москва — Ленинград.

Сибиряки знали, что они защищают подступы к Москве. Во второй половине октября бои развернулись между деревнями Кресты — Фролово — Мологино, которые стоят на древнем торговом тракте между Торжком и Ржевом. Самыми тяжелыми были три дня, с 17 до 19 октября. 386-й полк неоднократно пытался контратаковать Мологино, 709-й бился у Фролово, 693-й сражался за деревней Аполево.

Без промаха косил фашистов пулеметчик Торопов, насмерть стояла батарея лейтенанта Полторацкого, сама обливаясь кровью, выносила с поля боя раненых бойцов фельдшер Полина Гладких. В этих боях погибло более двух с половиной тысяч из личного состава дивизии.

На мраморных плитах мемориала высечены их имена: командир пулеметной роты лейтенант Шардер, заместитель командира 709-го полка капитан Савчук, командир взвода 693-го полка младший лейтенант Бородулин, политрук Поломошных, лейтенант Барбман, комбат 386-го полка лейтенант Каргачинский.

Дмитрию Поломашных было 23 года. Родом он из Бурятии, из крестьянской семьи. До войны работал в райпотребсоюзе. Ушел на фронт, оставив двух маленьких сыновей, которые сейчас живут в Улан-Удэ.

Ефим Бородулин до войны работал слесарем на Омском заводе. Это по инициативе его сына, омского рабочего Михаила Бородулина, и воздвигнут в Мологине мемориал.

А Юрий Барбман — архитектор. Возводил дома и набережные в украинском городе Николаеве. В своем последнем бою он подорвал первый вражеский танк гранатой, но вторым был задавлен сам.

Воспитаннику московского комсомола Николаю Каргачинскому едва исполнилось 20 лет. Об его храбрости и бесстрашии ходили легенды. Еще в июле 1941 года, когда полк держал знаменитую Соловьевскую переправу через Днепр на Смоленщине, комбат вел своих бойцов на уничтожение вражеского десанта, около двух недель не допуская к переправе врага, рвущегося к Смоленску.

В то время у наших бойцов в основном были только винтовки. В боях под городом Западная Двина, когда батальон выбил немцев на левый берег, на груди у Каргачинского появился автомат ППШ. Он совсем по-юношески рад этому. Это был единственный автомат в батальоне, и он красовался на груди у всеми любимого комбата.

Во время октябрьских боев на Мологинском тракте батальон Каргачинского находился в самом пекле. Отходил с боями, контратаковал, снова выбивал немцев из захваченных деревень.

К 18 октября от батальона осталось меньше роты. На рассвете 18 октября фашисты предприняли яростную атаку со стороны деревни Фролово. На их пути встал батальон Каргачинского. И вот схлестнулись две совсем неравные силы. До зубов вооруженные гитлеровцы и изможденный боями, обескровленный батальон, которому предстояло погибнуть, но не пропустить врага к Москве с севера. И комбат, встав во весь рост, крикнул: «За мной, в атаку! Ура-а-а-!».

И повел бойцов вперед. Схватка была жестокой, кровопролитной. Бойцы ворвались в ряды врага, расчищая себе путь гранатами и штыками. Фашисты не выдержали натиска, их ряды смешались. Наступил моральный перелом. Немцы отошли к Фролову.

На поле боя остались десятки убитых. На опушке леса, возле молоденьких берез, прошитый автоматной очередью лежал навзничь комбат, замечательный русский парень Николай Каргачинский.

В деревне Барсуки враг окружил штаб 386-го полка, лишил связи с дивизией. Под градом пуль старший лейтенант Веряский и старшина Бугаев восстановили связь. В штабе оставалось около 50 человек во главе с командиром полка майором Шульгой и комиссаром Маценко.

В критический момент боя Шульгу вызвал на связь командир дивизии полковник Кудрявцев.

— Докладываю, — сообщил Шульга, — командный пункт окружен, связь с батальоном потеряна. Осталось несколько

десятков человек вместе со мной. Майор Денисевич убит. На нас наступает батальон пехоты с танками и бронемашинами.

— Держитесь до конца, — приказывает комдив, — подпустите пехоту, переходите в рукопашную.

— Силы неравны, товарищ комдив, боеприпасы кончились, все погибнем...

— Не погибать, а драться, — нервно кричит комдив, — гранатой, зубами, но ни шагу назад!

— Значит, умирать?!

— Да. Но умирать со славой.

Они дрались до последнего дыхания, до последнего патрона, солдаты и командиры осени 1941-го года, чьи имена сейчас на плитах Мологинского мемориала.

В атаку вел генерал

Не рассказать про героизм
Серым, сухим языком!

Это — отчаянных свойств!..
В землю вгрызись и заройся
Вместе с пехотным полком, —
Вот тогда, может быть, тоже
Будешь понятое иметь:
Вместо наигранной дрожи —
Злую чувствительность кожи,
Глотки простуженной медь...

Может, и сможешь похоже
Это героизм воспеть.

Н. АЦЕЕВ

В Твери на площади Ленина на могильной мраморной плите слова: «Генерал Н. А. Соколов (1890—1942 годы)».

Николай Александрович Соколов родился в Калуге. Во время гражданской войны добровольцем пошел в Красную Армию, дважды был ранен в боях за Перекоп. За боевые заслуги награжден орденом Красного Знамени.

Великую Отечественную войну встретил уже генералом. Его назначили командиром сформированной на Урале 375-й стрелковой дивизии. В ее составе было много участников гражданской войны.

Поле между приволжскими деревнями Клепенино и Тимонцево, где сражалась 375-я дивизия, уже в январе-феврале 1942 года было названо «долиной смерти».

Впереди на взгорке раскинулась красавица-роща. Долина простреливалась со всех сторон. Уральцы должны были взять рощу, опрокинуть фашистов и выйти к Волге. До Волги было два вершка, но на этих двух вершках стояли отборные полки дивизий «Райх» и «Дойчланд», дивизия СС.

Дело предстояло серьезное. Двум полкам нужно было без звука проползти через поле и неожиданно ворваться в рощу.

Дивизия сосредоточивалась у кромки леса. Некоторое время стояла полнейшая тишина. Генерал Соколов прошел в маскхалате с автоматом вдоль окопов и проверил, все ли готово к бою.

2 февраля в 2 часа ночи наступление началось без артподготовки. Без выстрелов. Вперед выдвинулись два полка. Командовали полками майоры Савенко и Румянцев. Вместе со всеми полз и генерал Николай Александрович Соколов. Снег был глубокий, местами достигал полутора метров. Впереди время от времени взвивались осветительные ракеты.

Почти два часа продолжался этот поединок со снегом. На флангах уже завязалась перестрелка. Это насторожило фашистов в роще. И когда в деревне Клепенино и восточнее Тимонцево начался бой, фашисты обнаружили полки уже в ста метрах от себя. Открыли автоматный огонь. Бойцы ползли, с головой зарываясь в снег. Огонь усиливался. По долине начали бить пулеметы и минометы. И вот полки вслед за генералом поднялись в полный рост и местность наполнилась голосами и шумом выстрелов, мощным «ура». Гитлеровцы не ожидали, что долина уже занята, что неизбежна рукопашная схватка.

Уральцы ворвались в рощу. На лесном клочке размером полтора на два километра скопилось несколько тысяч человек. Фашисты, застигнутые врасплох, не могли как следует обороняться, и это решило исход боя.

На рассвете роща была очищена, но идти дальше к Волге уже не было сил.

В роще собрались оставшиеся подразделения соседних дивизий. Соколов объединил их со своей и набрался едва ли полнокровный полк. Ни из Клепенина, ни из Тимонцева враг не был выбит. Немцы стали готовиться к уничтожению засевших в роще русских.

Трое суток невозможно было расчленить на дни и ночи. Это был сплошной, почти непрерывный бой. Ревели самолеты, забрасывающие рощу бомбами. За эти трое суток враг десятки раз сжимал ее танковым кольцом, десятки раз атаковал со всех сторон. Роща превратилась в бурелом. Нельзя было найти дерева, которое бы не имело страшных следов войны. А уральцы стояли.

Наблюдательный пункт генерала Соколова находился в воронке, незакрытой сверху даже максировочной сеткой. Над головой проносились самолеты, взлетали на воздух деревья. Но генерал словно не замечал этого. Связисты и разведчики, то и дело подползавшие к нему с донесениями, скатывались

в воронку и докладывали о делах в подразделениях, о потерях, об участках, где складывалось наиболее тревожное положение.

Три дня и три ночи кругом был кромешный ад, а уральцы стояли.

Комсомолец Пучельников под сильным огнем противника вышел на устранение линии связи. Устранил пять обрывов. Был тяжело ранен, но продолжал работать. Устранил еще три. Вражеская пуля сразила воина, но связь продолжала действовать. Пучельников был найден мертвым, держащим в зубах концы провода.

Соколов в зимних боях остался жив. Был награжден вторым орденом Красного Знамени. Летом дивизия пошла на штурм Ржева. Освободила много деревень и несколько кварталов города. На подступах к Ржеву погиб Николай Александрович Соколов. Его именем названа одна из улиц города Ржева.

Цена мгновения

Одна из улиц Тракторозаводского района Волгограда носит имя Героя Советского Союза капитана Мещерякова.

Он родился в Волгоградской области в селе Нижняя Добринка. Когда началась война, ему было 33 года. Был командиром эскадрильи 5-го гвардейского истребительного авиационного полка.

К началу 1942 года эскадрилья провела 304 воздушных боя, в которых уничтожила 56 вражеских самолетов. Капитан И. И. Мещеряков к декабрю 1941 года совершил 135 боевых вылетов, участвовал в 15 воздушных боях, лично сбил 5 самолетов врага и один таранил. За геройские боевые действия командир эскадрильи был представлен к званию Героя Советского Союза. В конце февраля 1942 года это представление подтвердил командующий ВВС Калининского фронта комбриг М. М. Громов. В марте с представлением согласился командующий фронтом И. С. Конев. 5 мая вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении И. И. Мещерякову звания Героя Советского Союза. Но его уже не было в живых. Он погиб в бою над Ржевом 8 февраля 1942 года.

Из письма к сестре Марии Ивановне Мещеряковой от 3 сентября 1941 года: «Привет, сестра! Писем не получаю, наверное, с мая месяца. Правда, вас в этом не виню, так как меня трудно заставить на одном месте. Что поделаешь: жизнь такая летучая. Пиши, Мария, как у вас дела дома, как живут старики и Евдокия. Ты их информируй о моем письме. Вот и все, дорогая сестричка. Передай всем привет. Иван».

В один из сентябрьских дней Мещеряков вылетел на боевое задание вместе с ведомыми, младшими лейтенантами Чеховым и Истоминым. Надо было перехватить бомбардировщик противника.

Из-под облаков показались «юнкерсы» и «мессершмитты». Они заметили краснозвездные самолеты и открыли огонь. Мещеряков сам пошел на них в атаку. Ему удалось подбить один «юнкерс». Он двинулся на второй заход, однако ни пушки, ни пулеметы у него на борту уже не стреляли. Кончились боеприпасы. Мещеряков решил идти на таран.

Вражеский летчик понял замысел советского пилота и намеревался спастись бегством. Мещеряков настиг его и отрубил хвост. Потеряв устойчивость, «юнкерс» стал на нос, затем закувыркался и неудержимо понесся к земле.

Протаранив противника, Иван отошел влево и выравнивал машину. Мотор сильно парил, застилая видимость. К тому же в эти минуты на машину Мещерякова набросилось звено «мессершмиттов». Искусно маневрируя, наш летчик оторвался от них и совершил посадку. Это был первый таран в 5-м гвардейском истребительном авиаполку.

Из письма к сестре от 25 января 1942 г.: «...Привет, сестричка! Я здоров. Все в порядке. Продолжаем двигаться на запад. В этом вся наша цель. Освободить священную землю от фашистских собак. Маруся! Живу я очень хорошо. Привык к суровой фронтовой жизни, как будто так и нужно. Выслал тебе 3 тысячи рублей. Пиши почаще. Жду от вас писем. Посылаю фотографию. Это память о войне. Ну все. Передавай привет старикам. Ваш Иван».

Через две недели Иван Мещеряков погиб. Бой над Ржевом 8 февраля стал для него последним. Утром, получив задание прикрывать выходящие из окружения боевые порядки наших войск, капитан Мещеряков и лейтенант Чехов вылетели в район Ржева. Они летели над прифронтовой полосой. Убедившись, что над лесом не было противника, Мещеряков направился к железнодорожной станции Ржев.

Вражеский самолет подобрался незаметно. Когда Мещеряков увидел врага, уже не было времени совершить сложный маневр. Но враг промахнулся. Начался затяжной бой. Видимо, фашистский летчик был опытным асом: несколько раз уходил от огня, атаковал, стараясь зайти в хвост. Но вот замолк пулемет — израсходован боезапас. Фашистский летчик это понял, поэтому, не опасаясь, приблизился к краснозвездному самолету настолько, чтобы не промахнуться. . .

A high-contrast, black and white portrait of a man in a military uniform. He is wearing a flight suit with a tie and has a serious expression. The image is grainy and appears to be a photocopy or a scan of a physical photograph.

А. ТВАРДОВСКИЙ

Окончив 8 классов средней школы, юноша пошел работать на Ленинградский завод подъемных сооружений. Здесь вступил в комсомол. Стал посещать аэроклуб. В 1938 году был направлен в Чугуевскую авиационную школу пилотов.

И вот настал день последнего боя Сергея Макарова. Это случилось 10 февраля. В те дни фашисты стремились

ликвидировать окруженную в Мончаловских лесах 29-ю армию и отбросить от Волги спешившие ей на помощь части 30-й армии.

Вражеская авиация группами по 15—20 самолетов непрерывно бомбила наши боевые порядки. В неравный бой с ними вступили советские летчики. Звено Макарова получило приказ патрулировать над нашими позициями в районе ржевских деревень Соломино, Пайково, Крутики. Там непрерывно шел бой, горели деревни, наши воины вынуждены были отходить в холодный, труднопроходимый лес, для большинства из них ставший могилой.

Но вражеских самолетов в этот день почему-то с утра не было. Наши истребители то набирали высоту, то спускались к самым окопам. Из кабины Сергей хорошо видел измученных советских воинов, видел наспех сделанные укрытия и ходы сообщения. Как хотелось помочь им!

Горючее кончалось, и пора было уже возвращаться на аэродром. «Ястребки» на бреющем полете пронесли над передним краем немцев, поливая их из пулеметов. Затем набрали высоту, перелетели Волгу и взяли курс на аэродром. И вдруг над лесной деревней Воскресенское Макаров заметил группу бомбардировщиков. Их было двенадцать. Скомандовав ведомым начинать атаку, Макаров первым устремился на бомбардировщиков и меткой очередью сразил ведущего «юнкерса». Остальные, сбросив бомбы, уходили восвояси. В это время на звено Макарова из-за облаков набросилась девятка «мессеров».

Завязался неравный бой. В ушах звенело от воя моторов, от треска выстрелов. В небе замелькали пунктиры огненных трасс. Макаров, сбив один истребитель, схлестнулся с «мессером», не раз атаковывал его, но безуспешно. Оставалось только одно: пойти на опасное сближение.

Сергей прибавил скорость, настиг гитлеровца и расстрелял его. «Мессер» загорелся, обвятый черным дымом, вошел в штопор. Но в этот момент вражеские пули прошли плоскость самолета Макарова, резкая боль оглушила пилота, в глазах потемнело. Два «мессера» вплотную приблизились к беспомощной машине и в упор расстреляли ее. Самолет загорелся, черный дым ворвался в кабину. Знойное дыхание пожара с каждой секундой приближало трагическую развязку. Теряя сознание, напрягая последние силы, он видел как неотвратно приближается родная израненная земля.

С огромной высоты падал советский истребитель. Слившись с машиной, уходил в бессмертие лейтенант Макаров.

До последнего вздоха

... Полет снежинок маленьких,
И тишина вокруг.
Вставайте, Моисеенко,
Идемте, политрук!

Тут близко, через поле,
К избе, что под сосной,
Да, это я — Бездоля —
И пулемет со мной.

Ряды врагов рассеяны,
Как воронье в снегу.
Вставайте, Моисеенко,
Давайте, помогу.

Молчите и не дышите,
И алой струйкой кровь.
Мы отомитим, Вы слышите?
Мы станем насмерть вновь.

Анатолий Бондаревский

В конце февраля 1942 года части 39-й армии вели бои в полуокружении на границе Смоленской и Калининской областей. Это были тяжелейшие, трагические для армии дни.

262-я стрелковая дивизия сражалась возле деревень Пятницкое, Макарово, Крутики. Группа бойцов 2-го батальона 940-го стрелкового полка сдерживала натиск врага возле деревни Корытце-Полуденное. Командовал группой политрук Григорий Моисеенко, за предшествующие бои награжденный орденом Красной Звезды.

После неоднократных атак противника их осталось 19. Едва командир полка майор Асафьев успел сказать: «Держитесь до темноты», как связь оборвалась.

Моисеенко собрал бойцов. Все они — такие близкие его сердцу люди: бесстрашные пулеметчики Фадеев и Бездоля, командир взвода разведки, участник боев в Испании лейтенант Серый, совсем юные рядовой Канаев и лейтенант Коряцкий,

бывалые солдаты Кушниренко и Гаврилов. Каждому из них он доверял бесконечно, ведь вместе сражались на полях Подмосковья, вместе пережили тяжелейшие дни и ночи окружения.

Сказал просто, не напрягая голоса: «Будем драться до последнего. К вечеру должно подойти подкрепление».

...Это была психическая атака. Фашисты шли во весь рост, наглые и самоуверенные. Их было более сотни. Политрук видел их лица, но он чувствовал, какой непобедимой, яростной силой стоят на их пути его боевые друзья. И когда расстояние стало предельным, кратко скомандовал: «Огонь!».

«Огонь!» — повторил за ним лейтенант Серый, и все слилось в одном автоматном-пулеметном гуле. Вражеская цепь приостановилась, дрогнула.

Противник отступил назад к деревне Дворково. На белоснежном поле черными головешками приткнулись навсегда отвоевавшиеся немецкие солдаты. Бесславный конец нашли они в глубине России, возле маленькой ржевской деревушки.

Наступило затишье. Моисеенко приказал бойцам перейти на запасные позиции. Начался артобстрел, затем появились вражеские самолеты. До 15 бомбардировщиков четырежды заходили на круг и сбрасывали бомбы на горстку храбрецов. Одна из бомб взорвалась в нескольких метрах от политрука. Взрывной волной его откинуло к стенке траншеи. В момент передышки Моисеенко пересчитал оставшихся в строю, их было тринадцать. Сил оставалось мало. «Окружены с трех сторон, — с горечью подумал Моисеенко, — связи с полком нет, до сумерек еще далеко. Смерть неизбежна. Вот и итог всей жизни, всех 35-ти прожитых лет».

Совсем рядом, в нескольких десятках километров отсюда, за Осугой, его родная Смоленщина, Демидовский район, деревня Тюлики. В крайней бедноте прошло детство. Мать умерла, когда Грише было шесть лет. Был подпаском. Когда исполнилось двенадцать, отдали учеником к сапожнику. Образования имел три класса. Все изменилось, когда в 1929 году пошел служить. Взяли в кавалерию, затем послали в политическое училище.

Он знал, что на войну ушли и его старшие братья — Герасим и Демьян. Но никогда не узнает он, что Герасим в первые дни погиб где-то на Украине, а Демьян получит тяжелое увечье под Великими Луками и через много лет приедет в Пятницкое, на могилу брата Григория.

Еще в училище появились в Моисеенко одаренность, умение располагать к себе людей, выдержка и отвага. Но что мог он сказать сейчас, когда после налетов все вокруг покрывалось воронками, осколками снарядов и кровью?

Казалось, ничто живое не может уцелеть на этом маленьком клочке земли. До последней степени уставшие, с воспаленными глазами, в копоты и крови, они понимали, что наступает развязка, наступает их последний час.

Гитлеровцы теперь шли в атаку редкой цепью, стараясь обойти с двух сторон, окружить траншею, в которой залегли оставшиеся в живых бойцы. Враги полагали, что измотанным многочасовым боем, окруженным русским солдатам остается единственное — сдаться в плен. Но тут снова заговорил пулемет, раздавались автоматные очереди, в ход пошли гранаты. До полудня Моисеенко и его боевые друзья отбили три вражеские атаки. Моисеенко уже не знал, сколько осталось в живых. Корецкий занял место Серого, Гаврилов обложил себя винтовками.

Он хотел подползти к ним поближе, но вдруг почувствовал, что рукав его стал теплым от крови, и тут же увидел бегущих ему навстречу вдоль траншеи вражеских автоматчиков. И тогда Моисеенко, крикнул товарищам: «За Родину! Вперед!», — поднялся во весь рост, выскочил из траншеи, увлекая бойцов в атаку. Враги на мгновение в замешательстве остановились, но тут же автоматная очередь прошла сильное тело политрука, и он упал, хватая пальцами снег, который через несколько минут уже не таял в его руке.

Через два месяца, 5 мая 1942 года, за умелое руководство, величайшее мужество и героизм, проявленные в этом бою, Моисеенко Григорию Яковлевичу посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Подвиг девятнадцати под Ржевом сродни подвигу двадцати восьми под Москвой. Он вписан яркой страницей в историю битвы за Ржев.

Братская могила в деревне Пятницкое, где похоронены Моисеенко и его боевые друзья, стала святым местом для потомков.

Бессмертный батальон

В начале января 1942 года 1227-й полк 369-й дивизии сражался за деревни Немцово, Плотниково, Захарово, расположенные на территории Глебовского сельсовета.

Поздним вечером 14 января наши бойцы ворвались в школу, находившуюся между этими тремя пунктами. Захватили в плен около сорока пьяных немецких офицеров. Вывели их к церковной ограде и расстреляли.

Из Захарова немцы открыли по шоссе огонь. Прожженное зажигательными снарядами здание загорелось.

— Мы, — вспоминает житель Курганской области, комиссар батареи 1227-го полка старший лейтенант Д. И. Пережогин, — оказались как на ладони, освещенные пожаром. Немцы вели прицельный огонь. Командир батареи приказал перейти в церковь. Но через полчаса пожар возник уже в церкви. Мы расположились за оградой и в жестоком бою отбили несколько атак. С рассветом пожар в церкви стих. Перешли снова вовнутрь, туда же закатали пушки и завели лошадей. Трое суток вели бои, после чего наша батарея заняла огневую позицию в деревне, а в церкви остался стрелковый батальон старшего лейтенанта Капельмана.

С этого дня, с 18 января, начался беспримерный подвиг батальона. Окруженные со всех сторон превосходящими силами противника, засевшие в сельской церкви бойцы 6 дней и 6 ночей удерживали важнейшую для наших войск тактическую высоту и контролировали фронтную дорогу.

Их было 26. Всего 26 воинов легендарного батальона, имена которых нам до сих пор неизвестны. Узкие церковные окна они превратили в бойницы и амбразуры, повсюду выставили пулеметы. Своды небольшой, но прочно сложенной церквушки угрожающе сотрясались.

Фашисты в ярости расстреливали церковь в упор снарядами. Но как только обстрел затихал, и показывались цепи в темных шинелях, церковь сразу же огрызалась метким, безжалостным огнем.

Командовал батальоном красивый двадцатидвухлетний лейтенант Капельман. Фронтная судьба привела юношу из далекого Приморья к неизвестному дотолу верхневолжскому городу Ржеву. Мать Михаила — Татьяна Яковлевна — была учительницей. А отец — военный фельдшер Александр Капельман — с «боем брал Приморье», оплот белой армии, и погиб, когда ему тоже было 22 года.

В церкви было холоднее, чем на улице. Кончились боеприпасы, все скуднее становился фронтный паек. Лейтенант видел, как все труднее становится его солдатам, как один за другим выходят они из строя. А фашисты продолжали методичный обстрел, пока на шестые сутки церковь не превратилась в груды развалин.

Последний рукопашный бой был недолгим. Остались навечно лежать у своего бастиона все воины бессмертного батальона, повторившего в глубине России подвиг защитников Брестской крепости. Через несколько дней в дивизионной газете «На разгром врага» было напечатано стихотворение фронтного поэта Виктора Тарбеева «Батальон храбрецов»:

Не забудет страна,
Как под взрывы гранат,
По-геройски могуч и силен,
Сквозь метель и туман
Лейтенант Капельман
Вел на приступ села батальон.
...Шесть завьюженных дней,
Шесть бессонных ночей
Длится бой, только стены дрожат.
А у церкви в снегу
Ловит смерть палачей —
Двести вражеских трупов лежат.

О подвиге Капельмана и его товарищей нам стало известно лишь 33 года спустя благодаря неустанным поискам, которые вела учитель-краевед Маргарита Павловна Горская вместе со своими воспитанниками — учащимися 8-й, а затем 6-й средних школ. Десятки километров исходили они по дорогам Ржевского района, расспросили сотни жителей.

Белоствольные березы окружили братскую могилу в деревне Глебово. В день освобождения города и района, в день Победы к ее подножию всегда ложатся цветы.

На этой земле погибли лейтенант Капельман и его боевые друзья, имена которых пока еще в списках не значатся.

Он погиб подо Ржевом

И друзья по боям о нем песни поют,
И разводит баян баянист.
Он сражался в бою за Отчизну
свою,
Как и должен сражаться танкист.

А. ФАТЬЯНОВ

Под Ржевом на Волге до войны находилось местечко Клепенино, где в 1863 году родился известный русский ученый-геолог Герой Социалистического Труда академик В. А. Обручев.

Жестокие бои за эту деревню в начале февраля 1942 года вела 363-я стрелковая дивизия 30-й армии, переброшенной из-под Погорелого Городища. Перед армией была поставлена задача: прорвать оборону немцев, попытаться помочь частям 29-й армии вырваться из окружения.

Пехоте и танкам удалось ворваться на северную окраину деревни. Начались многодневные тяжелые бои. Немцы превратили Клепенино в мощный опорный узел.

Утром 4 февраля враг предпринял контратаку, которой предшествовал налет бомбардировщиков. В деревню ворвались немецкие танки и автоматчики. Три танка выскочили на северную окраину, где размещался командный пункт дивизии, на котором в это время были командир дивизии полковник К. В. Свиридов, военный комиссар дивизии Ф. П. Сухан, начальник политотдела А. А. Курапин и группа офицеров штаба.

Быстро оценив обстановку, комдив организовал оборону. Сухан добрался до одного из орудий и помог наводчику открыть огонь по танкам. Снаряд попал в башню первого танка.

Он замолк. Затем был подбит второй танк. Но был выведен из строя и весь наш орудийный расчет.

Бойцы перешли в контратаку и оттеснили вражеских автоматчиков к южной части Клепенино.

Бои за деревню продолжались еще два дня. Части 363-й дивизии, получившие пополнение из маршевых рот, перешли в решительную атаку. Противник вынужден был отойти к Волге, к деревням Лебзино и Ножкино. В боях за Клепенино принимала участие 21-я танковая бригада, в составе которой сражался экипаж Степана Горобца, тот самый экипаж, который 17 октября 1941 года совершил легендарный рейд по занятому фашистами городу Калинину, своей дерзостью и отвагой навел ужас на солдат и офицеров противника.

И вот теперь после небольшого ремонта эта боевая машина оказалась на ржевской земле. Здесь Степан Горобец 7 февраля 1942 года перед боем подал заявление в партию, в котором написал: «Хочу идти в бой членом коммунистической партии и драться с фашистскими ордами до конца. Если погибну в боях за Родину, считайте меня коммунистом».

«8 февраля, — вспоминает водитель-механик танка Почетный гражданин города Калинина Ф. И. Литовченко, — наш танк пошел в атаку. Была поставлена задача: занять высоту и выбить немцев из церкви, превращенной в опорный пункт».

Немцы полили высоту и снежные стены вокруг церкви водой. Все обледенело. Танк, ведя за собой пехоту, уничтожал одну огневую точку за другой. Подавил 12 минометных и 20 пулеметных точек, уничтожил до 15 блиндажей с фашистами и 3 орудия. Враги дрогнули и побежали, бросая оружие, по проторенной тропе к деревне Петелино.

Горобец приказал водителю обогнать убегающую пехоту и прижать ее к церкви. Танк утюжил их гусеницами, расстреливал в упор из пулемета.

Наша пехота заняла высоту и церковь. Но в этот момент танк Горобца был подбит. Командир получил смертельное ранение в грудь, тяжело были ранены башенный стрелок Николай Капелюшин, радист-пулеметчик Иван Пастушин, контужен водитель Федор Литовченко. Фашисты прошли танк еще четырьмя снарядами.

За этот бой 5 мая 1942 года Степану Христофоровичу Горобцу было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Он похоронен в братской могиле в деревне Братково Старицкого района.

...К утру 9 февраля мощный узел немецкой обороны у деревни Клепенино был взят. От деревни ничего не осталось. В боях за Клепенино погибли смертью храбрых комиссар 1207-го стрелкового полка Ф. И. Романенко, начальник штаба дивизии майор Я. Ф. Иевлев, сотни бойцов и командиров 363-й стрелковой дивизии.

Дивизия форсировала Волгу по льду и наступала затем на юг, где героически сражались части 29-й армии. Но, к сожалению, пробиться к окруженным не смогла.

Сражались уральцы

В январе 1942 года 379-я стрелковая дивизия, преследуя противника параллельно железнодорожной линии Москва — Ржев, вышла к важнейшему тактическому рубежу на реке Держа в районе Погорелого Городища.

Прорыв переднего края обороны осуществлял 1257-й полк под командованием майора Н. А. Филиппова.

2 февраля 1942 года командир полка получил приказ ввести усиленный батальон в тыл врага, чтобы отвлечь его внимание от наступления наших частей. Майор сам повел батальон. В первый же день батальон уничтожил до роты фашистов, подорвал склад с боеприпасами и остановился на ночь в небольшой рощице.

Пришедший в себя враг подтянул резервы, включая танки, и окружил батальон. С утра 3 февраля начался смертельный бой. Подступы к рощице были усеяны трупами фашистов.

Получив приказ о выводе отряда из тыла, Филиппов приказал комиссару его возглавить, а сам остался с теми, кто прикрывал отход. Батальон прорвал окружение, вышел к своим. Этим он обязан небольшому арьергарду во главе с Филипповым. . .

Майор оказался в окружении десятков фашистов. Они хотели взять его живым. Тяжело раненый, он метко разил врага, укрывшись за стволом дерева. Но вот опустела последняя обойма. С криками «хенде хох!» бросились враги на майора, но просчитались, была у него еще одна граната, и раздался взрыв.

Неподалеку в воронке от снаряда раненый радист передавал последнее сообщение в штаб дивизии.

«Заря! Заря! Я — «Рассвет». Я — «Рассвет». Майор Филиппов гранатой подорвал гитлеровцев и погиб! Бегут ко мне. Подрываю фашистов и себя гранатой...».

С болью и гордостью вспоминает бывший начальник штаба 1257-го полка М. Медников: «Майор Филиппов в мае 1942 года посмертно был награжден третьим орденом Красной Звезды».

В марте 1942 года 379-я стрелковая дивизия сражалась в составе 30-й армии западнее Ржева. Особо важными для противника были деревни Усово и высота 227,8, которые господствовали над местностью. Бои за Усово длились восемь дней.

К этой операции воины 379-й стрелковой дивизии готовились тщательно. К каждому танку тридцатьчетверке было прицепле-

но по трое саней, на которых разместились автоматчики, саперы, артиллеристы, связисты, разведчики, санитары.

Поземка и плотная мгла мешали немцам наблюдать за действиями наших войск. Ракеты врага плохо освещали местность, а подразделения десантников прикрывались дымовой завесой. Боевые машины с прицепами ворвались в деревню внезапно и стремительно. Первым спрыгнул с танка комиссар десанта старший политрук Иван Втехин и лично повел бойцов в атаку. Гитлеровцы бежали.

В последующие дни вплоть до конца марта противник не раз пытался вернуть Усово. Бросал в деревню авиацию и танки. Но уральцы не дрогнули. Каждый день рождал новых героев.

Под Усовым погибли командир 1253-го стрелкового полка майор Георгий Панин, комбат этого же полка Василий Николаевич Женихов. Незадолго до смерти отважный комбат пережил личную трагедию. В последних числах декабря он узнал, что рядом, в соседней дивизии, у деревни Колицино Старицкого района воюет его сын. Он решил повидаться с ним, но встреча не состоялась. Только на один день опоздал отец. В бою за Колицино его сын погиб.

Легендарным в 379-й дивизии было имя командира 1255-го стрелкового полка Алексея Алексеевича Минина. Он был кадровым офицером, отличался исключительной храбростью и отвагой. Его всегда можно было видеть там, где наносится главный удар по врагу. Солдаты его любили. Когда утомленные бойцы засыпали, Минин оставался на ногах.

В первый раз он был ранен в бою восточнее Зубцова. В мартовских боях 1942 года подразделения полка дрались за деревню Лыщево. Здесь Минин был вторично ранен, но продолжал руководить боем. Отсюда бойцы устремились на деревню Ванеево. Враг был разгромлен. Но Минин получил третье ранение, которое оказалось смертельным.

Через много лет приезжая сюда, осматривая еще не совсем заросшие блиндажи и траншеи, уральцы испытывают глубокое потрясение: здесь мужала их молодость, здесь похоронили они своих друзей-однополчан.

Ветеран Уральской 379-й Режицко-Валгинской, ордена Красного Знамени стрелковой дивизии капитан в отставке Евгений Михайлович Колотовкин, приехав летом 1969 года в деревню Усово, так описывает свои переживания:

«Трудно, невозможно передать словами, что может перечувствовать солдат, стоящий на поле брани через 27 лет. Здесь собственными руками закопаны навечно боевые товарищи,

здесь героически пали в бою старшие командиры и политработники нашего полка и дивизии, здесь, любя жизнь и презирая смерть, по приказу: «Коммунисты: вперед!», лучшие люди нашей дивизии шли на врага...

Как все изменилось, и как до боли знакомо. Вот здесь были траншеи 1-го стрелкового батальона 1255-го полка, а вот здесь — НП командира полка Минина, а чуть дальше, на подступах к деревне Усово, он руководил атакой и первым с криком «За Родину!» бросился на врага, но был тяжело ранен.

Вот на окраине бывшей деревни Лыщево стоит искалеченное войной дерево, а где-то около был захоронен лейтенант К. В. Ферапонтов. А вот рядом Черново, где врукопашную дрался с фашистами связист лейтенант Чупаков М. П. Вот здесь, на дороге между Лыщево и Насоново я был ранен осколком мины в ногу...

Под Москвой и Ржевом погибли все 3 командира стрелковых полков, офицеры и политработники штаба дивизии, не говоря о командирах стрелковых подразделений....».

Подвиг уральцев золотыми буквами должен быть вписан в летопись битвы за Ржев.

Бой местного значения

26 апреля 1942 года в сводке Совинформбюро сообщалось: «Вчера, 25 апреля, на фронтах существенных изменений не произошло. Велись бои местного значения. На одном из участков Калининского фронта противник сосредоточил силы и перешел в наступление. Наши войска в оборонительных боях нанесли противнику значительные потери».

...Этот оборонительный бой ветераны 1174-го полка 348-й дивизии не могут забыть и через десятки лет. Он остался в памяти прежде всего потому, что за всю войну, пройдя от Москвы до Эльбы, дивизия лишь однажды вынуждена была отступить. И это было в тот апрельский день под Ржевом.

Оборона дивизии проходила по левому притоку Волги — речке Кокше. Фашисты заминировали берег Кокши, поставили колючую проволоку в 3—4 ряда, врыли в землю танки, создали множество огневых точек. «В ночь на 25 апреля, — вспоминает бывший заместитель командира 1174-го полка, полковник в отставке А. Я. Кривошеков, — командир стрелкового батальона старший лейтенант Большаков доложил по телефону: «Мои слухачи!» слышат движение танков в тылу противника». Об этом вскоре сообщил и командир взвода разведки лейтенант Кукушкин, который находился со своим взводом в ночном поиске.

По приказу А. Я. Кривошекова все подразделения полка готовились к отражению возможной танковой атаки. На переднем крае было тихо, лишь изредка раздавались одиночные винтовочные выстрелы. Но в эту тишину никто не верил. Все с напряжением ожидали рассвета.

Артиллерийскую подготовку враг начал в 6 часов утра. Ходуном заходила земля. Все заволочло дымом, нарушилась телефонная связь. Когда дым рассеялся, десятки танков стали видны не только с переднего края, но и с наблюдательного пункта полка. Заговорила наша полковая артиллерия. Но танки двигались как заговоренные. Они прорвались на наш передний край. Только несколько машин подорвались на минах. Немецкой пехоте удалось ворваться в переднюю траншею и при поддержке танков потеснить остатки наших стрелковых подразделений сначала во вторую, а затем в третью траншею. Пехота противника вышла к Кокше.

На правом фланге в течение всего дня шел жестокий бой. Атаки врага были отбиты. Он потерял до 800 солдат и офицеров ранеными и убитыми. К вечеру противнику удалось выйти в тыл

опорного пункта у церкви села Кокош и окружить 3-ю стрелковую роту под командованием старшего лейтенанта Белякова.

Обреченные на смерть, бойцы дрались до последнего патрона, но все реже раздавались очереди ручных пулеметов и винтовочные выстрелы, вскоре замолчали и станковые. У командира полка не было резервов, чтобы прийти на помощь роте Белякова. К ночи вся рота погибла. Враг овладел высотой «220,5».

В этом бою было подбито и сожжено 12 немецких танков, половина из них приходилась на долю расчета 45-миллиметрового орудия, которым командовал сержант Сухарев. Смертью храбрых пали все бойцы расчета. С бутылкой горючей смеси бросился под танк раненый химинструктор, сержант Неустроев.

Погибла юный военврач, капитан медицинской службы Анна Алексеева. Ее сразил осколок вражеского снаряда на улице деревни Харламово. Прах Анны Алексеевой покоится в братской могиле в деревне Бахмутово.

Через неделю ночью наши бойцы пошли в контратаку. 50 воинов, вооружившись автоматами, гранатами и кинжалами, ворвались в окопы противника и уничтожили весь гарнизон.

К утру группа закрепилась на высоте.

Командир дивизии А. С. Люхтиков выделил дивизион артиллерии для поддержки. В течение наступившего дня противник более шести раз шел на высоту, оставляя на подступах к ней десятки трупов, но взять ее не смог.

Таков был жестокий бой в конце апреля 1942 года, который в сводке именовался спокойными словами «бои местного значения».

Судьба Космарихи

Май 1942 года выдался солнечным и теплым. Дружно зазеленели леса и луга, прикрыв неприглядные изъязы истерзаной земли. На десятки километров севернее и западнее Ржева растянулись траншеи.

Космариха — крошечная русская деревенька. Она стояла на самом возвышенном гребне среди приземистых холмов, на самой передовой вражеской позиции. Когда-то ее жители любовались сияющими огнями древнего Ржева. Судьба уготовила Космарихе тяжелые испытания. Космариха перестала быть деревней. Враги превратили ее в неодолимый опорный пункт.

Еще зимой, неоднократно переходя из руки в руки, деревушка была неумолимо осуждена на гибель. Почти все ее дома с округло вырванными кусками стен насквозь проглядывались даже с нашей стороны. Распаятая, но чудом сохранившая поныне полные очертания жилья, она смиренно продолжала стоять на своем холмике, готовая, казалось, к еще более жестоким испытаниям, терпеливо дожидаясь своего часа возмездия. И этот час настал.

Наступило заданное время, и артиллеристы 243-й стрелковой дивизии открыли огонь по притихшей к ночи вражеской обороне. Противник ответил вялым, беспорядочным огнем. Ночное небо засветилось мертвенно-бледным огнем осветительных залпов.

Немецкий гарнизон проявил боевую готовность. Ожили в Космарихе все дзоты в подвалах, пулеметные гнезда в огородах, батареи в укрытиях.

Космариха вспыхнула внезапно, как боевой сухой костер. Стрельба оттуда прекратилась. В зареве пожара заметался вражеский гарнизон. Черные фигуры пехотинцев выскакивали из подвалов горящих домов, падали, вскакивали и, бросаясь в ходы сообщения, убегали в ночь. Налетевшие порывы ветра поднимали языки оранжевого пламени. Одна за другой рушились крыши, задрав к небу пылающие балки. С оглушительным грохотом взрывались запасы боеприпасов.

Одинокий тополь стоял поодаль, воздев куцые ветки в черное небо. За догорающей Космарихой, в глубине вражеской обороны, заработали пулеметы.

Прошла неделя. На месте, которое когда-то называлось Космарихой, был холм, покрытый черным углем. Запах гари все еще заползал в наши траншеи. Уцелевшие печные трубы

скорбно тянули шеи ввысь, напоминая неотесанные надгробные камни. Одинокий тополь зазеленел, как мог, и резко выделялся на черной пустоте.

Немцы обновили здесь свои сооружения. Они вынесли их вперед за черту бывшей Космарихи и ограничились траншеями.

Утром 30 июля на Космариху наступал 1257-й полк 379-й дивизии. Главный удар наносил первый батальон, которым командовал старший лейтенант В. Л. Грабовский. Комиссаром был старший политрук Д. С. Огнев. Это был бесстрашный комиссар. Когда брали Космариху, он вместе с бойцами рвал проволочное заграждение, забрасывал противника гранатами, а батальон во главе с ним одним из первых ворвался в деревню. Когда тяжело раненый командир Грабовский выбыл из строя, Огнев принял командование. К 10 часам утра подразделения 1257-го полка под командованием А. П. Санникова штурмом овладели Космарихой.

В боях за Космариху бессмертный подвиг совершил политработник К. Н. Кориневский. Газета 30-й армии «Боевое знамя» так писала об этом: «Заместитель политрука Кориневский Константин Николаевич вел свое подразделение в атаку. Сильный пулеметный и минометный огонь заставил бойцов залечь. Кориневский заметил, что слева идет продвижение противника. Скрываясь во ржи, немцы двигались цепочкой, стремясь обойти наших бойцов. Недалеко стояла замаскированная противотанковая пушка, рядом высился дзот.

Не теряя времени, Кориневский вместе с лейтенантом Скибой пополз к дзоту. Гранаты полетели в противника. Немецкая пушка была разбита, обрушился и дзот. Кориневский отдал приказание Скибе поднять бойцов в атаку, а сам остался сдерживать немецкую группу, засевшую во ржи. Ни один его выстрел не пропал даром. Около 50 фашистов уничтожил он.

Патроны кончились. Константин Кориневский получил три ранения, но сознание не покидало его. А гитлеровцы подходили все ближе и ближе. Собрав последние силы, когда враги были уже совсем рядом, политрук взорвал в руках противотанковую гранату. Взрыв разметал окруживших фашистов. Политрук погиб смертью героя».

Вот такой ценой досталась нашим бойцам Космариха, деревня, которую наши солдаты прозвали «кошмарихой» и которой сейчас совсем нет на карте района.

Старицкое шоссе пересекает речку Бойню — левый приток Волги — в 9—10 километрах северо-восточнее Ржева. Тесно расположенные по обоим берегам реки деревни в августе 1942 года освобождала 274-я дивизия под командованием подполковника Василия Павловича Шульги.

Эта дивизия была переведена из состава 29-й армии в 30-ю в район деревни Дешевки накануне второго этапа летнего наступления на Ржев, когда главный удар по врагу наносился левым флангом армии в составе 6 дивизий и нескольких стрелковых и танковых бригад. 274-я должна была наступать совместно с 256-й танковой бригадой с рубежа Дубровка-Теленково вдоль Бойни.

Наступление началось 10 августа в 7 часов утра после более часовой артподготовки, во время которой полковая артиллерия вела огонь прямой наводкой.

Когда бойцы 961-го стрелкового полка и танки перешли в атаку, враг ответил сильным артиллерийским огнем. Вскоре появились вражеские штурмовики и бомбардировщики. Все дни наступления господствовавшая в небе немецкая авиация с утра до вечера с небольшими перерывами бомбила и обстреливала наши наступающие части.

На отдельных участках бойцы 961-го полка мелкими группами проникли в первую траншею немцев, захватили несколько огневых точек, но вынуждены были залечь под сильным артиллерийским и пулеметным огнем. Врагу удалось сорвать атаку наших танков, наступавших двумя эшелонами на левом фланге дивизии в направлении деревни Жеребцово. Во второй половине дня в командование 961-м полком временно вступил начальник штаба полка старший лейтенант А. Ф. Комиссаров, так как командир полка майор А. И. Сергеенко был контужен.

Сломить оборону врага удалось только через сутки, когда в бой вступили 963-й и 965-й полки. Были освобождены деревни Дубровка, Харино, Теленково.

Бои не затихали ни днем, ни ночью. 12 августа взяли деревни Гузынино и Жеребцово.

В ночь на 13 августа ворвались в деревню Грибеево и Маламахово и перерезали железную дорогу Ржев — Торжок. В ожесточенных боях 13 и 14 августа дивизия овладела деревнями Старцево и Дыбалово на левом берегу, Находово, Кошелево и Пудово на правом берегу Бойни и вышла к Демкину и Зеленичену.

От деревни Демкино до Волги оставалось всего несколько километров. Опасаясь быть сброшенным в Волгу, враг усилил сопротивление. Четыре дня — с 15 по 18 августа — у Демкина шли кровопролитные, смертельные бои. На атаки наших подразделений враг отвечал бешеными контратаками. Погиб командир батальона 965-го полка капитан И. С. Конарев.

Во время ночного боя за Демкино несколько десятков мирных жителей пытались прорваться из деревни Мосягино к наступающим частям Красной Армии. В эту деревню немцы согнали для отправки в Германию несколько сотен жителей окрестных деревень. В ночь на 19 августа часть узников, перейдя Бойню, ползком пробиралась по оврагу от Мосягинской церкви в сторону деревни Воробьево. Заметив их, фашисты открыли убийственный огонь. Наши бойцы видели, как вражеские мины ложились среди женщин и детей. Доносились крики и стоны. Когда бойцы ворвались в лошину, то перед их глазами предстала страшная картина. Вперемежку лежали десятки убитых и раненых. Женщины оплакивали своих детей. Рядом с трупом молодой женщины — двое грудных детей. Один ребенок был еще жив. Это была жена красноармейца Анна Яковлева с двумя четырехмесячными детьми. Вскоре умер и второй ребенок. Здесь погибли Г. С. Ефимов, 37-ми лет, жена красноармейца А. И. Купарева с семилетним сыном Сергеем, жена красноармейца Н. И. Воробьева, у которой осталось четверо маленьких детей.

Уже в те дни враг получил суровое возмездие. Неподалеку от Зеленичено в заросшем овраге сосредоточилось не менее батальона гитлеровцев. Когда этот батальон был обнаружен, были приняты меры к его уничтожению. Массированным огнем артиллерии, «катюш» и налетом штурмовиков «ИЛ-2» батальон был уничтожен. Во время артобстрела была сбита колокольня и разрушена Мосягинская церковь. Под обломками колокольни были погребены немецкие наблюдатели, корректировавшие огонь своей батареей.

19 августа бойцы 961-го полка взяли деревню Демкино. Об отдельных эпизодах боя за эту деревню рассказал ветеран 274-й дивизии рядовой Иван Побережный.

Первыми в деревню ворвались рота автоматчиков и полковая разведка под командованием лейтенанта Лещенко. Впереди бежал молоденький сержант, недавний московский школьник Сергей Вахмянин. В первой цепи бежал и боец с Украины И. П. Побережный. Не успели наши войска закрепиться в деревне, как враг перешел в контратаку.

Ветеран 961-го стрелкового полка
274-й стрелковой дивизии И. П. Побережный.

Пришлось отступать. Но Вахмянина среди бойцов не оказалось. И вдруг на одном из дальних огородов раздались очереди советского автомата. Немцы, не ожившие удара в спину, растерялись. Из картофельной ботвы поднялся Сергей Вахмянин и под огнем немцев побежал к своим. Его товарищи затаили дыхание. Когда он вскочил в окоп, вся шинель была прострелена пулями, но ни одна не задела тела. Сергей рассказал, что, вбежав в деревню, он вошел в один из блиндажей, где прятались местные жители. Но тут же началась контратака немцев. Он бросился в огород, лег в картофельную борозду, и, притворившись мертвым, раскинул в стороны руки. Немцы пробежали мимо, а он через некоторое время дал несколько очередей по врагу в спину и рискнул бежать к своим. На этот раз ему повезло.

Через несколько часов Демкино снова было занято, теперь уже навсегда. Стрелковые подразделения 139-й дивизии выбили врага из соседней деревни Зеленичено. Побережный дал очередь из автомата, одного немца уложил, остальные

бросились в окоп, но тут в окоп попала немецкая бомба и помогла уложить остальных. Три немецких самолета делали второй заход. Побережный успел вскочить в какой-то блиндаж, с ним вскочили еще два незнакомых ему бойца. Один из них русский, другой — узбек. Когда самолеты стали сбрасывать бомбы, узбек выглянул из блиндажа, в это время разорвалась бомба, и ему волной снесло голову... Когда самолеты пошли на третий заход, Побережный выскочил из блиндажа, бросился к Бойне и упал на берегу, бомба угодила в реку и волной его сбросило в воду.

За деревней Демкино бой продолжался. Побережный, догонявший свое отделение, заметил во ржи вражеского автоматчика. Тот лежал без движения. Иван сделал к нему быстрый прыжок, отбросил ногой автомат и скомандовал: «Руки вверх!». Но солдат лежал и молча смотрел на советского бойца. Затем он сказал по-польски, что встать не может, так как ранен. Побережный позвал молодого бойца Николая Калинина, попросил отвести пленного в штаб полка, а сам снова побежал догонять наступающих.

Велика была радость жителей освобожденных деревень, которые почти год были в оккупации. В те дни дивизионная

Жители освобожденной ржевской деревни приветствуют красноармейцев.

газета опубликовала написанный колхозниками И. С. Завульским, П. И. Свиридовым, Н. Г. Завольной и другими обвиняющий фашизм потрясающей силы документ:

«Трудно описать то, что гитлеровцы делали с нами. Когда они ворвались в наше село, то прежде всего начисто нас ограбили. При сопротивлении избивали розгами и даже расстреливали... Когда пришли гитлеровцы, в нашем селе было 9 стариков, 40 женщин и 25 детей. Теперь осталось 2 старца, 9 женщин и 11 детей. Многие расстреляны за отказ ехать на каторгу в Германию. Еще хуже относились немцы к пленным красноармейцам. В соседнем лагере для военнопленных немцы пытками, голодом и непосильным трудом довели красноармейцев до того, что за 3 месяца из 400 живых осталось только 17».

В деревне Воробьево из 30 домов остался один. Многих фашисты угнали в Германию. На глазах троих детей повесили Анну Алексеевну Воробьеву. Повесили только за то, что она спасла раненого красноармейца.

На митинге, организованном инструктором политотдела капитаном Тарасовым и комиссаром батальона капитаном Апыхтиным, колхозница Степанида Ефимова рассказывала о гибели Анны Воробьевой: «Если бы видели, как плакали и кричали ее детки, которых немцы закрыли в хате, а напротив вешали их мать... А потом через три дня велели похоронить ее за полкилометра от села. Муж ее Егор Филиппович в Красной Армии, вчера прислал письмо и пишет, что где-то около Ржева и днями будет дома. Но ведь он не знает, что Аннушки нет в живых».

Через несколько дней в освобожденную деревню пришел старший сержант Егор Воробьев. Еще не дошел он до своего огорода, где в блиндаже жили его дети, как встретившие его односельчане поведали ему о трагической гибели жены...

Со слезами на глазах обнимал Егор Воробьев своих детей, провожая их в детский дом, и в присутствии односельчан поклялся, что за мученическую смерть жены, за гибель наших людей он будет беспощадно мстить фашистам...

274-я дивизия, с ходу освободив деревни Юшнево, Мосягино и Клешнево, продвигалась к Волге. Видны были окраины Ржева. До Волги оставалось несколько километров и два дня кровопролитных боев. Не всем было суждено пройти эти километры. Иван Побережный дошел. В оборонительных боях на левом берегу Волги осенью 1942 года он потерял руку.

Два ордена танкиста Ештокина

В битве не состарится,
Не умрет герой,
Кто за Ржев и Старицу
Бился с немчурой.

В. ТАРБЕЕВ, сентябрь 1942 г.

В августовских боях 1942-го года под Ржевом двумя орденами Красного Знамени был награжден танкист Григорий Петрович Ештокин. По тем временам это было величайшей редкостью.

Свой первый орден Ештокин получил за бой 2 августа у деревни Бельково. Это был четвертый день наступательных боев за Ржев. 236-я танковая бригада, приданная 220-й стрелковой дивизии, с 30 июля вела бои за овладение деревнями Свиныно, Бельково, Харино. Из-за проливного дождя в первый день наступления танки с пехотинцами-десанниками на броне подошли к рубежу с запозданием и застряли в ручье перед Бельково. Они становились неподвижными целями для артиллерии противника.

Впоследствии Ештокин вспоминал: «К танку подбежал посыльный, вызывая командиров рот и взводов к командиру дивизии. Я выбрался из машины и направился к холму, за которым находился командир дивизии. На поле боя рвались снаряды и мины, свистели пули. У одного оторвало нижнюю челюсть. Кровь била фонтаном. Вид ужасный. Я был оглушен,

не верилось, что жив. Позже обнаружил дырку в шинели от осколка мины.

Командир дивизии С. Г. Поплавский встретил нас в состоянии крайнего возбуждения. Повторил приказ: «Атаковать деревню». Механик-водитель Боцман прежде чем двигаться вперед, с моего разрешения решил протереть стекла смотровых щелей. Только он открыл люк, как перед танком взорвалась мина. Осколок попал в пах Боцмана, отчего он сразу упал, глухо застонав. На его место сел заряжающий, однако сдвинуть танк не сумел. Тогда за рычаги сел стрелок-радист А. Нефедов, как после стало известно, до войны водивший все гусеничные машины, кроме танков».

Машины двинулись вперед. Но ручей сумел преодолеть только один танк, возглавляемый лейтенантом А. М. Таюповым. Вскоре и он был подбит. Из всего экипажа уцелел лишь командир. Фашисты с гиканьем бросились к неподвижному танку. Оттуда застрочил пулемет. «Когда вышел последний диск, — говорилось в политдонесении военкома танковой бригады в штаб 30-й армии, — Таюпов выскочил из танка. Оставшаяся в живых группа фашистов пыталась захватить Таюпова в плен, но он из нагана расстрелял в упор передних, схватил лом и, отбиваясь от остальных наседавших фашистов, вырвался из окружения и был подобран другим танком».

Дважды в этот день стрелковые подразделения 220-й дивизии атаковали без поддержки танков деревни Бельково и Свиньино. Понесли большие бесполезные потери. Оборону врага прорвать не смогли.

Бои 31 июля и 1 августа, несмотря на беспредельный героизм и самопожертвование наших воинов, не дали желаемого результата. Восточная окраина Белькова несколько раз переходила из рук в руки. Взять деревню никак не удавалось.

Днем 2 августа после залпа «катюш» на поддержку пехоте двинулось 8 танков, но 7 машин застряли в поле перед Бельковым и вели огонь по деревне с места. Только один танк, возглавляемый командиром взвода лейтенантом Ештокиным, сумел ворваться в Бельково. Об этом героическом прорыве рассказывают документы и воспоминания самого Ештокина.

В наградном листе, который почти полностью повторяет изложение подвига в политдонесении военкома танковой бригады в штаб 30-й армии, говорится: «Товарищ Ештокин три раза водил свой танк в атаку на деревню Бельково, в которой уничтожил три дзота противника. В последней атаке 2 августа

вражеский снаряд заклинил башню, огонь из пушки вести стало невозможно. Ештокин не оставил танк и продолжал расстреливать врага из пулемета. От танка не ушел, и на третий день вывел его из-под носа немцев».

Ештокин пишет, что 2 августа танки вышли на исходную позицию в километре от Бельково. Его экипаж находился в машине, так как во время дождей это было самое сухое место. Танкисты по радию слушали московское радио. Лемешев пел: «Куда, куда Вы удалились...» Передали приказ: атаковать Бельково.

«Во время атаки, — вспоминает Григорий Петрович, — я видел несколько горящих танков нашей бригады. Мой танк несколько раз содрогался и останавливался от ударов немецких снарядов. Под огнем противника ворвались в Бельково. Двигаясь по деревне, изрытой траншеями и ходами сообщений, я отыскивал цели: дзоты, блиндажи, землянки, группы немцев, и бил по ним. Вдруг загорелся мотор поворота башни, я совершенно механически накрыл его шлемом. К пороховому дыму прибавился запах горелой резины. Оказалось — башня и пушка заклинены. Танк из грозного оружия превратился в большую мишень для врага, но был на ходу, имел пулеметы и броню. А это немало.

В перископ я посмотрел вокруг. В деревне ни одного нашего танка, ни одного бойца, а совсем близко немцы с зажженными факелами. В одно мгновение я сделался совершенно мокрым, как будто меня опустили в воду... Во избежание паники я не сказал экипажу об увиденном, а механику-водителю дал команду: «Кругом!». Из деревни вышли благополучно, но метров через триста танк попал в трясину. Сел днищем на грунт, а гусеницы только перемешивали грязь.

В это время три немецких самолета сбросили свой смертоносный груз. Самолеты пикировали с воем сирен, что сильно давило на психику. Бомбы рвались то вперед, то сзади, то по сторонам от танка. Самолеты отбомбились, и мы остались «на попечении» немецких снайперов».

В течение трех дней, а точнее ночей, так как днем выйти из танка невозможно, экипаж Ештокина откапывал землю из-под днища. На рассвете 5 августа, стараясь не навлечь на себя огонь своих батарей, танк вернулся к своим позициям.

Танк Ештокина был подбит 6 августа при очередной атаке на Бельково. Он глубоко погрузился в грязную жижу. Опытный экипаж уже почти выбрал землю из-под днища танка, и в этот момент Ештокин увидел, что вдоль ближайшей траншеи немцы

каты замаскированную под кустарник пушку. Один за другим раздалось два выстрела. Первым выстрелом была сбита крышка люка механика, а второй снаряд попал в люк танка. Под ногами бойцов зашипел порох пробитых снарядов. Танкисты пуль вылетели из машины, отползли на 30—40 метров. Из танка повалил черный дым, затем раздалось несколько взрывов.

Ко второй награде Ештокин был представлен за героизм, проявленный при освобождении деревни Марьино. Эту деревню уже неоднократно, но безуспешно атаковали наши стрелковые части.

25 августа 1942 года газета Калининского фронта «Вперед на врага» в заметке «Подвиг танкиста Ештокина» писала: «Мужественно сражаются танкисты. Экипаж лейтенанта Ештокина первым ворвался на своей машине в сильно укрепленный пункт противника и уничтожил 15 дзотов, 2 противотанковых орудия, 30 гитлеровцев. Штурмовой удар одного танка был настолько мощным, что основательно расстроил оборону врага. Подошедшие пехотинцы не дали немцам опомниться и выбили их из деревни. Противник, удирая, бросил 4 противотанковых орудия, 2 автомашины с боеприпасами, свыше 30 автоматов и другое военное имущество».

Этот бой экипаж Ештокина провел на единственном в бригаде исправном танке командира бригады подполковника Чупрова. После взятия Бельково бригада несколько раз неудачно атаковала деревню Зеленичено, а затем атаки были перенесены на деревню Марьино, господствующую над всей окружающей местностью. К 18 августа все наши танки были потеряны, вышли из строя. Ештокин вернулся на исходные позиции уже на последней, задымившейся машине.

Перед атакой на Марьино Ештокин послал заряжающего сержанта Шота Первошовили разведать заболоченную местность справа от деревни, откуда враг не ждал атаки, считая местность непроходимой, и не заминировал ее. Ештокин принял решение: идти на деревню во время артподготовки, решив, что вероятность случайного попадания нашего снаряда в танк гораздо меньше, чем прицельная стрельба по танку из пушек врага.

Танк ринулся в атаку. Сразу же удалось подбить противотанковую пушку. Расчет обратился в бегство. Затем была уничтожена вторая пушка, установленная в сарае на краю деревни.

К танкистам подсел пехотинец, младший сержант Нестеров. Он через приоткрытый верхний люк указывал Ештокину цели. Танк прошел через всю деревню. Из боеприпасов остались только бронебойные снаряды. Около 60 осколочных снарядов были расстреляны за несколько минут атаки.

Фашисты в панике бежали. Одновременно они оставили и Зеленичено. Дерзкая атака Ештокина превзошла все ожидания. Весь экипаж был представлен к награде, командир — ко второму ордену Красного Знамени.

Сокрушительный залп

Мы очень молодые люди,
Но здесь, на огненном ветру,
Не знаем,
Будем иль не будем
Во взводных списках поутру.

Кого-то
Вычеркнет не слышно
Вот этот хмурый день войны.
А ведь никто из нас не лишний,
Мы все любимы и нужны...

Б. ШАХОВСКИЙ

Реактивные гвардейские минометы. С этим грозным оружием под Ржевом впервые познакомились не только враги, но и большинство наших бойцов и командиров. Артиллерийская подготовка перед наступлением 30 июля 1942 года завершилась залпом всех гвардейских минометов, сосредоточенных в полосе 30-й армии. Это были мощные реактивные установки с калибром реактивных снарядов 310 и 132 мм, прозванные бойцами «андрюшами» и «катюшами».

В 30-й армии были сосредоточены два гвардейских минометных полка и 12 отдельных минометных дивизионов. Каждый залп одного дивизиона БМ-30 составлял 192 реактивных снаряда весом 99 килограммов.

Воспоминания об этой мощи на всю жизнь остались в памяти ветерана И. Каменцева. Он впервые наблюдал за стрельбой тяжелыми реактивными снарядами во время штурма ржевских деревень Коровино, Починки, Карамлино. «Мы ждали, — пишет он, — залпа в первое утро штурмана, но в тот день его не последовало. Готовились к отражению ожидавшейся на утро контратаки, а утром враг поднял в воздух авиацию — его обычный прием перед атакой. И тут мы вдруг услышали, как заурчали, заскрежетали наши «андрюши» и, окутавшись тучами дыма, взмыли вверх, оставляя за собой огненные хвосты.

Зрелище было страшное. Некоторые снаряды летели навстречу вражеским самолетам прямо в горящей упаковке. Беспорядочно сбросив бомбы над своими позициями, самолеты рассеялись и ушли обратно. Мы аплодировали нашим «андрюшам». Позднее от пленных немцев узнали, что тогда им казалось, что русские стреляют амбарами».

Местность к северу от Ржева ровная, открытая, просматривалась противником на несколько километров. И если залп реактивных установок задерживался и становилось светло, противник начинал вести интенсивный обстрел обнаруженной огневой позиции. Минометчикам приходилось ввинчивать взрыватели в снаряды под вражеским обстрелом.

«Однажды, — вспоминает бывший командир батареи 87-го отдельного гвардейского минометного дивизиона В. А. Дегтярев, — время залпа было перенесено на один час. Огневую позицию обнаружил самолет-разведчик противника. Через несколько минут налетели девять «юнкерсов». Личный состав спрятался в укрытие, но до залпа оставались минуты, а взрыватели еще не были ввернуты. Тогда заряжающий — москвич, комсомолец Островский взял ящик со взрывателями и под осколками рвущихся бомб стал ввинчивать взрыватели. Вслед за ним и другие бойцы вернулись к установкам.

Дегтярев и его батарейцы храбро сражались под Ржевом. Командир был награжден орденом Красной Звезды. Сокрушительные залпы по врагу посылали его боевые друзья: заместитель командира батареи лейтенант Арефьев, электрики батареи старший лейтенант Кочетков и лейтенант Людин.

Анатолию Ивановичу Людину летом 42-го было 19 лет. Под Ржев он прибыл сразу после окончания Ленинградского военно-инженерного училища. Первый бой принял под деревней Космариха. Той самой Космарихой, которая, по словам Бориса Полевого, вполне может быть названа «кошмарихой», настолько тяжелые и страшные здесь были бои.

После боя он писал матери и младшему брату: «Здравствуйте, дорогие родные, мама и брат Саша. Посылаю вам командирский привет. Сообщаю, что нахожусь на Калининском фронте с 22 июля. Мама, в этом письме я вам сообщаю свой адрес. Получили ли вы денежный аттестат? В другом письме я вам послал маленькую фотокарточку. Мама, может быть, есть известие от папы, то напишите, где он находится. В настоящее время я живу хорошо. Был один раз в бою. Мы показали ему, что значит советская техника! Будьте уверены, что врага мы разобьем и снова заживем все вместе счастливой жизнью.

Пишите скорее ответ. Жду с нетерпением. 3 августа 1942 года. Анатолий Людин».

Честно, грамотно и мужественно воевал лейтенант Людин. В начале сентября его мать дрожащими руками развернула солдатский треугольник, на котором адрес был написан чужим почерком и, волнуясь, прочитала: «Здравствуйте, дорогая Ксения Еремеевна! Ваш сын Людин Анатолий Иванович находится на фронте и служит у нас в гвардейской батарее. Он один из лучших бойцов подразделения... За доблесть и мужество, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, представлен к правительственной награде. Спасибо Вам, дорогая мать, что Вы сумели так воспитать сына и в трудный, опасный для Родины час послали его защищать ее.... Уничтожим мы захватчиков, и с победой вернем Вам родного и любимого сына. Комиссар батареи, гвардии политрук Кочетков».

Фронт для А. И. Людина длился всего 2 месяца. Утром 21 сентября враг обрушил на обнаруженные им позиции минометчиков ураганный огонь. снарядами и осколками были перебиты электрические кабели. И когда поступил приказ открыть огонь, пришлось под огнем подползать к каждой mine и подключать провод к электровзрывателю. Задачу эту минометчик Людин выполнил, но ценой тяжелого ранения. В госпитале ему ампутировали ногу. Так и вернулся домой к своей матери Ксении Еремеевне девятнадцатилетний лейтенант, в памяти которого на всю жизнь осталось ржевское поле и смертоносный залп реактивного миномета.

Комиссар

Батальонного комиссара Григория Охапкина война застала на границе с Восточной Пруссией. 105-й погранотряд подвергся нападению фашистов в первый час, в первые минуты войны.

Жена комиссара с двумя детьми вырвалась из горящего дома через окно. Он даже не мог проститься с ними. Все вокруг горело. Мужественные пограничники отбивали атаку за атакой, а полчища фашистских головорезов все лезли и лезли. Во время короткой передышки Охапкин прибежал к своему дому. Рядом с пепелищем и бомбовыми воронками он нашел только детскую гармошку своего сына. Вместе с балтийскими моряками погранотряд прорвал кольцо вражеского окружения у Либавы. В живых от погранотряда остались единицы.

Дальнейшая судьба Охапкина связана с Калининским фронтом, с боями на ржевской земле.

«Я видел, как ему было тяжело, — вспоминает однополчанин Охапкина С. Лихачев, — он все время носил с собой детскую гармошку, купленную для сына за день до начала войны. Иногда доставал ее из вещмешка, держал в ладонях и, отвернувшись, убирал обратно».

Охапкин воевал в 940-м полку 262-й стрелковой дивизии 39-й армии. В феврале 1942 года дивизия была в окружении и полк принял смертельный бой возле ржевских деревень Корытце-Полуденное, Дворково, Макарово. В одном из боев 26 февраля погиб политрук полка Григорий Моисеенко, удостоенный затем звания Героя Советского Союза.

Летом 262-я дивизия вновь оказалась в окружении, теперь уже на территории соседней Смоленской области. 2 июля командиру 940-го полка В. Н. Иванову и комиссару Г. М. Охапкину был дан приказ: полк должен прикрыть с тыла основные силы дивизии, идущие на прорыв вражеского кольца, а потом пробиваться своими силами через болота.

...Танки и пехота врага давили с тыла и с флангов. С воздуха наседали авиация. До десяти вражеских атак, переходящих в рукопашные схватки, отбил 940-й полк.

Ценой невероятных усилий основная задача была выполнена. Более 10 тысяч воинов с оружием и снарядами вырвались из вражеского кольца. Однако попытка оставшихся для прикрытия пробиться через болота в районе города Белый была неудачной.

Тогда было решено: зарыть в землю полковое имущество и документы, разделить силы на две группы, чтобы легче было

маневрировать. Одну возглавил командир полка, вторую — комиссар.

В группе комиссара осталось всего 17 красноармейцев, в основном автоматчики. Они от деревни Егорьево через Большое Малявино и Хлебники с боями двинулись к железнодорожной станции Чертолино Ржевского района, надеясь прорваться в этом месте. Фашисты пошли на хитрость. На просеку послали полицейских, переодетых в красноармейскую форму. Под видом окруженцев пускали их в лес.

В середине июля возле Чертолино красноармейцы во главе с Охапкиным приняли последний бой. Путь для отхода не было. Бились насмерть. . .

Командир роты автоматчиков старший лейтенант М. И. Родионовский докладывал позже командиру полка Иванову, что на опушке леса в районе Чертолино они нашли труп комиссара. Он был изуродован и изрешечен пулями в грудь и в спину. На нем не было снаряжения, пилотки и сапог. Рядом с трупом валялись гильзы от пистолета и планшет с письмами от жены и братьев Михаила и Ивана. Чуть подальше в траве лежала разбитая детская гармошка.

Охапкина похоронили на месте вывернутого с корнями дерева, покрыли шинелью и хвойными ветками.

О героической смерти комиссара некому было тогда донести на большую землю. Так он и значился в списках без вести пропавших.

Майор Иванов был тяжело ранен и попал в плен. В плену оказался и старший лейтенант Родионовский.

Долгие годы потребовались капитану Лихачеву, чтобы после войны найти жену и сыновей комиссара — морского офицера Арнольда Григорьевича и ученого-исследователя Александра Григорьевича. Они ничего не знали о судьбе отца. Лихачев начал поиски однополчан.

В 1965 году из Сестрорецка дал знать о себе бывший командир полка В. Н. Иванов, а через год в городе Унже Костромской области отыскался бывший командир роты автоматчиков М. И. Родионовский. И тогда была воссоздана полная картина величайшего подвига сына вятского крестьянина, комсомольского вожака города Нижняя Тура, лидера Свердловского обкома комсомола, комиссара-пограничника Григория Максимовича Охапкина.

По примеру старшего брата

В конце августа-сентябре 1942 года ожесточенные бои начались в городских кварталах, на улицах Ржева. Героем одного из них стал младший брат легендарного летчика Николая Гастелло — Виктор Францевич Гастелло.

Под Ржев в 220-ю стрелковую дивизию лейтенант Гастелло прибыл в начале августа 42-го года, когда здесь только начались кровопролитные наступательные бои за город. Командир 673-го стрелкового полка майор Н. И. Глухов быстро оценил его профессиональные и человеческие качества: деловитость, спокойствие, душевность, уверенность. Молодому офицеру было доверено командование батальоном.

На пути к Ржеву батальон овладел деревней Дыбало, расположенной на высоком берегу реки Бойни. В ней уцелели четыре дома. Со слезами на глазах встретила и приютила бойцов колхозница Евдокия Владимировна Арсеньева. От Дыбалова было рукой подать до Ржева и через несколько дней батальон был уже на окраинных кварталах города.

Бои на улицах Ржева в сентябре 42-го, как и в Сталинграде, шли за каждый дом. Атаки сменялись контратаками. Презирая смерть, Гастелло увлекал за собой бойцов. Будучи ранен, забросал фашистов гранатами. Вместе с Гастелло отважно действовал батальонный комиссар В. К. Копяев. Оба были представлены к награде.

Бойцы батальона овладели 19-м кварталом и ворвались в 24-й. Гастелло вел бойцов смело, решительно, сочетая огонь и маневр, используя развалины сожженного квартала.

Гитлеровцы отчаянно сопротивлялись. Малейшее продвижение достигалось ценой огромных потерь. Бои на улицах приняли затяжной характер. Не могли продвинуться и штурмовые группы соседних 215-й и 369-дивизии.

24 сентября стоял чудесный день золотой осени. На передовой велась обычная перестрелка. Батальон в который раз готовился штурмовать 24-й квартал. Открыла огонь артиллерия. Отлично корректировал огонь своей батареей лейтенант М. Н. Поддубный, устроившийся с биноклем и кодированной картой в бетонной башне. Пошли вперед стрелки. Противник обрушил на наступающих сотни снарядов и мин, налетели «юнкерсы», все смешалось, как в крошечном аду.

Редели ряды батальона, продвижение наших бойцов остановилось. Но по радиации командир полка майор Н. И. Глухов

повторил приказ: «Наступить и любой ценой овладеть кварталом». Через несколько минут Гастелло вывел на исходный рубеж оставшихся в живых бойцов. В основном это были молодые ребята, только что прибывшие на фронт из пополнения.

Гастелло поднял бойцов в атаку, пробежал несколько шагов, и был сражен пулей вражеского снайпера. Командование батальоном принял старший лейтенант Н. В. Малышев. Атака была настолько стремительной, что враги не выдержали и побежали. Пали бастионы 24-го квартала, ворвались в 32-й.

В семье участника революции 1905 года, рабочего-лейщика Московско-Казанской железной дороги Франца Павловича Гастелло было два сына — Николай и Виктор. Семья жила на Красной Пресне. Они были замечательными представителями своего времени, нового поколения советских людей, чье взросление шло в 30-е годы, с жадностью постигали науки, увлекались авиацией, спортом, много читали, спорили, мечтали о будущем. Оба брата ушли на войну. Имена обоих навечно врезаны в гранит и металл. Но прочней — людская память. В октябре 1960 года министр обороны СССР, маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский писал матери героев: «Дорогая Анастасия Семеновна! По случаю Вашего семидесятилетия разрешите сердечно поздравить Вас и передать горячий привет и пожелания доброго здоровья. В Советском Союзе и за его пределами знают Вас, Анастасия Семеновна, как замечательную русскую женщину — мать, воспитавшую двух сыновей — славных патриотов социалистической Родины Николая и Виктора Гастелло, павших смертью храбрых в боях против фашистских захватчиков».

По просьбе жителей деревни Дыбалово Виктора Гастелло похоронили на высоком берегу Бойни. Но затем останки героя были перенесены к обелиску, воздвигнутому в 1959 году освободителям Ржева при впадении Сишки в Волгу. На могиле В. Ф. Гастелло отлитая мемориальная плита: «Лейтенант Гастелло Виктор Францевич, 1917—1942, погиб в боях за освобождение города Ржева».

9 мая 1985 года мы стояли у этой могилы вместе с сыном Виктора Гастелло, военнослужащим из Москвы Львом Викторовичем Гастелло. Он не помнит живым своего отца. Когда на улицах Ржева погиб отважный комбат, его сыну было всего два года. Каждый год приезжает полковник — сын на могилу отца-лейтенанта. Глубокое волнение, святая гордость наполняют сердце сына.

Неумолчно шумят над курганом березы.

Свыше 300 экипажей советских летчиков повторили подвиг Героя Советского Союза Николая Гастелло, совершившего первый таран, направившего свой пылающий бомбардировщик на скопление вражеской техники.

Примеру Виктора Гастелло последовали сотни тысяч советских воинов.

Комдив в танке

Мы измеряли в том бою
Одной единой мерой
Любовь и ненависть свою,
В святое дело веру.
Нейтралки вздыбленную жуть
Мы очень бы хотели
Одним броском перемахнуть,
Но силы на пределе.

В. ЧУДАКОВА
(183 с. д.)

Десять дней, с 30 июля по 8 августа, 220-я стрелковая дивизия под командованием полковника С. Г. Поплавского с приданными ей стрелковой и танковой бригадами безуспешно штурмовала сильно укрепленные опорные пункты врага — Бельково, Свиныно, Харино. При атаках на эти деревни необходимо было преодолеть низкую, поросшую кустарником местность, которая после сильных дождей превратилась в труднопроходимую трясику. В ежедневных неоднократных атаках наши части несли огромные потери. Бои принимали затяжной характер. Неоднократно танки и небольшие стрелковые подразделения, прорвав первую траншею врага, врываются в Бельково, но развить успеха, овладеть всей деревней не могли.

9 августа атаку возглавил сам командир дивизии, полковник Станислав Гилярович Поплавский.

Генерал армии С. Г. Поплавский об этом эпизоде вспоминает так: «Меня вызвал к телефону командующий войсками фронта И. С. Конев, находившийся на КП 30-й армии.

«Почему не используете приданную Вам танковую бригаду?» — спросил он. «Почти все танки застряли в болотах», — ответил я. «Так вытаскивайте их и сами ведите в атаку, а за ними подтянете пехоту».

К повторной атаке удалось подготовить только четыре машины. Выполняя приказ командующего в буквальном смысле, я сел в ведущий танк, приказав командиру 673-го стрелкового полка подполковнику Максиму двигать свои батальоны за нами и броском овладеть Бельковым, после чего должны были перейти в наступление два других полка».

Танки не имели возможности маневрировать в условиях болотистой местности, но головной танк с Поплавским, умело ведомый командиром танка И. Воронцовым, достиг северо-западной окраины Белькова. Остальные три танка двигались еще по нейтральной полосе. В это время немцы плотной завесой артиллерийского и минометного огня отсекали нашу пехоту от танков, и Поплавский по радиации приказал экипажам танков вести огонь с места. Танк с комдивом двинулся вперед, но при развороте провалился одной гусеницей в глубокую траншею. Машина прочто осела на грунт. Поплавский по радио сообщил об этом Максиму, но тот был ранен и выбыл из строя. К танку начали подбираться небольшие группы гитлеровцев. Открыв люк, танкисты забросали врага гранатами. Возможно, враги решили захватить экипаж живым. Командир танковой роты, находившийся в этом танке, добровольно вызвался добраться к своим, но по дороге погиб. Три члена экипажа и комдив Поплавский до наступления темноты отбивались от нападавших гитлеровцев. Все уже были ранены. На всякий случай обменялись адресами и договорились, что тот, кто останется жив, напишет родным погибших.

Еще днем командир 653-го стрелкового полка Н. А. Курчин приказал своему начальнику штаба Г. В. Сковородкину организовать ударную группу и лично возглавить освобождение танкового экипажа. Группе Сковородкина удалось огнем отсечь противника от танка и в течение дня удерживать его на расстоянии.

С наступлением ночи батальон 673-го стрелкового полка под командованием майора Н. И. Глухова подобрался к танку и совместно с группой Сковородкина вывел экипаж с комдивом в расположение дивизии. Глухов передал Поплавскому приказ

командующего фронтом И. С. Конева немедленно доложить о себе с наблюдательного пункта соседней бригады.

Через полчаса Поплавский был уже на НП бригады и начал докладывать, но через несколько фраз связь оборвалась. Затем начальник штаба армии генерал Г. И. Хетагуров, успокаивая Поплавского, сказал: «Берите управление дивизией в свои руки».

В дивизионной газете «За Родину!» была напечатана заметка: «Бить врага, как танкист Воронцов!», где рассказывалось, как в бою за один сильно укрепленный вражеский опорный пункт танкист Иван Воронцов ворвался на мощном танке в деревню и уничтожил гитлеровцев. «Но вот машина правой гусеницей застряла в немецкой траншее. Враг торжествовал! Но танкист Воронцов в неравном бою отстреливался 12 часов, истребил 18 гитлеровцев, уничтожил 3 блиндажа, в упор расстрелял трех немцев, пытавшихся взорвать танк. Высоко оценивал отвагу и мужество молодого танкиста находившийся в танке командир тов. Поплавский. Он написал матери героя танкиста письмо, в котором горячо благодарил ее за то, что она вырастила такого волевого и храброго защитника нашей славной Родины.

От матери танкиста Е. М. Воронцовой получен ответ, который был помещен в дивизионной газете: «Здравствуйте, дорогой тов. Поплавский! С чувством глубокой радости прочитала я Ваше письмо. Гордостью наполнилось мое сердце при известии, что мой сынок Ваня — смелый и стойкий защитник нашей любимой Родины. Ваше письмо было напечатано в газете «Алтайская правда» и его читало все население нашего края... Сейчас у меня на фронте три сына, из которых один пошел в Красную Армию добровольно. Четвертый сын работает на оборонном заводе, кует Вам боевое оружие...

Кончая письмо, желаю Вам еще сильнее бить врага. Под руководством таких командиров, как Вы, победа над подлым врагом будет обеспечена. С приветом Е. М. Воронцова».

Сержант жертвует собой

29 августа 1942 года «Правда» писала: «Навсегда запомнится подвиг сержанта Головни. Взвод блокировал вражеский дзот. Немцы вели оттуда сильный огонь. Временами солдаты выскакивали из укрепления и пытались отбросить наших бойцов. Во время одной из таких схваток Головня заметил, что один фашист целится в командира взвода. Сержант загородил командира и спас ему жизнь. Головня был ранен, но не ушел с поля боя.

Во время решающего броска на укрепление Головня вырвался вперед, под шквальным огнем подскочил к амбразуре и закрыл ее своим телом. Бойцы ворвались во вражеское логово и жестоко отомстили за смерть отважного сержанта».

Обороне Ржева летом 1942 года противник придавал исключительное значение. Первые с начала войны советские войска под Ржевом натолкнулись на тщательно подготовленную в инженерном отношении, до предела насыщенную огневыми средствами долговременную оборону немцев.

В конце августа 1942-го начались бои на окраинах города. Штурм велся небольшими группами. В полках было организовано по несколько штурмовых групп. В состав каждой включались автоматчики, саперы с запасом взрывчатки, придавались орудия, противотанковые ружья, ранцевые огнеметы.

В составе одной из таких групп ворвался в город со стороны Старицкого шоссе сержант мотострелкового полка 2-й гвардейской дивизии Никита Головня.

Захватили несколько примыкающих к реке Холынке кварталов. Враг превратил каждый каменный дом в крепость. В подвалах и нижних этажах были расставлены минометы и орудия, на крышах и вышках пулеметы. Все кругом было заминировано и обнесено проволочными заграждениями в 3—4 ряда. Все огневые точки были связаны между собой траншеями полного профиля.

Бой принял затяжной характер. Подобраться к дзотам и зданиям скрытно было нельзя. И все-таки пехота получила приказ двигаться вперед, обойти проволочные заграждения и ударить по противнику с флангов.

К середине дня 23 августа штурмовой группе, в составе которой наступал Никита Головня, удалось закрепиться в 15-м квартале. Еще бросок, и можно ворваться на площадь Революции. Но в это время из дзота открыл убийственный огонь немецкий пулемет. Группа залегла. И тут гвардейцы увидели,

как их товарищ, сержант Головня, ползком и коро ими перебежками направился к дзоту. Приблизившись к огневой точке, он бросил гранату, взрыв разметал верхушку дзота, но пулемет продолжал стрелять. Сержант бросил вторую гранату, но и она не разрушила укрытие гитлеровцев. Тогда Головня встал во весь рост и, сделав несколько прыжков, упал на амбразуру. Пулемет захлебнулся.

Группа поднялась и в едином порыве устремилась во вражеские траншеи.

...В феврале 1987 года мы получили письмо из далекого села Макинка Казахской ССР. В нем жена героя, Мария Ферাপонтовна, нам писала: «Мой муж, Никита Семенович Головня, родился в 1913 году в крестьянской семье. Окончил 6 классов, был бригадиром в тракторной бригаде. Отслужив армию, работал в школе физруком, а с весны 41-го года стал военруком, обучал ребят военному делу, ходил с ними в походы. В начале войны был дважды ранен. Последнее его письмо я получила в начале июля 42-го года. Он сообщал, что выписался из госпиталя и едет со своей частью по направлению на Ржев. Больше вестей не было. Погибли у меня и два родных брата».

Воспитывал военрук своих юных односельчан, учил их мужеству и отваге. И сам стал для них вечным примером. Пополняется музей боевой славы, носящий его имя.

Высоко чтит легендарного сержанта орденосный Ржев. На месте подвига установлена мемориальная доска. Улица Нагорная, за каждый дом которой сражались и умирали бойцы 2-й гвардейской дивизии, в год 40-летия Победы переименована в улицу Никиты Головни.

Воевал иступленно

Кто не знает непревзойденного мастера Данилу из сказки Бажова об уральском каменном цветке. Но не только в труде, но и в ратном подвиге прославились уральские и сибирские мастера.

Во время летнего наступления на Ржев среди бойцов ходили легенды о красноармейце Данииле Прыткове. Даниил Алексеевич родился 5 октября 1912 года в Новосибирске в рабочей семье. Окончил семилетку, работал на заводах на Урале. В ряды армии был призван только в марте 1942 года. Под Ржевом он воевал в 1245-м полку 375-й дивизии. Батальон, которым командовал В. Г. Ведерников, овладел полностью сожженной деревней Грибеево и завязал бои на ближних подступах к Ржеву. Вечером 14 августа батальон пошел в атаку. Фашисты пускали в воздух осветительные ракеты, вели ружейно-пулеметный огонь. С группой бойцов Ведерников, перебегая от дерева к дереву, видел, что вражеский пулемет не дает подняться нашей стрелковой роте. «Товарищ командир, разрешите мне разобраться с фашистом», — обратился к Ведерникову его молчаливый связной, боец Даниил Прытков.

Вжимаясь локтями в траву, он пополз в обход дзоту. Прытков приблизился к огневой точке с тыла. Ведерников и бойцы батальона с восхищением, тревогой и ожиданием наблюдали за действиями храбреца. А Прытков, приблизившись к дзоту на близкое расстояние, бросил одну за другой две гранаты, а затем расстрелял пулеметный расчет.

Но тут целая дюжина гитлеровцев окружила отважного бойца. Даниил Алексеевич решил дорого отдать свою жизнь. Огнем из автомата и оставшейся гранатой уничтожил несколько фашистов, и, приняв рукопашный бой, в ярости кинжалом заколол еще двоих.

Подоспевшие на помощь бойцы батальона добились остальных. Не раз ходил он в разведку и чудом оставался жив. Был и такой случай. Бесшумно сняв немецкого часового, Прытков подобрался к блиндажу, приоткрыл дверь прикладом и увидел, что при свете керосиновой лампы офицеры играют в карты. Расстрелял их очередь из автомата, забрал документы, оружие. Выбрался из окопа и притаился в ожидании смены часовых. Ему удалось благополучно вернуться к своим. Передал старшине трофеи: 4 парабеллума, автомат и 2 снайперские винтовки.

375-я дивизия больше месяца вела штурм города со стороны военного городка. Не раз ходил в атаку и батальон Ведернико-

ва. Подобраться к дзотам и зданиям скрытно было нельзя: кустарник кончался метров за 400 до вражеских позиций, дальше шла открытая поляна, каждый метр которой простреливался из подвалов домов, из-за развалин сараев, из придорожных канав — отовсюду вели огонь немецкие автоматчики.

Особенно яростный обстрел велся со стороны большого кирпичного сарая, приспособленного немцами, как потом выяснилось, под склад с боеприпасами.

Находчивый и инициативный боец вызвался уничтожить засевших в складе автоматчиков. Задачами он обошел пустырь и по-пластунски подобрался к сараю. Укрываясь за ящиками со снарядами, он короткими очередями перебил засевших там немцев, но и сам оказался в засаде. Сарай окружили со всех сторон и требовали немедленно сдаться. Даниил забаррикадировал двери и отвечал редкими выстрелами. Тогда они решили взорвать склад. В воздухе завывали снаряды и мины. Один из них угодил в ящик с боеприпасами. Взрыв потряс здание. Воздушной волной Прыткова отбросило на несколько метров в сторону, и он потерял сознание.

Батальон с ходу захватил вражеские позиции. Прыткова подобрали и отправили в медсанбат. Он выжил всем смертям назло и, контуженный, снова вернулся в полк.

Побывавший в те дни под Ржевом Илья Эренбург в статье «У Ржевского леса» писал: «Помню бледное лицо Даниила Алексеевича Прыткова, уральского сталевара. Он воевал иступленно. Я узнал, что у него на Урале старая мать и что немцы убили его товарища. Прытков полз ночью к немецким позициям и возвращался с трофеями — приносил автоматы, снайперские винтовки. Он говорил подполковнику Самосенко: «Товарищ командир, дайте мне отечественный автомат! У меня немецких 16 штук было — роздал, противно мне из них стрелять». Подполковник говорил: «Да ты отдохни денек...».

Прытков отзывался: «А кто наступать будет?». Он жил одним. После контузии он стал плохо слышать, прикладывал к уху ручные часы: «Оглох! ... Ничего, там услышат! (Где «там», я так и не понял). Он говорил: «Гады! Гады!», а глаза горели, шевелились губы, чувствовался душевный подъем».

Таким увидел Прыткова выдающийся советский писатель и публицист Илья Григорьевич Эренбург.

3 июня 1943 года за героические подвиги, проявленные в боях под Ржевом, рядовому Данииле Алексеевичу Прыткову было присвоено звание Героя Советского Союза. Он воевал до Победы. После войны жил и работал в Оренбурге. Контузии и раны сократили жизнь: он умер в 1952 году, не дожив до 40 лет.

Все помнит деревня Полунино

Деревня Полунино, расположенная в 6 километрах севернее Ржева, оказалась на направлении главного удара 30-й армии в наступлении, начавшемся 30 июля 1942 года. На этом направлении были сосредоточены пять стрелковых дивизий, пять танковых бригад, две отдельные стрелковые бригады и другие части и подразделения.

После мощного шквала артиллерийского и минометного огня, заставившего артиллерию противника замолчать, ударная группировка прорвала две оборонительные полосы врага. Стрелковые подразделения 2-й, 16-й гвардейских, 379-й стрелковой дивизии под проливным дождем, начавшемся во время артиллерийской подготовки, преодолевая сопротивление опомнившегося врага, продвинулись к концу дня на 6—7 километров на фронте 9 километров и были остановлены артиллерийским огнем из глубины вражеской обороны на подступах к деревне Полунино. До Ржева оставалось 6—7 километров. Чтобы пройти эти километры, потребовался месяц ожесточенных боев у деревень Полунино, Галахово, Тимофеево, Горбово, Федорково, Бердихино...

Полунино. Тысячи бойцов и командиров под огнем вражеской артиллерии и авиации днем и ночью штурмовали развалины этой деревни и отбивали вражеские контратаки. Немногие выжившие в этих боях на всю свою оставшуюся жизнь запомнили название этой деревни.

Вряд ли есть на земле еще одна деревня, за которую бы шли такие долгие и кровопролитные бои, хотя взятие деревни, стоявшей в стороне от главных дорог, не могло решить какую-либо стратегическую задачу.

Непосредственно на Полунино вела наступление 16-я гвардейская дивизия, возглавляемая полковником С. А. Князьковым. Фашисты превратили Полунино в сильный опорный пункт. За деревней в укрытии стояли немецкие танки. В отдельные дни только против одного стрелкового полка 16-й гвардейской дивизии враг бросал до сотни танков, с воздуха почти всегда пикировали десятки «юнкерсов».

Район Полунино, Галахово и Тимофеево, последнего опорного пункта перед Ржевом, враг поддерживал фланговым артиллерийским огнем из навсегда исчезнувших деревень Федорково и Бердихино.

В 8 часов утра 5 августа через поредевшие порядки левого соседа 16-й гвардейской дивизии — 2-й гвардейской дивизии

генерала П. Г. Чанчибадзе — из армейского резерва была введена в бой 52-я стрелковая дивизия. С 5 до 26 августа она ежедневно штурмовала деревню Галахово, расположенную в полутора-двух километрах южнее Полунино. Это была настоящая мясорубка. Только 5—7 августа дивизия потеряла 1615 человек убитыми и ранеными, в августе в 52-й дивизии сменилось четыре комдива. Бессмысленно гибли, избивались, уничтожались наши люди, но бездарное и жестокое командование, и прежде всего Верховный Главнокомандующий Сталин, не считаясь ни с чем, устилало ржевские поля и болота тысячами трупов молодых уральских, сибирских, казахских, узбекских парней.

16-я гвардейская дивизия также несла огромные потери, ежедневно неоднократно атакуя Полунино с севера. Северное направление считалось единственным возможным для наступления танков и пехоты, так как топографические карты показывали, что с других сторон Полунино окружено непроходимыми болотами.

Местность к западу и югу от Полунино действительно представляет собой болотистую равнину, через которую протекает тихая речка Холынка. Сильные ливни усугубили положение. Вот что рассказал об этом бывший командир стрелкового взвода 43-го гвардейского полка, в те дни младший лейтенант И. А. Евсеев: «Я со своим взводом, составленным из солдат тыловых подразделений полков, штаба дивизии, учебного батальона, находился западнее Полунино в болотистом месте. От взора немцев и от надоедливой немецкой «рамы», как мы называли немецкий самолет-разведчик, нас укрывала болотистая камышовая низина. В сухих местах были упрятаны в ямках танки, сверху покрытые кустами. Мы находили возвышения, которые не тонули, но «ходунгом ходили» под тяжестью нескольких человек... Одолевали комары и мошки, ветер доносил трупный запах».

В середине августа, когда дожди временно прекратились, разведчики, доставившие через болото из Полунино «языка», этим самым доказали, что местность вокруг деревни вполне проходима для пехоты.

Назначенный 17 августа вместо заболевшего С. А. Князькова командиром 16-й гвардейской дивизии полковник П. Г. Шафранов, до этого дня возглавлявший артиллерию дивизии, вместе с командирами 43-го и 49-го полков, заместителем командира 44-го артиллерийского полка и шестью разведчиками ночью лично проверил достоверность сведений разведчиков. Оказа-

лось, что болото проходимо не только для пехоты, но и для 45 мм пушек на конной тяге.

Петр Григорьевич Шафранов, по происхождению крестьянин из села Большое Фролово Буинского района Татарии, с 18 лет защищал Советскую власть на фронтах гражданской войны. В 20—30-е годы служил в Красной Армии и закончил артиллерийские курсы, школу и академию. На фронтах Великой Отечественной войны командовал полком, дивизией, корпусом, закончил войну командующим 31-й армией, Героем Советского Союза.

План комдива Шафранова по овладению Полунино был построен на том, что за дни затяжных боев противник привык к атакам только с севера и потому все огневые точки сосредоточил на северной окраине деревни. 46-й гвардейский полк и 35-я танковая бригада должны были как всегда, отвлекая внимание гитлеровцев, после обычной 15-минутной артподготовки атаковать Полунино с севера, а 43-й и 49-й гвардейские полки и группа артиллеристов под командованием заместителя командира 44-го артполка майора И. И. Камисова должны были скрытно подойти к южной окраине Полунино и атаковать врага с юга.

Командир 284-й артиллерийской бригады полковник И. И. Камисов (в центре) с боевыми друзьями.

В ночь на 21 августа проводники-разведчики подвели подразделения стрелков и артиллеристов к южной окраине Полунино.

«Тишина! Птички поют, — вспоминал Евсеев. — Как будто мирные дни! Южная часть Полунина была слабо защищена немцами. Тут расположились их тылы: санчасть, мастерские, склады. И вдруг с севера наши батареи открыли огонь, затрещали пулеметы, послышались автоматные очереди. Мой взвод подошел к деревне настолько близко, что нам было видно, как беспечно в нижнем белье разгуливают фрицы. А вот на бревне чуть поодаль несколько солдат, один из них играет на губной гармошке. И это несмотря на то, что на северной окраине деревни гремела канонада».

Ветераны 16-й гвардейской стрелковой дивизии на встрече в г. Загэрске в июле 1981 г.

Стремительная атака на Полунино с юга, из считавшегося непроходимым болота, оказалась для противника столь неожиданной, что немцы побежали на север, к центру деревни, не пытаясь даже отстреливаться. Но вскоре враг опомнился,

развернул круговую оборону и оказал яростное сопротивление. Редели ряды наших атакующих подразделений. Упал на окровавленную землю с раздробленным бедром командир взвода Евсеев. . . Но вот с севера в деревню ворвались наши танки. . .

В результате двухчасового боя сопротивление врага было сломлено.

В Полунино немцы оставили всю свою технику, в том числе танки, тяжелые орудия, 16-я гвардейская дивизия потеряла только 2 пушки: одна была подбита, а другая утонула в болоте. Но вскоре и эту 45-мм пушку удалось извлечь из топи.

За взятие Полунино многие бойцы и командиры были награждены орденами и медалями. Некоторые — посмертно. Комдив Шафранов был награжден орденом Ленина.

Все помнит деревня Полунино. Нескончаемым потоком идут и едут сюда, на братскую могилу, фронтовики-ветераны, родные и близкие погибших, жители нашего города и района. На протяжении четырех десятилетий подвижническую работу по увековечиванию памяти павших проводят учительница местной начальной школы А. М. Калошина, руководители совхоза «25 лет комсомола». По их инициативе открыт Полунинский музей воинской славы.

Сержант 111-й стрелковой дивизии В. В. Ружич через 25 лет после сражения под Ржевом рассказывал: «Многие мои земляки-казахстанцы и актюбинцы отдали свои жизни за город Ржев. Среди них совсем юные парни — Рашид Абдрашидов, Равиль Якубов, Николай Барбетов, Петр Руденко.

Я забыл фамилию командира дивизии, забыл фамилии своих непосредственных командиров, ведь обращаться приходилось не по фамилии, а «товарищ лейтенант», «товарищ капитан». Да и был я в дивизии всего две недели».

30 июля 1942 года, в первый день летне-осеннего наступления Красной Армии под Ржевом, части 111-й дивизии заняли деревню Семеновское, от которой осталось только название. Затяжные дожди сорвали штурм города, до которого оставалось 6-10 километров. Начались изнурительные кровопролитные бои. Наши стрелковые части почти каждое утро ходили в атаку, стремясь выбить немцев из траншей, но сильный минометный и пулеметный огонь не давал такой возможности. Вся местность была пристреляна, ее контролировали немецкие снайперы. Буквально висела в воздухе гитлеровская авиация. Во второй половине августа в батальоне, в котором сражался Ружич, в живых осталось 17 человек. Их передали в 532-й маршевый полк, который вел тяжелые бои у дома отдыха имени Семашко. Когда от снайперской пули погиб командир отделения сержант Капустин, к Ружичу под огнем врага подполз командир роты и приказал принять отделение, в котором осталось всего 4 человека. Командир роты приказал подготовить отделение к утренней атаке. Он рассказал, что перед атакой появится самолет штурмовой авиации, сделает дымовую завесу, и по сигналу красной ракеты нужно броситься на вражеские траншеи, выбить из них врага и прочно закрепиться. Ночью бойцы чистили винтовки, запасались боеприпасами, а когда чуть рассвело, появился самолет ИЛ-2, сделал разворот на немецкие траншеи и на бреющем полете стал выпускать дым, который валил с хвоста. Немцы открыли бешеный зенитный огонь, но самолет продолжал свое дело.

Вот и красная ракета. Поднялись в атаку. Атакующих встретил прицельный огонь. С потерями заняли траншеи, но немцы отступили во вторые. В роте осталось лишь 13 человек.

Немцы пытались вернуть траншеи, несколько раз бросались в контратаку даже при поддержке танков, но отважную роту

крепко поддерживала артиллерия. Бойцы тоже вели огонь из винтовок и автоматов. После неудачных контратак враги обрушили на них минометный огонь, но выбить из траншеи уже не могли. Так продолжалось до вечера.

Ночью пришел командир роты и обещал пополнение из трех человек. Перед рассветом в темноте надо было незаметно подползти ко вторым траншеям и занять их.

В час ночи Ружич получил обещанное пополнение в количестве 3-х человек. В половине третьего ночи заговорила наша артиллерия и бойцы по-пластунски стали выдвигаться на исходный рубеж. Немцы почувствовали что-то неладное, повесили осветительных ракет и открыли огонь. Это помешало достичь рубежа затемно. Когда рассвело, командир роты громко подал команду: «Вперед! За Родину!» — и сам побежал впереди. Перебежками бойцы стали приближаться к траншеям. Немцы открыли ураганный огонь.

Ружич видел, как падали наши ребята, видел немцев в траншее, падал, полз, но тут его как кнутом стегануло вдоль спины. Почувствовал, как по спине потекла теплая струйка и понял, что ранен, что ползти обратно — верная смерть.

Притворился убитым, пролежал целый летний день, не шевелясь, в 20 метрах от немецких траншей. Жгуче болела рана на спине, очень хотелось пить, через голову летели автоматные очереди, а иногда совсем рядом рвались мины и снаряды. Хотелось поменять положение тела, но его удерживал один маленький холмик, который был тщательно замаскирован и оттуда изредка звучали выстрелы. Он понял, что рядом с ним, всего в нескольких метрах, находился снайпер. Ружича охватила бессильная злость. Может быть, этот гад и полоснул его в спину. День тянулся вечно.

Рядом с ним лежал наш убитый боец с винтовкой и штыком. Он решил: как только стемнеет, снять штык и этим штыком заколоть фашистского снайпера, когда тот вылезет из своего укрытия. В случае необходимости решил применить и саперную лопатку.

Когда стемнело, слышались разговоры немцев, легкий шорох. Видно, враги готовились к ужину. Ружич стал подползать к холмику, держа в одной руке штык, а в другой — лопатку. Все стихло, и он было подумал, что может здесь никого и нет, но в этот момент приподнялся люк и появилась голова. Вот уже видна половина человека. Все произошло как в тумане. Изо всей силы Ружич ударил его ребром лопаты в лицо. Враг схватился за лицо, а сержант нанес ему еще один удар по голове. Немец повалился наземь.

Ружич снял с него погоны, планшетку, забрал винтовку с оптикой и медленно пополз в свою сторону. Кровь на спине приклеилась к белью, рана мешала движению.

Когда приполз к своим, его окликнули: «Стой, кто идет?». Он ответил, ему не поверили. Товарищи считали его убитым.

Утром в траншею приполз незнакомый лейтенант, новый командир роты, вместо выбывшего в утреннем бою. Он помог Ружичу добраться до санроты. Больше этого лейтенанта Ружич не видел. Да и других однополчан не встречал. Лежал в лесу в полевом госпитале. Через несколько дней его вывезли в Калинин в эвакогоспиталь.

После выздоровления с 344-м гвардейским полком тяжелых танков В. В. Ружич дошел до Берлина.

Бросок через Волгу

Этот клочок земли на правом берегу Волги в пяти-семи километрах западнее Ржева, названный Знаменским плацдармом, осенью 1942 года стал одной из самых горячих точек Ржевской битвы.

Труден, кровопролитен был путь до Волги, начатый правифланговыми дивизиями 30-й армии в 5 часов 30 минут 24 августа 1942 года. Все деревни и господствующие высоты на подступах к Волге фашистское командование в течение нескольких месяцев превратило в сильные оборонительные узлы: всюду долговременные огневые точки, замаскированные артиллерийские батареи, инженерные и проволочные заграждения, противотанковые и противопехотные минные заграждения.

Фашисты оказали яростное сопротивление. В ходе артиллерийской подготовки не удалось уничтожить все огневые точки первой линии обороны врага. После нескольких безрезультатных атак, в которых стрелковые подразделения несли потери, командир 16-й гвардейской стрелковой дивизии полковник П. Г. Шафранов решился на смелый и необычный шаг: несмотря на возражения представителя командующего фронтом, он посадил на танки 35-й танковой бригады расчеты станковых пулеметов с их оружием, поставив перед ними задачу — покинуть танки, достигнув вражеской обороны, и пулеметным огнем прижать пехоту противника к земле, чтобы дать возможность наступать нашим стрелковым подразделениям. Такая небывалая тактика блестяще себя оправдала: фашисты не выдержали ливня пулеметного огня, и вскоре первая линия обороны врага была прорвана.

Враг оказывал сильное сопротивление, его авиация господствовала в воздухе. Трое суток гремела битва на левом берегу Волги у деревень Федорково, Горбово, Ковынево, Лазарево, Мурылево, Скворцово, Добрая, Поволжье, у дома отдыха имени Семашко.

В эти дни сотни наших танкистов погибли в американских танках М-3, которые преобладали в танковых бригадах. Если их подбивали, они вспыхивали сразу как факелы, так как их двигатели работали на высококачественном бензине. Для экипажа подбитый танк превращался в огневую ловушку, так как люки для посадки располагались по бортам танка, рядом с бензиновыми баками, а верхние люки были слишком малы. Редко танкисты успевали выбраться из горящего танка.

26 августа 16-я гвардейская и 379-я стрелковая дивизии вышли к Волге. В этот же день от противника были очищены Галахово и Тимофеево, и 359-я и 52-я стрелковые дивизии вышли к северо-западной окраине Ржева.

Сотни трупов вражеских солдат и офицеров валялись на подступах к Волге и у стен Ржева. Но и наши потери были огромны. Об ожесточенности боев говорит такой факт: в 379-й дивизии под деревнями Горбово и Федорково погибли старший политрук 1253-го полка Н. В. Романов и пятнадцать политруков рот и батарей.

16-я гвардейская и 379-я стрелковая дивизии получили приказ форсировать Волгу у дома отдыха имени Семашко, захватить плацдарм на правом берегу реки в районе деревень Знаменское и Редькино с тем, чтобы обеспечить общее наступление правофланговых дивизий 30-й армии западнее Ржева.

В полках формировались специальные сводные батальоны и штурмовые группы, которые должны были первыми переправиться через Волгу и завязать бой с противником на правом берегу.

Одним из сводных батальонов в 379-й дивизии командовал старший лейтенант Нестор Петрович Милакин, фронтовик с первых дней войны, испытывавший окружение, дважды раненый. Батальон Милакина должен был организовать переправу незаметно от врага, застать его врасплох. Вслед за ним к форсированию Волги южнее дома отдыха имени Семашко должен был приступить 1253-й стрелковый полк, а севернее деревни Поволжье — 1255 стрелковый полк.

Стояла прохладная звездная ночь. Даже в грохоте войны солдаты изредка улавливали шорохи спелых колосьев и приятный для земледельца запах неубранного зрелого хлеба, большинству хорошо знакомый с самого детства.

Комдив приказал Милакину начать форсирование в 4 утра. Артдивизион получил задание приготовиться к открытию огня по дороге, идущей на Ржев, если сводному батальону придется отражать танковую атаку.

Скрытно подготовив понтонные и обычные лодки, бревна, плащ-палатки и набитые соломой накидки, батальон начал сосредоточение в заросшем кустарником овраге. Об этой переправе бывший командир 1253-го стрелкового полка майор П. Н. Бушуев вспоминал: «Волга у Ржева не очень широка, но все-таки и здесь она — серьезная преграда, тем более, что особых переправочных средств мы не имели.

Выручил красноармеец-связист, дежуривший на берегу. Он заметил, что несколько ниже по течению от дома отдыха имени Семашко вода шла перекатами на камешнике. Связисты спустились к реке и исчезли во мгле, незамеченные гитлеровцами, достигли правого берега. Придерживаясь проложенного через реку телефонного кабеля, наша пехота мелкими группами начала переправу».

Форсирование велось в двух направлениях. Сначала на второстепенном участке переправлялась небольшая группа бойцов, чтобы навязать противнику бой и отвлечь его главные силы от действий батальона. Эта задача была поручена группе лейтенанта Чепарева. Вскоре началась переправа на главном направлении. Маневр оказался удачным. Противник был застигнут врасплох.

На рассвете немцы открыли сильный огонь, но было поздно. Батальон уже занял дорогу и прочно закрепился в отбитых у немцев окопах и блиндажах. При поддержке артиллерийского и минометного огня, используя дымовые завесы, переправлялись через Волгу остальные силы 16-й гвардейской и 379-й стрелковых дивизий.

О том, в каких условиях проходило форсирование Волги, рассказывает бывший заместитель командира батареи 45-миллиметровых пушек 46-го гвардейского стрелкового полка 16-й гвардейской дивизии Александр Андреевич Треско. Его

Ветеран 31-й и 39-й армий З. С. Зинковецкий.

Заместитель командира 46-го гвардейского стрелкового полка 16-й гвардейской дивизии лейтенант А. А. Треско.

батарея в конных упряжках снялась с позиций и вышла к левому берегу Волги в районе дома отдыха имени Семашко до окончания артиллерийской подготовки. Она должна была переправиться на другой берег Волги вместе со стрелковыми подразделениями полка, чтобы поддержать их атаку, как говорят военные, «огнем и колесами». Немецкая авиация десятками самолетов беспрерывно бомбила как подходившие к месту переправы части, так и находившиеся уже на правом берегу. В один из заходов немецких бомбардировщиков на левый берег три орудия были повреждены, а лошади и артиллеристы убиты. Треско был сильно контужен и засыпан землей. Его откопали, но он трое суток ничего не слышал. С оставшимися пятью бойцами на руках переправили на плацдарм орудие и боеприпасы. С помощью пехотинцев втащили пушку на высокий крутой берег Волги и быстро окопались.

Фашисты сделали несколько попыток сбросить наши переправлявшиеся части в Волгу. Иногда в атаку они бросали до 40-50 танков.

В этот день против батальона Милакина враг десять раз бросал пехоту и танки. В первой контратаке было восемь танков. Уральцы пропустили танки вперед, отрезали их от пехоты и обрушили на нее сильный огонь. Потеряв более ста человек, фашисты отошли. В бой с танками вступили подразделения, находившиеся во вторых, в третьих траншеях.

Пример мужества показал сам комбат. Подпустив вражеский танк поближе, он огнем из противотанкового ружья поджег его. Гитлеровцы из горящего танка открыли огонь. Комбат получил тяжелое ранение, но продолжал управлять батальоном. К Милакину поспешил старший политрук Михаил Цепенников. Он встретил врага гранатами и автоматным огнем. Разрыв снаряда оборвал жизнь молодого политработника. Посмертно он был награжден орденом Отечественной войны.

Плацдарм на правом берегу Волги, захваченный частями 16-й гвардейской (севернее Редькино) и 379-й стрелковой (восточнее Знаменского) дивизиями, был невелик: километра два по берегу реки и около километра в глубину. Для расширения плацдарма 2 сентября Волгу форсировали 2-я гвардейская дивизия (командир генерал П. Г. Чанчибадзе) и 707-й полк 215-й стрелковой дивизии (командир дивизии полковник А. Ф. Куприянов).

Фашистская артиллерия и бомбардировщики всех типов, целый день висевшие над Волгой, не давали возможности

построить какую-либо переправу. Все, что саперам удавалось создать за ночь, с рассветом уничтожалось. После нескольких неудачных попыток наше командование решило постоянной переправы не наводить.

О форсировании Волги 2 сентября вспоминает ветеран 215-й стрелковой дивизии В. И. Селезнев: «На рассвете, как только первые лучи солнца скользнули по верхушкам деревьев, а белый, как вата, туман поплыл к горизонту, мощный залп «катюш» разорвал прибрежную тишину. Под грохот артиллерийской канонады десантные группы одна за другой отплывали в сторону вражеского берега. Часть пехотинцев, кому не досталось плавсредства, удерживая в руках стальной трос, натянутый саперами, переправлялись вброд. От разрывов мин и снарядов бурлила и кипела вода, а набегавшие волны с силой ударяли о ноги бойцов. Некоторые падали и исчезали в пучине, уносимые быстрым течением. . .».

Существенно расширить плацдарм у Знаменского не удалось: 2-я гвардейская и 215-я стрелковые дивизии были сняты с правого фланга армии и переброшены в район города.

Полгода у Знаменского и Редькина ни днем, ни ночью не затихали бои. На Ржевской земле еще один участок фронта получил печальную славу «долины смерти». Все деревянные здания сгорели в огне боев. В наши дни об этих боях напоминает только полуразрушенная кирпичная стена усадьбы дома царского генерала Есипова, в котором до войны размещался зооветтехникум. Церковь, стоящая на высоком холме невдалеке от Волги и находившаяся в руках противника, разрушена до основания.

Ночами на подручных средствах под пулеметным огнем с церковной колокольни при почти постоянно ярко вспыхивающих фонарях осветительных ракет переправлялись на правый берег небольшие стрелковые подразделения, корректировщики артиллерийских батарей, чтобы две-три недели, до подхода смены, сражаться на плацдарме. Ночами санитары эвакуировали с правого берега на левый раненых.

Наблюдательные пункты корректировщиков-артиллеристов, а часто и траншеи находились в 20-30 метрах от противника. На плацдарме не было возможности снабжать бойцов горячей пищей, все довольствовались скромным сухим пайком, не было возможности обогреться, обсушить, сменить белье: те, кому посчастливилось после 2—3-х недельных боев с фашистской пехотой и танками, под постоянными бомбежками с воздуха, вернуться за Волгу, снимали с себя белье, сплошь покрытое вшами.

Бои на плацдарме не стихали почти никогда. Об их ожесточенности говорит тот факт, который приводит бывший боец 10-го отдельного штрафного батальона Федор Петрович Зайченко: только за шесть дней схваток с врагом в декабре 1942 года в батальоне, состоявшем из 286 разжалованных офицеров, осталось в живых только 11 человек.

С этого израненного, обильно политого кровью, памятного славой и болью плацдарма у Знаменского и Редькина наши войска перешли к преследованию бежавшего с ржевского выступа врага 2 марта 1943 года.

Атакует Береговой

Проходят дни. Но год от года,
Как взлет, как в будущее мост,
Твой подвиг в памяти народа
Встает во весь могучий рост.

А. СУРКОВ

В канун летнего наступления на Ржев 13 июля 1942 года из Саратовской области на Калининский фронт был передислоцирован 451-й штурмовой авиационный полк, в котором началась фронтовая биография двадцатилетнего старшего сержанта Георгия Берегового.

В августе битва за Ржев достигла своего апогея, каждый день в небе шли жесточайшие воздушные бои. Война настоятельно требовала сосредоточения крупных сил авиации, ее массированных действий. Такую задачу командующий 3-й воздушной армией М. М. Громов и поставил перед 451-м авиаполком.

Георгий Береговой был энергичным летчиком, его отличали собранность, умение в сложной обстановке принять правильное решение, действовать наверняка. Он успевал всюду: участвовал в воздушных боях, летал на штурмовки вражеских войск, прикрывал с воздуха пехотинцев и конников, не раз отправлялся в дальние разведывательные полеты, снабжал штаб ценными сведениями.

В один из дней августа, вылетов на Ржев, он не вернулся с задания. А события развивались так. Заметив на перегоне между Нелидовым и Олениным идущий к Ржеву вражеский

эшелон, летчик ввел самолет в пике и дал очередь по паровозу из пулеметов и пушек. Во втором заходе сбросил бомбы. Паровоз, вздыбившись, полетел под откос и потащил за собой состав. Когда Береговой поставил свой штурмовик в горизонтальное положение, началась тряска. Мотор работал с перебоями. Была пробита система водяного охлаждения, падало давление масла. Мотор вот-вот мог заглохнуть. Выход один — садиться, но где? Внизу территория, занятая противником. Надо дотянуть хотя бы до нейтральной полосы, свои заметят и придут на помощь. . .

Через несколько минут двигатель заглох, машина пошла на снижение. Цепляясь за верхушки деревьев, плоскости самолета гасили скорость. Потом удар и скрежет металла. ИЛ-2 развалился.

Мотор оказался далеко впереди, а фюзеляж застрял в сучьях деревьев. Георгий пошевелил руками и ногами. Невероятно, но они были целы. Отстегнул лямки парашюта. С большим трудом выбрался из кабины. И сразу услышал стон. Стрелок Петр Ананьев был серьезно ранен. Понадобилось немало времени, чтобы вытащить его из кабины и здесь же, на лесной поляне, оказать первую помощь.

Самолет упал совсем неподалеку от нашей передовой, но и до немцев было рукой подать. Они уже взяли летчиков на прицел и ждали, когда те появятся из леса. Помогая с трудом передвигающемуся Ананьеву, Береговой приготовил пистолет. Плена быть не может. Живым сдаваться нельзя.

Но за падающим самолетом зорко следили наши пехотинцы, которые уже ползли к летчикам со стороны глубокого оврага.

«Назад, назад, не выходить из леса», — услышал Георгий взволнованный голос, а вскоре увидел молоденького лейтенанта и двух бойцов, делавших им решительные знаки.

Так они оказались у своих. Ананьева с перебитой ногой тут же отправили в госпиталь, а Береговой с помощью командира части на автомашине добрался до своего аэродрома.

В боях под Ржевом летчик уничтожил немало вражеской техники. Сколько бы ни было в небе самолетов противника, этот неутомимый ас не уходил от боя, смело бросался в яростную атаку! В боевом летчике Георгии Береговом было сильно развито чувство товарищества, взаимовыручки. Не раз, рискуя жизнью, приходил на помощь своим товарищам, попавшим в трудное положение.

Во время второго августовского штурма Ржева эскадрилья, в которой летал и Береговой, поручили установить дымовую

завесу вдоль линии немецкой обороны. Шестерка штурмовиков летела на высоте 15 метров, противник стрелял из всех видов оружия, ярости его, казалось, не было предела, но задание наши летчики выполнили, шлейф дыма окутал вражеские позиции. И здесь на них набросились немецкие истребители. Береговой и его товарищи сделали боевой разворот и пошли в атаку.

Представляя летчика Берегового к награде, командир полка в наградном листе написал: «В совершенстве владеет техникой пилотирования в сложных погодных условиях. Боевые задания выполняет отлично».

По календарю наступила осень, но жаркие, кровавые бои под Ржевом не стихали ни на один день. И вот эскадрилья дала задание разыскать отряд конников, попавший в окружение в районе реки Кокши. Береговой к этому времени уже хорошо знал географию Ржевского и соседних с ним районов. Названия малых рек — Кокши, Сишки, Тудовки, Бойни, Осуги, Вазузы — ежедневно звучали в штабе полка, навсегда запомнил их и сам летчик.

Конников они разыскали быстро, поместили их нахождение на карте, но сами попали под мощный огонь стоявших на высоком берегу Кокши вражеских зениток. Самолет Берегового был подбит. Казалось, что гибель неминуема, но он снова сумел посадить его в лесу. Пять дней о нем в полку ничего не знали и уже внесли в списки погибших. А он болотами и перелесками, обходя деревни, в которых стояли немецкие гарнизоны, прошел пешком 150 километров в сторону Калинина. Благо сентябрь был сухой и теплый и осенний лес помог летчику поддержать силы. На шестые сутки обросший, измученный, он явился в штаб, и однополчане, пораженные, смотрели на него, как на выходца с того света. За бои под Ржевом Береговой получил свою первую награду — орден Красного Знамени.

Так воевал под Ржевом в 42-м прославленный летчик, дважды Герой Советского Союза, космонавт и на протяжении многих лет руководитель центра подготовки космонавтов Георгий Тимофеевич Береговой.

Над родным городом

В Селижарове базировался 930-й авиаполк ночных бомбардировщиков. В 1942 году он наносил массированные удары по немецким позициям в Ржеве. Только с июля по сентябрь летчики полковника М. Д. Еренкова совершили свыше двух тысяч самолетовылетов на Ржев-Оленино-Белый.

В этом полку воевал ржевлянин, лейтенант Павел Ивановский. Жил он до войны вместе с матерью на улице Садовой. Как и сотни его сверстников мечтал о небе, увлеченно занимался в ржевском аэроклубе, перед самой войной поступил в летное училище.

Свой первый боевой вылет он совершил на Калининском фронте. Несмотря на неравенство сил, советские бомбардировщики ежедневно поднимались в воздух, атаковали вражеские позиции, скопления танков, склады боеприпасов.

Короткой июньской ночью Ивановский вылетел на ответственное задание. В районе Оленино был обнаружен большой склад боеприпасов. Достигнув поселка и выверив цель, пилот пошел на сближение. По бомбардировщику ударили зенитки, но он на большой скорости спикировал, и экипаж точно сбросил бомбы. На земле раздалась оглушительные взрывы, возникли большие пожары. При выходе с бомбежки, самолет Ивановского атаквали вражеские истребители.

— К бою! — командовал командир.

Экипаж отстреливался, Павел маневрировал, намереваясь оторваться от противника. И это ему удалось. Однако, прямое попадание вывело из строя правый мотор, и на какое-то мгновение Ивановский потерял управление. Он испугался, на лбу выступил холодный пот, но тут же собрался с силами, овладел управлением и дотянул до Селижарова на одном моторе.

Не раз попадал он в воздухе в критические ситуации, но не терялся, выжимал из машины все, уверенно дрался с врагом. Он первым из летчиков полка был награжден орденом Ленина.

Разве мог еще год назад, когда вместе с друзьями, прибыв на каникулы, проводил дни и вечера на волжском берегу, Павел подумать, что ему придется бомбить родной город, превращенный противником в опорный пункт «линии обороны фюрера». Такая мысль не могла прийти в самом чудовищном сне. И вот теперь почти ежедневно ему приходится летать на Ржев, на родимый, многострадальный город.

Городской лес. Сад Грацинского. Волга. Холынка. Неповторимые, до боли дорогие сердцу места. Каждый берег, каждый овраг, каждый переулок избегал, тысячи раз исходил здесь Павел в детстве и юности. Вот и кинотеатр «Светоч», где он впервые увидел живое кино, школа над Волгой, к которой вел крутой Троицкий взвоз, а вот и родная улица Садовая, материнский дом.

Почти каждый в полку знал, что у Павла в Ржеве осталась мать. И друзья просили указать дом, чтобы ненароком не разбомбить его. Тут Павел увидел недалеко от своего дома скопление техники. Как поступить? А вдруг ошибешься, и тогда наверняка и родной дом разлетится в прах. Но сомнения были недолгими. Бомбы точно легли в цель.

Бывший летчик 930-го авиаполка М. Николаев вспоминает, что особенно всем запомнился один его вылет. От линии фронта к полемому аэродрому, быстро снижаясь, шел самолет с включенными навигационными огнями. Метрах в ста от земли летчик включил фару и посадил самолет прямо у командного пункта. Это был Ивановский. К нему подбежал заместитель командира полка Федор Кузоваткин: «Ты что не выключаешь «АНО»? — закричал он

«Как не выключаю? — удивился Павел. — Посмотрите, я даже не включал их.

И в самом деле аэронавигационные огни были включены. Оказалось, что самолет был буквально изрешечен пулями. Одна из них прошла электрощиток и замкнула проводку.

После освобождения Ржева Павел навещал мать. Нашел ее исхудавшей, почерневшей от слез и горя. Радость встречи с сыном воскресила к жизни совсем еще не старую женщину.

«А ведь я, мама, мог нечаянно и родной дом задеть, — поделился сын. — И погибнуть над городом».

«Ну что ты, сынок, я ведь молилась за тебя каждый день».

В войне наступил коренной перелом. Когда получили новые самолеты ПЕ-8, предназначенные для полетов в глубокий тыл противника с большим грузом, старший лейтенант Ивановский одним из первых взялся за освоение новой машины. Овладел техникой пилотирования и увеличил вес бомб с 4,5 до 6 тонн.

Много раз ПЕ-8 под командованием Ивановского появлялся над военными объектами Кенигсберга, Варшавы, Будапешта, Бухареста. И всегда, несмотря на неблагоприятную погоду или воздушные схватки с неприятелем, экипаж благополучно возвращался на свой аэродром.

И вот настал день 6 октября 1944 года. Бомбардировщик Ивановского взял курс на Будапешт. За сто с лишним

километров до цели загорелся мотор. Самолет потерял скорость и не мог находиться на заданной высоте. Быстрее сбросив бомбы, пилот повернул назад. Но немцам удалось поймать самолет. Десятки прожекторов ослепили пилота, несколько зенитных батарей открыли по нему огонь. Самолет атаковали истребители.

Ивановский делал все, чтобы спасти машину и экипаж. Но исход боя был предрешен. Были прострелены бензобаки, повреждены электропровода и управление самолетом, тяжело ранены члены экипажа. Самолет загорелся и стал крениться к земле. До последней секунды Павел пытался выправить машину, но сделать этого ему так и не удалось.

В Будапеште на гранитном памятнике советским воинам золотом выбито имя: старший лейтенант Ивановский П. И.

Через 40 лет после победы в Ржеве собрались ветераны 930-го полка. Боевой друг Павла Ивановского бывший штурман Георгий Маслов передал в городской музей дорогую реликвию — ремень своего командира.

Ветераны побывали на улице Садовой и возложили цветы к подножию старого дуплистого дерева, под кроной которого когда-то стоял родной дом замечательного ржевского летчика Павла Ивановича Ивановского.

Герой — отец героя

Утром 26 августа 1942 года от фашистов были очищены ржевские деревни Галахово и Тимофеево. Тысячи наших солдат и офицеров самоотверженно шли на прорыв вражеских укреплений. Среди тех, кто бежал через Галаховское поле смерти, чьи пулеметчики поклялись перед боем взять деревню любой ценой, был командир взвода мотострелкового пулеметного батальона 255-й танковой бригады старший лейтенант Сергей Петрович Иванченков.

На братской могиле в центре деревни Полунино на гранитной плите слова: «Здесь похоронены погибшие в 1942 году солдаты, сержанты и офицеры тридцати восьми стрелковых дивизий, одиннадцати стрелковых бригад, двадцати одной танковой бригады, одной бронетанковой дивизии, одной отдельной саперной дивизии. Всего более 10 тысяч человек».

В сельсовете вам выдадут книгу. В ней они названы поименно. Все 10 тысяч. . . «Иванченков Сергей Петрович, 1910 года рождения, погиб в боях за деревню Полунино в августе 1942-го. Похоронен в братской могиле».

. . . Когда городских окраин еще не коснулось раннее майское солнце, когда кажется еще не отошла короткая ночь, вдруг самый первый и всегда неожиданный луч вспыхнул и высветил из белесого клочковатого тумана посеребренную фигуру воина. И сразу же, как по команде зашептались, заговорили неумолчно и радостно вокруг него березы.

. . . Она пришла на этот обугленный, безжалостно изуродованный бомбовыми воронками пустырь летом в 46-м. Ей было 20 лет. В легком ситцевом платье, с деревянным чемоданчиком, она испуганно глядела по сторонам и вспоминала горячую просьбу заведующего районо: «Настя», там нет ничего, там нет школы. Но ведь ты же учительница, ты комсомолка. Люди возвращаются отовсюду, выходят из землянок. И дети должны учиться».

Она стоит и сейчас, построенная ею, эта первая школа — старая, покосившаяся избушка, с подслепогатыми оконцами.

Тогда, в 1946-м, в свой первый сентябрь, она вместе с измученными от голода и горя ребятами и собирала останки погибших и бережно переносила их в братскую могилу. Это они посадили эти двенадцать берез, образовавших сегодня величественный коридор скорби.

Вот уже 40 лет дети Полунинской начальной школы начинают свой первый в году урок на братской могиле. 40 лет подряд

ведет этот открытый для всего села урок «Священной памяти» отличник народного образования Анастасия Михайловна Калошина.

«Было это лет двадцать тому назад,— рассказывает нам Калошина.— Прохожу мимо братской могилы, смотрю: прислонившись к березе, стоит молодой человек. Знаете, ведь сюда тысячи людей со всех концов страны приезжают: однополчане, родственники тех, что пали тут в сорок втором.

Что такое людское горе, я хорошо понимаю, и с расспросами приставать не люблю. Стала рядом с ним, и оба молчим. И передается мне его потрясение. Его какая-то совсем детская невыплаканность, обиденность отцовской лаской и отцовским словом. Наверное, сын одного из героев, думаю.

«Отец тут у меня,— сказал, как выдохнул, молодой человек,— а видеть его не свелось».

И не удержался, заплакал.

Я узнала, что зовут приехавшего Сашей, фамилия Иванченков, родом из подмосковного города Ивантеевка.

На следующий год Саша приехал вместе со своей тетей, Клавдией Петровной Плужниковой. И они сразу пришли ко мне в школу. Помню, мы долго сидели втроем, пили чай. Потом Александр взял фотоаппарат, извинился и сказал, что хочет побродить один по деревне, по старому школьному саду, посидеть у могилы».

Клавдия Петровна, заменившая ему мать, которая умерла сразу после войны, рассказала о Сашиних успехах в учебе. О том, как с самых детских лет расспрашивал он об отце, могилу которого они нашли только через 25 лет после Победы.

... Необыкновенно радостным было для Анастасии Михайловны и ее учеников утро 16 июня 1978 года, когда диктор по радио объявил о запуске космического корабля «Союз-29», пилотируемого экипажем в составе командира корабля летчика-космонавта СССР полковника Коваленка Владимира Васильевича и борт-инженера Иванченкова Александра Сергеевича.

Вся деревня собралась возле братской могилы, возложили цветы, поклонились воину-герою Сергею Петровичу Иванченкову и всем десяти тысячам, ценою жизни которых сегодня поднялся в космос его сын Александр.

«Гордимся, что у героя-отца и сын стал героем. Горячо поздравляем. Ждем на ржевской земле»,— такую телеграмму отправила Анастасия Михайловна Калошина космонавту Александру Иванченкову.

Когда в августе того же года Ржеву вручили орден Отечественной войны 1 степени, в президиум торжественного собрания поступила телеграмма с борта космического корабля «Союз-29», в которой Александр Иванченков и Владимир Коваленок поздравили ржевцев с высокой наградой.

... Утром 9 мая 1979 года в Полунино приехали пионеры и комсомольцы Ржевской школы № 1 имени Пушкина. Они встали на вахту памяти у братской могилы. Издалека видны были алые ленты, оглясывающие юнармейские гимнастерки. Горели факелы.

Через полчаса должен был начаться митинг. В это время вдалеке появилась белая «Волга». Она миновала мостик через реку Холынку и мягко затормозила у крайнего домика. Из машины вышли летчики-космонавты Владимир Коваленок и Александр Иванченков.

«Экипаж космического корабля «Союз-29» прибыл в полном составе»,— доложил командир, поспешившим навстречу ребятам и преподавателям.

Александр Иванченков сквозь скорбный коридор берез прошел к отцовской могиле, и, опустившись на колени, положил на гранитную плиту букет красных гвоздик. Затем они пошли в школу, где встретились с близким и дорогим человеком — Анастасией Михайловной Калошиной. Здесь, в скромном музее Славы, свято и бережно хранится память о тех, кто похоронен в братской могиле.

Космонавты долго стоят перед стендом «Они сражались и погибли в боях за Ржев», внимательно вглядываются в лица на пожелтевших фотографиях.

Тишина. И вдруг, нарушив ее, Анастасия Михайловна говорит: «Саша, послушай, я прочитаю тебе строки из стихотворения «Отец» пермского врача и поэта Гребнева, которое он написал здесь, в Полунино:

«У этой могилы я встану,
Ну вот и дороге конец,
И словно я в землю вырастаю.
Ты слышишь ли сына, отец?!»

А потом был митинг.

«Дорогие полунинцы,— тихий и внятный голос Александра Иванченкова отозвался в сердце каждого,— здесь лежит мой отец. Я родился в 40-м году. Я не помню ни рук его, ни глаз, не помню, каким он был. Но образ его, созданный мною с самого раннего детства по рассказам близких, по письмам, которые он писал, образ отца-героя я несу через всю мою жизнь. Всем, чего я достиг, я обязан тем людям, которые покоятся в этой Полунинской земле».

Через сорок четыре года

От центральной усадьбы совхоза «Ракровский» до деревни Анино минут пятнадцать езды. С большака на проселок, а там с бугра, поросшего выцветшими овсяными метелками, уже и Анино видать. На дворе стоял август.

Как-то под вечер мимо Анино проехали бульдозер и экскаватор. Свернули к лесу. Местные жители заинтересовались. А через день по округе заговорили: в лесу самолет нашли.

Из очевидцев событий сорокачетырехлетней давности в Анино осталась лишь Таисия Константиновна Давыдова. Она хорошо помнит, как августовским утром 1942 года начался мощный артобстрел, а затем через переправу потянулась вереница отступающих гитлеровских машин. К полудню бой закипел уже на окраине деревни. В это время и появились в небе «хейнкели». Им ничего не грозило. Спокойно и расчетливо начали они бомбить танки и пехоту. Загорелся один танк, вышел из строя другой, третий. . . Атака наших бойцов захлебнулась.

И вдруг высоко в небе обозначилась черная точка. Она падала вниз, разрасталась, и через какие-то минуты все на земле — и наши, и немцы, и жители деревни увидели краснозвездного «ястребка». Через несколько секунд один из немецких самолетов задымил и ретировался в сторону. Вражеские машины нарушили строй, стали набирать высоту. «Ястребок» не уклонился от боя. «Смертельная схватка, — рассказывала нам Таисия Константиновна, — длилась несколько минут. Наш летчик бесстрашно шел на сближение с врагом. Мы понимали: он хочет выиграть время, дожидаться подмоги. И все-таки силы были неравны. С земли видели, как «ястребок» пошел круто вверх, а затем — резко вниз. Самолет упал в лес. Мы замерли. Ждали взрыва, но он так и не взорвался.

Не взорвался потому, что вошел глубоко в землю.

В августе 1942 года под Ржевом шли проливные дожди. Об августовских дождях на Ржевском выступе писали Константин Симонов и Алексей Сурков, прошедшие от Погорелого Городища до Зубцова пешком.

Еще ближе к этому месту в первых числах августа был Александр Твардовский, который затем в поэме «Василий Теркин» напишет:

Этот бой в болоте диком на втором году войны
Не за город шел великий, что один у всей страны,
Не за гордую твердыню, что у матушки-реки,
А за некий, скажем ныне, населенный пункт Борки.

Борки в нескольких километрах от Анино. Вот почему, как в масло, вошел в болотную землю в чащобе леса наш «ястребок».

Именно этот самолет и обнаружили через 44 года совхозные трактористы Анатолий Козлов, Виктор Рюмин и Сергей Якунин. Начали копать, добрались до кабины, увидели парашют. Вытащили бронеспинку кресла. Она была вся изрешечена пулями. Стало ясно, что летчик был убит еще в воздухе, оттого и рванул «ЯК» резко вверх, что в смертельной схватке сжал летчик штурвал.

Парашют был почти весь целый. На ткани номер: 028 929. Сложив его аккуратно под деревом, парни вновь подошли к самолету. Вытащили из покореженной кабины останки гимнастерки. Из нагрудного кармана достали комсомольский билет №. 0008736, выданный в мае 1938 года Звенигородским райкомом комсомола Московской области. Четким почерком написано: Руденко Дмитрий Иванович, 1923 года рождения. Фотографии не было — размокла. Лейтенанту Руденко было в августе 1942 года всего девятнадцать.

Бережно извлекли из земли останки летчика. Кое-где залитый кровью, хорошо сохранился и почтовый треугольник — письмо от матери: «Здравствуй, дорогой Димочка! Сегодня 1 мая. Не зная твоего адреса, не могла послать тебе поздравление. 1 мая в тылу празднуется в труде. Надюшка здорова, растет и развивается. О Вове ни слуху, ни духу. Послала запрос в наркомат обороны.

Живем мы хорошо, ты не беспокойся, все у нас есть. Папа пишет часто. Он здоров, работает очень много. Пиши, не заставляй меня беспокоиться. Целую. Твоя мама». Диме письмо было послано в полевую почту 772, в 66-й истребительный авиационный полк.

Затаив дыхание, читали молодые механизаторы письмо военного времени. Каждая вещь рассказывала о многом. Бритва, кисет, в котором лежала мыльница с мылом. Значит, не курил Дмитрий Руденко. Миниатюрная записная книжка. В ней девичья фотография и цитата из Гегеля: «Любовь — источник жизни».

Среди прочих бумаг сохранилась запись-задание: «Прикрыть скопление войск у переправы в районе Погорелого Городища».

. . . Через несколько дней в Ракове состоялись похороны. Руденко в торжественной обстановке похоронили рядом с братской могилой, в которой покоится прах сотен солдат и офицеров, погибших в боях на подступах к Ржеву. На

похороны пришло все село. Проводили летчика-комсомольца троекратным воинским салютом.

О найденном под Ржевом летчике мы рассказали на страницах «Комсомольской правды». Сразу, в день выхода газеты, в редакцию позвонил пожилой мужчина, который оказался старшим братом Дмитрия, Владимиром Ивановичем Руденко. Весть об установленных через 44 года обстоятельствах гибели брата взволновала его до глубины души.

Владимир Иванович рассказал, что отец их был военным врачом, семья часто переезжала. Родился Дмитрий в Саратове, в школу пошел в Кызыле, за штурвал самолета впервые сел в Серпухове. Здесь он закончил аэроклуб и в 1940 году поступил в военное училище летчиков. Семья получила извещение о том, что он пропал без вести.

Еще один герой битвы за Ржев обрел свое имя, заполнена еще одна строка героической летописи.

Стоял насмерть

Гремит на поле бог войны
Орудий грозными устами.
Мы изливаем гнев страны
Лавиною смертельной стали.

Артиллерист, громи врага,
Рази коричневого гада!
Наш гнев свиреп, как ураган,
Как взрыв могучего снаряда.

Огневики, вас слава ждет —
Подруга в боевом походе.
Сметайте танк, взрывайте дзот,
Дорогу яростной пехоте!

Сержант В. Левин. Сентябрь
1942 г.

Под Ржевом

Центральная усадьба ржевского района совхоза «Тудовский» с 1968 года носит название Ильченко в память о майоре Григории Терентьевиче Ильченко, погибшем за освобождение ржевской земли.

... Он был командиром 2-го дивизиона 423-го артиллерийского полка, 158-й стрелковой дивизии, входящей в состав 39-й армии.

Ильченко родился в 1916 году в Белгородской области. До войны он был кадровым офицером. На фронт прибыл 27-го июня 1941 года. Отступал от западной границы, воевал под Москвой, затем на Калининском фронте.

Весна 1942 года. Левый берег небольшой речки Тудовки, расположенной на границе Оленинского и Ржевского районов. Бой за деревню Денисово начался рано утром. Почти из каждого дома стреляли немецкие автоматчики, на левом фланге строчил пулемет. Ильченко находился на наблюдательном пункте и корректировал огонь батарей. Несколько снарядов потребовалось, чтобы подавить огневую точку врага.

Крыша дома, где стоял пулемет, рухнула, похоронив под обломками вражеского пулеметчика.

Поддерживая наступающую пехоту, Ильченко заметил недалеко от переднего края в ложине скопившихся для контратаки немцев. Приказал выкатить орудия на прямую наводку и открыл огонь. Десятки фрицев остались на поле боя. Деревня была взята, Ильченко был награжден медалью «За отвагу».

Об этом бое в марте 1942 года рассказала дивизионная газета «За победу».

Григорий Ильченко по характеру был человеком простым и скромным. Вышел он из бедной крестьянской семьи. Богатырской силой и ростом удался в отца. В минуты затишья любил слушать острые прибаутки, сам напевал русские и украинские песни. В одном из писем учащимся-следопытам Тудовской школы жена героя писала: «По натуре своей он был оптимистом, всегда весел, наделен юмором. Даже на фронте не унывал, в письмах никогда не жаловался на трудности. Он писал: «Воюем хорошо, думаем еще лучше». В бою был решителен и отважен, слыл среди артиллеристов большим мастером стрельбы прямой наводкой.

Летом в 42-м в 26 лет ему было присвоено звание майора. О нем пели в самодеятельной солдатской песне:

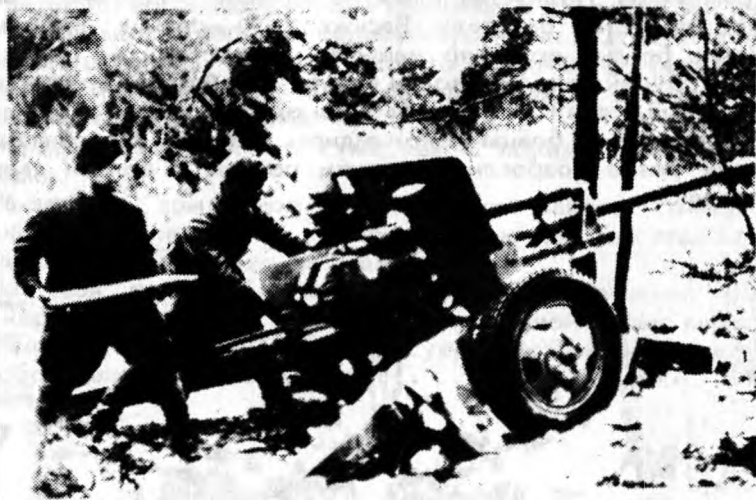
... В страхе мечутся фашисты,
Норы фрицев не спасут.
Снайперы-артиллеристы
Дом взорвут и разнесут!

Помогает нам смекалка
Бить зарвавшихся врагов.
Метко их разит Чекалин,
Жданов, Ильченко, Орлов.

Дивизион Ильченко не раз попадал в такие ситуации, когда батарейцы оставались на поле боя в одиночестве, один на один с противником, контратакующим их позиции и танками, и самолетами, и пехотой.

В таком положении его дивизион оказался и в ноябрьские дни 1942 года, когда 25 ноября дивизия начала наступление на участке между Оленинскими деревнями Якимово и Дубовик. После 45-минутной артиллерийской подготовки с участием тяжелых гвардейских минометов и при поддержке танкистов 25-го полка, наши части прорвали оборону немцев и устремились вперед.

За несколько дней были освобождены ржевские и оленинские деревни Плоты, Сухуша, Трушково, Букарево, Кувшиново. В этих боях отличились и воины 2-го дивизиона: командир взвода Н. Стародуб, командир орудия П. Панченко, связист Д. Мананников.

Капитан Г. Т. Ильченко, заменивший в бою 6 апреля 1942 г. за д. Жуково командира орудия и наводчика, огнем прямой наводки отражает контратаку противника.

28 ноября взяли деревню Зайцево.

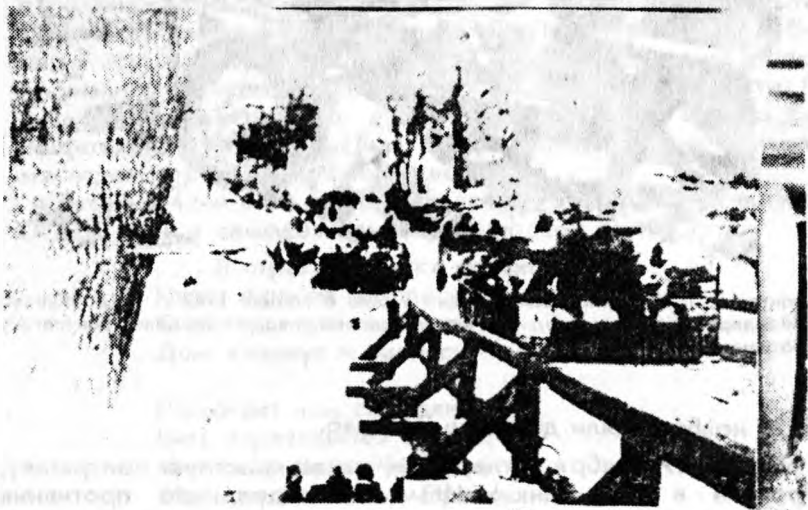
Утром 29 ноября гитлеровцы, начав яростную контратаку, бросили в бой танки. Ильченко видел, что противник превосходящими силами стремится уничтожить его батарею, прорваться вглубь наших боевых порядков. И он твердо решил стоять насмерть, удерживать занимаемый рубеж. Пушечные батареи встали на открытые позиции, а гаубичная успела окопаться. Наблюдательный пункт дивизиона находился в километре от врага. Бойцы взводов управления, находясь в боевом охранении, отражали контратаки немецких автоматчиков.

До полудня гитлеровцы дважды атаковали батарею дивизиона, но успеха не имели.

Наступило недолгое затишье. Чтобы прикрыть НП от прорыва танков, Ильченко приказал на фланги выставить по

одному орудью. Собрав командиров, сказал: «Связи с полком нет, враг будет стремиться опрокинуть наш заслон, но мы должны выстоять. Другого выхода нет!».

Через 2 часа после налета пикировщиков, гитлеровцы снова пошли в атаку. Впереди двигались танки, за ним — цепи автоматчиков. Подпустив танки на близкое расстояние, Ильченко приказал батареям Васюкова, Римповича, Бисарева открыть беглый огонь по машинам с крестами на башнях. Огнем орудий прямой наводки и гаубичной батареи вражеский штурм был сорван. Но наши батареи одна за другой выходили из строя, гибли бойцы и командиры. Правда, у противника потери резко возросли, но танки ползли и ползли вверх к деревне.

В освобожденной деревне Сухуша 26 ноября 1942 г.

Ильченко покинул наблюдательный пункт, перебегая от одного расчета к другому, личным примером вдохновлял оставшихся в живых.

А танковая колонна все приближалась. И на белом снегу как воронье чернели автоматчики.

Командир подбежал к пушке, расчет которого был целиком мертв. Он сам стал за подносчика, заряжающего и наводчика.

Вот она, головная машина, которая движется прямо на русского богатыря, совсем молодого, бесстрашного майора Григория Ильченко. Нет, не зря его называли мастером! Взметнулся огненный смерч и замер танк на снегу. Прямой наводкой били и другие, оставшиеся в живых, расчеты.

Григорий, вталкивая снаряд в казенник, с радостью увидел, как колонна остановилась и черные пауки один за другим стали откатываться назад. И вдруг какой-то страшный обжигающий толчок, земля стала уходить из-под ног, холодное зимнее небо опрокинулось над головой.

Зайцево не отдали. В сумерках к передовой подошли стрелки.

26-летнего командира артдивизиона майора Григория Ильченко хоронил весь полк. Прощальным салютом стал залп по вражеским позициям из всех орудий.

За свой подвиг Григорий Терентьевич Ильченко был посмертно награжден орденом Отечественной войны первой степени. Он похоронен у деревни Сухуша, той самой, которую освобождали его однополчане.

Солдаты милосердия

Ежедневный нравственный, человеческий и солдатский подвиг совершали под Ржевом люди из медсанбатов. Статистика свидетельствует, что наши военные медики вернули в строй две трети раненых. Известно, что потери медиков переднего края заняли второе место — после потерь среди солдат стрелковых подразделений.

Под Ржевом для врачей, санитаров и медсестер был особенно тяжелым 1942 год, когда наши армии трижды и без успеха штурмовали Ржевский выступ.

В медицинском подразделении 31-й армии, наступавшей на Ржев со стороны Погорелого Городища и Зубцова, в головном отдельном полевом эвакуационном пункте служила небольшая группа ржевцев, окончивших в Ржеве медицинские курсы Красного Креста. После войны в Ржев вернулись немногие. Большинство из них или погибло, или разъехалось по другим городам.

... Шестнадцатилетняя Лена Романова оказалась не только самой юной, но и самой бесстрашной, отчаянной и физически сильной. «Подхватит, — рассказывала ржевчанка Ия Николаевна Раевская, — двух раненых в гипсе и, словно больших детей, тащит их в укрытие. Своей крови много сдала, чтобы жизнь им спасти. ...»

Мария Ниловна Щеглова, вернувшись после войны в родной Ржев, увидела на месте своего дома пепелище. Ее мать, две сестры и трехлетняя племянница были расстреляны фашистами. Однополчанка Щегловой Мария Васильевна Сливницкая вспомнила такой эпизод: «Как сейчас стоит перед глазами картина: Маша Щеглова отплясывает перед бойцами «барыню». Боец этот в состоянии патологической тоски. А мы знали, что Щегловой час назад сообщили о гибели двух ее братьев. И когда боец улыбнулся, Маша говорит: «Вот спасибо, голубчик», — это сквозь слезы. ...»

В кровопролитных боях под Ржевом, когда в атаках за одни сутки гибли сотни наших бойцов, за эти же сутки в медсанбаты поступали тысячи раненых.

Только в 106-й медсанбат при 52-й стрелковой дивизии, наступавшей в августе 1942 года на Ржев в районе деревень Полунино и Галахово, за одни сутки поступало до 700 раненых, а за пять месяцев наступательных и оборонительных боев через 106-й медсанбат прошло более 13 тысяч раненых. Операционная располагалась в палатке. В ней — два стола, покрытые бурой резиновой клеенкой. На обоих операционных столах

днем и ночью при керосиновой лампе режут, пилят, ампутируют хирурги Агафонников, Сомова, Овсянникова, Климова. Смены им нет, они работают, пока не упадут от усталости.

О работе сутками вспоминает Анна Никитична Маланова, тогда 22-летняя операционная сестра у хирурга Мерзояна в 451-м медсанбате 369-й стрелковой дивизии: «Когда начинались бои, мы работали без отдыха. Больные поступали непрерывным потоком, измученные, обескровленные, грязные. Надо было обработать, обогреть, успокоить. Откуда брались силы. Пока шли бои, мы несколько суток не отходили от столов. Как-то, падая от усталости, приткнулась в тамбуре палатки, а проснулась, смотрю — спала на сложенных трупах».

Н. М. Остахова, родом из деревни Климово Старицкого района, восемнадцатилетней пошла на фронт добровольцем, служила медсестрой в 306-м медсанбате при 220-й стрелковой дивизии. Долгие месяцы располагалась ее медсанбат под Ржевом, недалеко от родной деревни и совсем близко от линии фронта. «Стояли больше в лесу, и летом, и зимой, — вспоминает Надежда Михайловна. — Зимой в палатках было трудно, расчищали снег. Хирурги Трубецкой, Максименко, Беляков не спали по несколько суток.

Нас часто бомбили, обстреливали, но мы никогда не покидали раненых. Шли бои под деревней Бельково. Это был сущий ад, и сотни раненых каждый день с надеждой смотрели нам в глаза».

Командиру санитарной роты 961-го (затем 965-го) полка 274-й стрелковой дивизии военврачу 3-го ранга Виктору Тихоновичу Анисимову на фронте не раз приходилось вести и ночные поиски раненых на нейтральной полосе, и разведку боем, в которую он ходил для обеспечения медицинской помощи разведчикам, и перевязки раненых под огнем фашистских снайперов. Ржев особенно памятен ему потому, что у стен его он получил боевое крещение, на ржевской земле сложили головы многие его боевые товарищи, под Ржевом он встретил и полюбил уроженку города Конаково — санитарного инструктора Нину Белову, с которой более уже не расставался. На всю жизнь остался в памяти врача Анисимова день 10 августа 1942 года, когда дивизия начала наступление на Ржев от деревни Дешевка вдоль поймы реки Бойни. «Не имея еще достаточного опыта, — рассказывает он, — я свою санитарную роту развернул на удалении 500—600 метров от переднего края, в мелком кустарнике в районе деревни Дешевки. Бои

носили ожесточенный характер, поступающих раненых принимали и оказывали им медицинскую помощь под открытым небом, в наспех отрытых, неглубоких котлованах. Копать глубже было нельзя, появлялась вода, так как местность кругом была болотистая. Несчетное количество немецких самолетов висело над нами, самолеты устраивали «карусель» в воздухе, переходили в пики со страшным воем, ведя огонь из пушек, сбрасывая бомбы в расположение санитарной роты. Немецкие летчики хорошо видели, что атакуют санитарную часть. Летали они на небольшой высоте. Взрывы огромной силы потрясали землю, кругом все было в сплошном дыму. Даже тяжелораненые из этого ада уползали, не дождавшись отправки в тыл».

Осенью 1942 года, когда наши армии продолжали наступательные бои у Ржева, в санроту 965-го стрелкового полка 274-й стрелковой дивизии прибыла семнадцатилетняя девушка — белоруска Мария Чепенец. «Я поражаюсь,— пишет Анисимов,— ее смелости, оптимизму, храбрости при выносе раненых с поля боя, ее ловким рукам, которыми она любовно оказывала медицинскую помощь».

Профессор М. К. Кузьмин, бывший командир санвзвода.

Операционная сестра 451-го медсанбата 369-й стрелковой дивизии А. Н. Маланова.

Но ненависть Марии к врагам, которые топтали ее белорусскую землю, где в неволе томились ее родные, была так велика, что вскоре она добилась перевода в стрелковую роту. Здесь была зачислена во взвод снайперов, которыми командовал лейтенант Федор Юдин. Девушка быстро освоила снайперскую винтовку и вскоре стала одним из лучших снайперов полка и дивизии. О ней и ее товарищах Ф. Юдине, В. Коровкине не раз писали фронтовые и центральные газеты. Профессия снайпера на войне требовала солдатской смекалки, мужества, решительности, неиссякаемого терпения. Мария обычно ночью пробиралась на нейтральную полосу, находила окопчик или укрытие, маскировалась, а в течение дня, в дождь или мороз, вела меткий огонь по врагу.

Фельдшер из разведки 965-го полка Таисия Александровна Левадная вспоминала такой эпизод: «Пошли мы в разведку с нашими ребятами, с нами пошла «на охоту» и Мария Чепенец. Она заранее облюбовала место в подбитом немецком танке, который стоял на нейтральной полосе. Пока разведчики совещались, мы с Марусей стояли у танка, говорили шепотом о чем-то своем, девичьем. Вдруг Маруся бросилась на танк, и я услышала какую-то возню, а потом непонятный крик. Я позвала на помощь разведчиков, а Маруся уже вылезла из танка и сказала: «Прикончила гада». Оказалось, что в облюбованный Марусей танк засел немецкий снайпер. Мы ушли с разведчиками в поиск, а Маруся осталась».

Не суждено было Марии Чепенец освободить свою любимую Белоруссию, она погибла под городом Ярцево на Смоленщине.

Ржевляне помнят и отважную медсестру, уроженку города Катюжанка, что под Киевом, Женю Сысоеву, выдержавшую нечеловеческие испытания двухмесячных боев в окружении в Мончаловских лесах. Тогда Евгения Григорьевна Сысоева, спасшая под Ржевом пятьдесят раненых, не раз ходила вместе с бойцами в атаку, не раз ложилась за пулемет, чтобы остановить врага. В письме следопытам средней школы № 6 она вспоминала: «В феврале 1942 года мы начали выход из окружения. 23 февраля напали на немецкий обоз, отбили хлеб. Мороз сильный, а хлеб мерзлый. Мы шли больше недели. Из нашего подразделения, где было 320 воинов, вышли только 6 человек».

Благодарность, любовь к медсестрам в стихотворении «Сестра», напечатанном в 1942 году в газете 30-й армии «Боевое знамя», выразил Сергей Васильевич Дриго, политработник 16-й гвардейской стрелковой дивизии.

День пройдет в заботах и тревогах.
Здесь давно забыта тишина.
Мины рвутся чуть не у порога.
Бой за перелеском. А она

Подойдет к больному. Сядет рядом,
Юная, в платочке голубом.
От простого девичьего взгляда
Вдруг повеет лаской и теплом.

И на миг забудешь бой тяжелый,
Ночь сырую, холод в шалаше,
Боль утихомирится. И снова
Как-то легче станет на душе.

Военный фельдшер Михаил Кузьмин вступил в бой с фашистами на рассвете 22 июня на государственной границе. Участвовал в битвах под Москвой и под Ржевом. Был командиром санитарного взвода в 363-й стрелковой дивизии, которая больше года сражалась у стен Ржева. Навсегда вошли в его память названия ржевских деревень Соломино, Ножкино, Воробьево, Клепенино.

В дивизионной газете «В бой за Родину» часто печатались заметки военврача Кузьмина. Он рассказывал о своих боевых товарищах — фельдшере Миняеве, спасшем под огнем противника 63 раненых, о санитаре Соколове, доставившем в санбат 53 раненых, о санинструкторе Самородкове, вынесшем с поля боя 58 бойцов и командиров.

Однако примером для однополчан из санитарного взвода был сам командир. Кузьмин всегда появлялся в самом пекле боя и одним из первых спешил на помощь пострадавшим солдатам и офицерам. Он полз по глубокому снегу в лютый январский мороз, карабкался через непролазную хлябь в первые, неслыханно дождливые дни августа, был на самом переднем крае в крошечные дни сентябрьского штурма Ржева. Один за другим выходили из строя и уходили из жизни бойцы его взвода, уходили нелепо, случайно, по жестоким законам войны.

«Однажды, — рассказывал Михаил Кузьмич, — мы решили разогреть снег в котелке под носом у врага. Санинструктор Толмачев разжег небольшой костер, так как раненые просили пить, а воды не было, кругом лес и снег. И Толмачев был тут же сражен разрывной пулей. Это было в феврале 1942 года».

Под Ржевом пуля миновала Кузьмина, и только в самом конце войны, в апреле 1945 года, в одном из боев на территории Венгрии, плетью повисла рука, которую пришлось ампутировать. «За четыре года я прошел семь фронтов, вынес из боя 150 тяжелораненых, но Ржев не сравним ни с чем».

В настоящее время Михаил Кузьмич Кузьмин — профессор, заведующий кафедрой истории медицины в Московском медицинском институте имени Сеченова, почетный гражданин города Ржева. Он неоднократно был в Ржеве, ходил по местам боев своего родного 1207-го стрелкового полка и вспоминал, вспоминал. . .

Бой вели ржевитяне

В битве за Ржев участвовало более трех тысяч ржевитян, жителей города и района. Ныне здесь проживают немногим более ста человек. Они воевали во всех родах войск. Мы хотим рассказать о некоторых из них.

Учитель Иван Тихомиров весной 1942 года участвовал в наступлении на Ржев в составе 348-й дивизии, которая вела бои у деревень Бахмутово, Филькино, Воскресенское. Будучи политруком третьей роты 1174-го стрелкового полка, он неоднократно поднимал бойцов в атаку.

В дни затишья политработники вели беседы, чтобы поднять дух наших бойцов, занимались контрпропагандой среди немцев.

Был такой случай. Тихомирова вызвал командир полка и спросил: «Говорят, вы знаете немецкий язык?». «Читаю по-немецки,» — несколько растерялся политрук.

«Разведчики выведут вас на передний край обороны. Скоро у немцев начнется завтрак. Вы должны воспользоваться моментом, когда стрельба утихнет, и прочитать наше обращение к солдатам противника».

Через некоторое время Тихомиров оказался в специально подготовленном окопе, недалеко от Бахмутова. До противника не больше трехсот метров.

«Товарищ политрук, вот ваша трибуна, — пошутили разведчики, — после беседы мы вернемся за вами».

Было раннее утро. Первые слова, которые прокричал Тихомиров в специальный рупор, были встречены тишиной.

«Немецкие солдаты! Вы обмануты нацистской пропагандой и злобно направлены на русскую землю! Вы найдете себе здесь могилу. Бросайте оружие и переходите линию фронта».

Когда он начал читать обращение во второй раз, началась бешеная пальба из всех видов оружия. Окоп засыпало землей, осколки попали в каску и полу шинели. Оглушенного политрука доставили на КП. Командир дивизии полковник А. С. Люхтиков объявил Тихомирову благодарность.

После войны И. М. Тихомиров много лет работал в Ржеве директором средней школы. Он и сейчас ведет большую работу в Совете ветеранов. К фронтовым наградам добавился орден Трудового Красного Знамени.

Во 2-м гвардейском мотоциклетном полку 30-й армии воевал сержант пулеметного взвода, комсорг 9-й роты, ныне слесарь завода АТЭ-3 Михаил Игнатьевич Гусев.

Начался третий этап наступления на Ржев. 4 декабря 1942 года полк пошел на штурм деревень Малахово-Волжское, Литвиново, высоты 188.

Вечером, 5 декабря, полк отправился от деревни Свиньино, к Волге. Шли маршем, прошли Бахмутово, повернули лесом вниз. На берегу собрали командиров рот, поставили задачу.

Лежали в маскхалатах на берегу Волги и ждали сигнала к атаке. Взмыла вверх ракета. Выскочили на лед. У Гусева в пулеметном расчете вторым номером был Михаил Тихонов из деревни Грибеево. Добежали до противоположного крутого берега, почти вертикального. Сразу забраться на него не удавалось. Бойцы карабкались и падали, а немцы сверху бросали осветительные ракеты. Тихонова ранило в плечо. Гусев тут же его перевязал.

Затаились под этим отвесным берегом. Немецкий огонь шел через их головы, и по откосу начали потихоньку подниматься вверх Гусев с двумя бойцами. Вот и поле. Когда гасли ракеты, они двигались вперед по-пластунски. И сразу вели огонь из пулеметов. Заняли первую немецкую траншею. Позади остались Литвиново и Малахово. Их было трое. Нашли выход из траншеи к высоте 188. К ней двинулись короткими перебежками. Перед высотой заняли круговую оборону и стали ждать подкрепления.

«Семь дней и ночей, — рассказывал Михаил Игнатьевич, — мы штурмовали эту высоту. Почти весь личный состав полка погиб. Меня ранило в ногу и щеку. Но высота 188 была взята. Командир взвода лейтенант Талабнюк приказал мне ползти в штаб и сообщить, что на высоте осталось всего несколько человек».

В боях за высоту 188 погибли ржевитяне — санинструктор Иван Самохвалов, связной командира роты Иван Значков, автоматчик Алексей Князев из деревни Зеленичено. В живых остались единицы, в том числе ржевитяне-разведчики Михаил Малышев и Александр Соловьев, автоматчик Герасим Дмитриев. Дважды раненый пулеметчик Гусев вышел из этих боев в насквозь простреленной шинели.

... В самом пекле на передовой в августе и сентябре 1942-го года все время находился уполномоченный особого отдела 375-й дивизии старший лейтенант Яков Карпенко.

Он вспоминает такой эпизод. Когда 30 июля началось наступление на Ржев, и пехота и танки пошли вперед, то из-за дождя и распутицы танки отстали. Их обстреливали в непосредственной близости от штаба 1245-го полка. Начальник штаба

капитан Новиков приказал переместить штаб несколько назад, чтобы было удобнее управлять боем, но когда пехота увидела, что штаб отходит, началась паника, и отдельные пехотинцы попятись назад.

«У меня,— вспоминает Карпенко,— было в подчинении семь солдат. Мы бросились наперерез пятившейся пехоте и остановили ее. Зачинщика паники расстреляли».

Приходилось ему вылавливать немецких лазутчиков. Так в городском лесу были пойманы два вражеских агента. Это были бывшие советские офицеры, в начале войны в Прибалтике сдавшиеся в плен и завербованные фашистской разведкой.

Сам Карпенко — сибиряк из Красноярского края. В семье у них было семеро братьев. В настоящее время в живых он остался один. Остальные погибли на фронте или умерли после войны от ран. Отвоевав, Яков Трофимович остался в Ржеве и все годы проработал в пассажирском автопредприятии.

В ржевском сражении отличился 1-й отдельный истребительный противотанковый отряд 30-й армии. Геройски бились с фашистскими танками ржевляне Василий Расторгуев, Александр Кругляков, Александр Есипов, Александр Чернышов, Владимир Бедорин, Василий Виноградов.

Когда в конце декабря 1941 года были освобождены деревни Итомлинского и Дурневского сельских Советов, эти молодые парни были призваны на службу и сразу направлены на передовую. Они остались живы и через сорок лет после Победы прошли по главной площади города в славной колонне ветеранов.

... Ржевлянину Георгию Васильевичу Орлову было семнадцать, когда он добровольцем вступил в конный корпус генерала Соколова и вместе с ним прошел через «огненный коридор» между деревнями Ножкино и Кокошкино. Это были трудные дни января 1942 года. В дальнейшем корпус попал в окружение, но Орлов остался жив, воевал в 262-й дивизии 39-й армии.

После войны почти сорок лет отработал в вагонном депо. Награждался орденом Октябрьской революции.

В боях за Ржев проявили мужество и героизм работник завода АТЭ-3 полковник в отставке М. А. Скоробогатов, бывшая медсестра А. В. Ильина, заслуженный зоотехник РСФСР И. Я. Кедров.

Ветеран 2-й гвардейской мотострелковой дивизии М. А. Скоробогатов.

Лейтенанту Скоробогатову было девятнадцать, когда летом 42-го года прибыл на фронт под Ржев. Он стал командиром стрелкового взвода 143-го полка 2-й гвардейской дивизии. За три ночи маршем около 100 километров прошел полк из Старицкого района до ржевской деревни Дешевки. В начале августа полк вступил в бой. В первые же дни понесли большие потери. В третьей роте осталось немногим более 30 человек, командир полка приказал Скоробогатову принять роту. Придали ей комендантский взвод, добавили несколько человек из других подразделений. Набралось около 80 бойцов. Поставили задачу — взять высоту.

«Настроение у меня упало,— рассказывает Михаил Андреевич,— можно ли ротой взять высоту в пойме Холынки, которую две недели не могли взять два полка. Тем более, что народ у меня в роте незнакомый, даже командиров взводов всех не знаю. Перед боем привезли американские консервы и хлеб. Командир полка сообщил, что даст 5 танков, 2 из них Т-34».

И вот рота пошла на высоту. Немцы из своих невидимых окопов встретили ее минометным и пулеметным огнем. Атака захлебывалась. Выручили танки. Пехотинцы стучали по броне

танка, показывали трассами цель, и танкисты били по пулеметным гнездам, давили их гусеницами. Обе «тридцать-четверки» ворвались на высоту. За ними вбежала рота. Противник отошел, оторвался. Наступал вечер. Рота потеряла взаимодействие с врагом. По дороге в сторону Бельково двигалась немецкая пароконная повозка. Затихли. Но кто-то не выдержал, выстрелил. Поднялся шум. Одну лошадь подбили, начали ловить немцев. И в это время из-за кустов открылась стрельба из всех видов оружия. Огненным пламенем полыхнуло на наших бойцов. Отошли, потеряв половину роты.

Утром бой продолжался. Лейтенант снова и снова поднимал бойцов в атаку, впереди уже был железнодорожный мост через реку Бойню. Но сквозное пулевое ранение в правую руку вывело командира роты из строя. Так за неделю под Ржевом и закончился фронт для лейтенанта Скоробогатова, которого после госпиталя признали лишь ограниченно годным.

Иван Яковлевич Кедров воевал в 545-м артиллерийском полку резерва Главного командования. Он был политруком 3-го дивизиона. В августе 42-го полк перебрасывали всюду, где готовилось наступление — и под Бельково, и под Дешевки, и к Полунино.

Писатель Борис Полевой на праздновании 30-й годовщины освобождения Ржева от фашистских оккупантов 3 марта 1973 года.

«Под Бельково,— вспоминает ветеран,— успеха не имели. На наших глазах почти полностью погибла 114-я курсантская бригада. У деревни Ковынево на высоком поле, как свечи, горели американские танки, из которых очень трудно было выбраться нашим бойцам. Мы прямой наводкой расстреливали немецкие танки. В одном из боев дивизион подбил три танка. За этот бой я получил орден Отечественной войны II степени».

Несколько дней дивизион стоял в деревне Поволжье, вел огонь по усадьбе Знаменское, расположенной за Волгой, поддерживал пехоту и танки на волжской переправе. Здесь не стихал кровавый бой, шли на дно наши солдаты, застывали танки. На переправе у Знаменского до 1948 года в Волге стояли три наших подбитых танка. Отсюда, из деревни Поволжье, Иван Кедров и его бойцы из дальнобойных орудий вели прицельный огонь по деревне Медведево, где у немцев был узел связи ржевской группировки войск.

Не может забыть политрук Кедров и кровопролитных боев в Городском лесу, где из передних траншей невозможно было выносить раненых. Ночью зарывали трупы в траншеях, в которых сидели днем, а рядом рыли для себя новую.

Скоробогатов и Кедров все послевоенные годы ведут большую героическо-патриотическую работу среди молодежи, являются руководителями городского и районного Советов ветеранов войны.

Фронтовые будни

В октябре 1942 года армии Западного и Калининского фронтов под Ржевом перешли к обороне. Отдельные дивизии отводились с Ржевского выступа на другие фронты. Отбыла под Сталинград в середине октября и 2-я гвардейская дивизия генерала П. Г. Чанчибадзе, потерявшая у стен Ржева более 10 тысяч своих воинов. Отбыла, чтобы прославиться в составе 2-й гвардейской армии Р. Я. Малиновского у реки Мышкова.

Дивизии 30-й армии и ее правого соседа — 39-й армии занимали оборону по левому берегу реки Волги, за исключением нашего плацдарма у Знаменского на правом берегу, и разрушенных кварталов Ржева на левом берегу, в которых удерживались немцы.

И в обороне на передовой почти никогда не смолкала смертоносная музыка войны: грохотали орудия, рвались снаряды и мины, трещали пулеметы и автоматы, свистели над головами бойцов пули. Неоднократно на разных участках ржевского плацдарма враг переходил в атаки или наши дивизии атаковали врага, но чаще всего успеха не добивались.

Наша оборона в стрелковых подразделениях строилась за счет станковых пулеметов в дзотах и «кочующих» ручных пулеметов, из которых стреляли с различных участков обороны командиры отделений и взводов, создавая видимость большой плотности огня. Стрельба из «сорокопяток», как любовно называли артиллеристы 45-миллиметровую противотанковую пушку, так же велась не с основных огневых позиций, а с временных.

Наше командование требовало ночами постоянно беспокоить фашистов огнем, чтобы они не грелись в своих хорошо оборудованных блиндажах, а мерзли в траншеях.

Жизнь в обороне делилась на два периода: ночной, когда все бодрствовали, и дневной, когда все спали, а один бодрствовал на посту. Фронт оживал к вечеру: в небо взлетали ракеты, и вражеские пулеметчики, чередуясь, начинали вести неприцельный огонь трассирующими и разрывными пулями.

Ночью передовая выглядела даже красивой: постоянно висели разноцветные ракеты, в разных направлениях сверкали желтые и красные нити трассирующих пуль. В наших частях ракеты использовались экономно, только в качестве боевых сигналов и очень редко для освещения местности, а немцы, боявшиеся наших разведчиков и внезапных ночных атак, ракет не жалели. Иногда они кричали: «Рус, когда будешь нам платить за освещение?».

В обороне активно действовала полковая и дивизионная разведки. К операциям разведчики тщательно готовились. Перед поиском они долгое время изучали немецкий передний край. Саперы в канун поиска разведчиков проделывали проходы в минных полях и проволочных заграждениях, стараясь, чтобы враг не заметил этого и не устроил засады. Разведчики были вооружены пистолетами, автоматами, гранатами, финскими ножами, имели ракетницы, веревки, мешки. Иногда вылазку разведчиков с самого начала обеспечивали артиллеристы, которые вели огонь по передовой врага, а затем переносили его вглубь вражеской обороны, чтобы не поразить разведчиков, ворвавшихся в немецкие траншеи.

Об одном из поисков наших разведчиков вспоминает бывший полковой инженер 1227-го стрелкового полка 369-й дивизии Г. И. Кравченко: «В ночь под новый, 1943-й год, группа полковых разведчиков старшины Леонова вышла в поиск. К 23 часам наши саперы подготовили проход в минном поле. Над передовой стоит необычная тишина. Только над Знаменским нет-нет взлетит мертвенно-бледная ракета. Сержант Гринченко и сапер по ложине на нейтральной полосе подползли к немецкому проволочному забору. Слабый щелчок ножниц, и опустились концы двух разрезанных нижних проволок. Осторожно отодвинули их в сторону. В проход проскользнули два разведчика группы захвата. Сапер и разведчики группы прикрытия остались возле прохода.

Леонов и два разведчика бесшумно проскользнули в ход сообщения, ведущий в боевое охранение, и, поднявшись в рост, под видом смены стали приближаться к окопу вражеского поста. Из него выглянули две тени немцев. Подойдя к окопу, сильный и ловкий Белов прыгнул вперед и обхватил руками обоих немцев за шею. Один из них, рослый и дюжий фриц, разжимая руки Белова, вскрикнул. Леонов ударом кулака оборвал вопль врага. Подхватив полузадушенного плюгавого «гансика», оборвав телефон и захватив пулемет, разведчики устремились к проходу в заборе. И зазуммерили телефоны: в полк, в дивизию — «язык взят».

Около 24 часов ночь вспыхнула. Одна за другой десятками взлетели над немецкой обороной ракеты. Ударили пулеметы. Дружно заработали наши «максимы» и «дектяри». Над нами зашелестели снаряды.

Однажды в плен попал немецкий унтер-офицер, который шел к русским траншеям на участке 965-го стрелкового полка 274-й дивизии захватить русского «языка». Оказалось, что этот

унтер, награжденный за храбрость фашистским крестом, на офицерском банкете в Ржеве заключил пари, что он в ночь под Рождество один из без оружия добудет «языка». Ночь была лунная, и фашист, идя к русским окопам, не подозревал, что он давно уже на мушке лучшего снайпера полка Владимира Коровина. Когда немец был уже близко, снайпер крикнул: «Стой! Хенде хох! (Руки вверх!)» и позвал на помощь своих товарищей из боевого охранения. Немец шел в сторону Коровина с поднятыми руками, а тот, держа его на мушке, отползал назад, давая возможность своим товарищам захватить фашиста живым.

Так попал в плен здоровенный, атлетического сложения фашистский унтер-офицер, давший нашему командованию ценные сведения. При обыске у немца нашли не только документы и фотографии, но и гранату. Таким образом, унтер-офицер обманул своих офицеров, обещая идти в русскую траншею без оружия.

Под Ржевом прославились многие наши разведчики. Разведчик 274-й стрелковой дивизии Николай Меньшиков, к концу войны захвативший 136 «языков», стал полным кавалером ордена Славы.

Проводили поиск в нашей обороне и немецкие разведчики. Были случаи, когда им удавалось захватить под Ржевом наших бойцов и уносить их в качестве «языков». Для бойцов это была большая беда. Ветеран Б. Г. Мельников вспоминает, как однажды, когда его расчет 45-мм пушки из 4-х человек расчищал траншеи и ходы сообщения у деревни Горки от снега, артиллеристы, увлеченные работой, не заметили подползавших к ним немецких разведчиков. Спас их наш пулеметчик, увидевший немцев и открывший огонь. Артиллеристы, выглянув из-за бруствера, увидели в 40—50 метрах немцев в маскхалатах, которые уже отходили, ведя автоматный огонь. Мельников и его товарищи бросили гранаты — лимонки. В это время взвилась ракета и по нашей траншее немецкая артиллерия открыла сильный огонь.

В обороне налаживался военный быт. Блиндажи отапливались ночами чугунными печками-временками, на которых сушили одежду, портянки, натапливали воду из снега, подогревали замерзший хлеб. Регулярным и полноценным становилось питание: на передовой получали мясной суп, мясо, кашу, масло, сахар. Но доставляли горячую пищу в траншеи и блиндажи от военно-полевой кухни по очереди сами бойцы, добиравшиеся чаще всего ползком под непрерывным огнем врага.

На фронте запрещалось вести дневниковые записи. Но желание запечатлеть, сохранить память о каждодневных событиях жесточайшей войны заставляло отдельных воинов брать за химический карандаш. Бывший инспектор политотдела 30-й армии Н. С. Голубев до сих пор хранит как самую дорогую фронтовую реликвию маленькую записную книжку с выцветшими страничками. В ней Николай Сергеевич в 1943 году вел ежедневные краткие записи, которые многое могут воскресить в памяти автора.

Инспектор политотдела 30-й армии Н. С. Голубев.

Вот несколько записей, сделанных в феврале-марте 1943 года под Ржевом: «22.02.43. Ночь по траншеям-окопам. Свистят, но мимо. Стреляю из «максима», немцев потревожил. Должна быть наша инициатива. Они открыли огонь — трескотня. Беседа о 25-лети Красной Армии с бойцами. Мины противника. Немного — легко поцарапал.

23.02.43 г. Под трескотню написал поздравление домой и другим. Немного уснул после перевязки. Да, сегодня 25 лет РККА. Славный ее боевой путь. Но эта слава еще умножится в тысячу раз в борьбе с германским империализмом, хищным зверем. Час победы приблизим. Его ждем мы и все народы Родины. Переехали в 965-й стрелковый полк к Коршенову. Да, неладно у него с работой. Нет огонька. Много кокетства. Не здесь ему работать, часть-то боевая, нужна живость.

24.02.43. Работа идет удачно у Сергеева и Першакова. Вечером отдых и кино «Его зовут Сухэ-Батор».

26.02.43. Вызвали в 3—4 часа ночи на задание. Попали под огонь. Ничего страшного. В одном блиндаже: «22 июня, ровно в 4 часа Киев бомбили, нам объявили, что началась война. . . ». В другом: «Выйди, подруга, к поезду друга. . . ».

1.03.43. Разговор с товарищами — воспоминания и мечты о послевоенном периоде. А жизнь какая будет! Радости!

2.03.43. Встал на ноги. Улица. Стало легче. Новость и радость неопишемая — приказом Западного фронта от 12.02. 43 № 0169 награжден орденом Красной Звезды...

Пусть лучи звезды на груди освещают мне путь на запад. Зовет на месть врагу — вандалу и убийце. Высокую награду превысить своей боевой работой. Письма домой. Пусть тоже знают мои обязательства.

3.03.43. Получил задание в 274-ю к т. Сергееву. Наши войска окружили Ржев. . . Противник отходит. Взрывает. Итак, судьба немецкой ржевской группировки спета. Ура! Прошел 45 км. в сапогах за пять часов.

4.03.43. Ржев — ты снова свободный. Кругом руины. Что осталось? Заминированная церковь, столб и часы. Идем дальше. Наждем, передовики. Вперед!».

В обороне иногда выдавались дни и часы, когда на передовой наступала временная тишина. О таких днях под Ржевом написал в 1942 году ветеран 16-й гвардейской дивизии, подполковник в отставке, журналист и поэт Сергей Васильевич Дриго:

Вторые сутки тишина:
Молчат окопы,
Дремлют дали. . .
Заколебалась война—
Враг выдохся. . .
А мы устали.

В период кратковременного затишья бойцы, где это позволяли условия, собирались в группы, беседовали, читали газеты, пели песни, играли на гармошках. Коллективные чтения даже суровой зимой 1942—43 гг. проходили прямо в траншее, на холоде. В блиндажах было темно, они освещались керосиновыми коптилками, дававшими мало света и много копоти, от которой лица бойцов становились черными.

Получали и писали письма. Иногда приходили письма от незнакомых девушек, холостые бойцы завязывали с ними дружескую переписку.

Приходили посылки с подарками: носками, кисетами для махорки, носовыми платками.

«Я лично храню,— вспоминает ветеран 136-й отдельной стрелковой бригады И. Т. Дубина,— как дорогую для себя памятную вещь — кисет для табака. Я этот скромный подарок получил в боях за город Ржев, в кисете была записка без адреса с пожеланием поскорее разгромить врага и остаться живым и невредимым».

Особое место во фронтовом быте занимала песня. И пели песни на фронте с особым чувством. Об исполнении песни на фронте хорошо сказал поэт Ярослав Смеляков: «Песню петь-то надо с толком, потому что между строк и немецкие осколки и блиндажный огонек».

Пели разные песни — и грустные, и шуточные, и песни гражданской войны, и песни Великой Отечественной войны. Бывший начальник химической службы 44-го гвардейского артиллерийского полка 16-й гвардейской стрелковой дивизии Г. Р. Секачев записал свыше 30 наиболее популярных песен, которые пели под Ржевом. В этом репертуаре были песни исторические — «Ермак», «Стенька Разин», «Варяг», народно-бытовые — «Коробейники», «Ухарь-купец», «Златые горы», песни гражданской войны — «По долинам и по взгорьям», «Партизан Железняк» и другие, часто пели «Священную войну».

Ветеран 16-й гвардейской дивизии Г. Р. Секачев.

Большое впечатление производили на бойцов нечастые вообще-то выступления перед фронтовиками артистов.

О том, как потрясло бойцов под Ржевом впервые прочитанное на концерте стихотворение Константина Симонова «Жди меня», вспоминает бывший командир артдивизиона 44-го гвардейского артиллерийского полка 16-й гвардейской стрелковой дивизии И. И. Камисов: «Концерт начался задорными

плясками. Потом попеременно шли песни, декламация и снова песни. Одним словом, шел обычный концерт. И вот на «сцену» вышла миловидная артистка. И мягким задушевым голосом начала так трогательно и выразительно читать новое, неизвестное нам, стихотворение, что слова его мгновенно доходили до самого сердца. И от такого душевного состояния артистка казалась нам сказочной красавицей, неведомо как попавшей на этот изуродованный клочок земли.

А она говорила, и, казалось, произносила вслух те слова, которые мы носили у самого сердца, тая от всех:

«Жди меня, и я вернусь,
Только очень жди. . .
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди. . . »

Постепенно суровые лица воинов потеплели. Крепко, до боли сжимали они автоматы. У многих на глазах сверкнули алмазинки слез.

Но вот артистка кончила. Замер последний звук ее голоса и на мгновение наступила мертвая тишина. . . Такой тишины мы давно не ощущали.

И вдруг. . . Нет, что произошло вдруг, словами не выразить, это нужно было видеть, самому пережить. Все вскочили, подняли вверх автоматы, и неистовая клятва верности вырвалась из тысяч уст.

На следующий день «Жди меня» жило уже во всех землянках и блиндажах».

В августе 1942 года под Ржевом выступал джаз-оркестр Леонида Утесова. В газете 16-й гвардейской стрелковой дивизии «На штурм врага» было опубликовано письмо заслуженного артиста республики Утесова: «Наш коллектив обслуживает в настоящее время бойцов, командиров и политработников вашего фронта. Вчера мы с большой радостью начали выступления в вашей гвардейской части. . .

Музыка, песня, художественное слово стали в дни Великой Отечественной войны мощным средством, вдохновляющим советский народ на разгром фашизма.

Владея этим оружием, мы всемерно стремимся использовать его для помощи Родины в скорейшем разгроме врага. Желаем вам, товарищи, новых побед».

В бессмертье отдавал приказ

В плену бессонниц постоянных
Я слышу, не смыкая глаз:
«Вперед!» — полковник Куприянов
В бессмертье отдает приказ.

Виктор Тарбеев

В центре Ржева на высоком холме рядом с обелиском могила генерала А. Ф. Куприянова. Он был освободителем города, и имя его в ржевской летописи останется навсегда.

В одиннадцать лет подпасок в родной деревне Голенищево, что на Смоленщине. Первая мировая война. Голод. Семья без кормильца. Андрей подается на заработки в Смоленск. Подростком работал на пивоваренном заводе. Мужал, набирался ума быстро. На дворе шел 1917 год. Перешел в трамвайные мастерские, слесарничал. За два года в рабочей спецовке прошел университеты жизни. Но вот настала пора, стукнуло девятнадцать, и, как поется в известной песне: «Дан приказ ему на Запад. . . » Бил Пилсудского на Польском фронте.

Романтика боевой комсомольской юности. Решение было принято — он должен стать красным командиром. Надо учиться. И он учился. Учился жадно, вдохновенно, старательно. Сначала Смоленское пехотное училище, затем академия имени Фрунзе.

И вот уже полковник Андрей Филимонович Куприянов сам становится воспитателем и наставником будущих офицеров.

Перед войной он — заместитель начальника Свердловского пехотного училища. Курсанты гордились своим командиром и старались ему подражать.

В самое тяжелое для Родины время, осенью 1941 года, Куприянов во главе 48-й курсантской стрелковой бригады прибыл под Москву. Разве сможет наш народ когда-нибудь забыть великий подвиг юношей, подольских, кремлевских, свердловских курсантов — навеки девятнадцатилетних парней, оставшихся лежать на полях Подмоскovie. Курсанты Куприянова почти до единого (а их было более тысячи) пали смертью храбрых осенью и зимой 41-го года на Калининском фронте. Полковник плакал, не скрывая слез, когда 48-я курсантская стрелковая перестала существовать.

Битва за Ржев уже миновала первый трагический этап, уже установилась стабильная линия обороны, когда в мае 1942-го года была сформирована 215-я стрелковая дивизия, командовать которой было доверено оставшемуся в живых в 41-м полковнику Куприянову. И снова от далекого Урала эшелон идет на запад, снова Калининский фронт, 30-я армия под Ржевом.

Шел второй этап летнего наступления на Ржевский выступ. В первых числах сентября дивизия получила приказ одним стрелковым полком форсировать Волгу возле дома отдыха имени Семашко, чтобы расширить плацдарм у Знаменского и наступать западнее Ржева в направлении деревень Гришино, Перхурово, Домашино. Овладев ими, она должна была отрезать пути отхода ржевской группировки врага. Однако неоднократные попытки переправиться на другой берег, оказались тщетными. Бойцы или шли на дно, или возвращались в свои траншеи. Существенно расширить правобережный плацдарм не удалось. Тогда задача была изменена. Теперь бойцам было приказано пройти по левому берегу вверх и форсировать Волгу у деревень Строево-Смыкovo. Но и эта операция была безуспешной. Куприянов видел, как страдают от неудач его солдаты и командиры, как рвутся они в бой, и как нужно им сейчас прямое столкновение с противником, пока не истаяли силы дивизии. И такой момент настал. 20 сентября 215-я получила приказ наступать непосредственно на Ржев. 24 сентября полки дивизии ворвались на северо-восточную окраину Ржева, их вел полковник Куприянов. Высокий, в ладной полевой гимнастерке, он появлялся на передовой всюду и ободрял, поднимал бойцов в атаку. Уральцы, ярославцы, ивановцы дрались яростно, иступленно. Бои в городских кварталах то и дело переходили в рукопашную. Как рассказы-

вал очевидец тех событий, ржевлянин, преподаватель В. М. Хренов, тогда живший у Казанской церкви на Красноармейской стороне Ржева, в сентябре каждое утро слышалось мощное «ура!».

Части 215-й дивизии очистили несколько кварталов Ржева. Но дальше ни эта дивизия, ни несколько других, наступавших рядом, продвинуться не смогли. Настолько мощно был укреплен фашистами каждый дом, каждый квартал.

Командарм приказал Куприянову закрепить завоеванные рубежи и перейти к обороне. Немцы пытались отрезать нашу городскую группировку. При поддержке танков и артиллерии они 2 октября повели контрнаступление на всем фронте дивизии, но, встретив упорное сопротивление, вынуждены были откатиться назад.

Зимой 42—43 годов фронт дивизии расширился до протяженности 18 километров. 215-я заняла позиции постепенно переведенных из-под Ржева 2-й гвардейской, 375-й, 52-й стрелковых дивизий. В феврале 1943 года 215-я держала фронт на линии кирпичный завод — совхоз «Зеленькино», северо-восточная окраина Ржева по реке Холынке.

За полгода противостояния командир дивизии еще лучше узнал и полюбил своих солдат и офицеров, прибывших на фронт со всех концов нашей необъятной Родины. Он высоко ценил истребителя танков Нуриманова, отважного пулеметчика Александрова. Куприянов сам представлял к наградам, а затем вручал за подвиги в боях при штурме Ржева ордена Красного знамени политруку Лопатко, лейтенанту Кузнецову, рядовому Казанкину. Таким же орденом в октябре 1942 года был отмечен и подвиг самого комдива. В начале февраля Куприянову было присвоено звание генерала. В те времена под Ржевом это было очень редким фактом. Тем самым отмечалась его боевая воинская доблесть, высокий профессиональный уровень военного.

2 марта 1943 года, получив приказ о наступлении, 215-я решительно вошла в город со стороны Калининских домов, деревень Хорошево, Абрамково. 3 марта передовые части дивизии вышли на Советскую площадь, Куприянов вошел в город вместе с пехотой.

Андрей Филимонович стоял в окружении штабистов на высоком берегу Волги и смотрел на разрушенный город. Вот он, Ржев, за который отдали жизни тысячи и тысячи его товарищей по оружию и в который ему было суждено войти одному из первых. Но останавливаться нельзя было ни на один

день. Командарм приказал преследовать быстро отступающего противника и ни в коем случае не дать ему ускользнуть от боя.

Вскоре дивизия вступила на родную для Куприянова смоленскую землю. И снова непрерывные кровавые бои с арьергардными подразделениями отступающего противника.

Штаб дивизии остановился в селе Ново-Лыткино. Был солнечный мартовский день. С утра 20 марта Куприянов провел в штабе дивизии совещание с командирами, затем побывал на передовой. Солдаты уже привыкли к его ободряющему, с доброй нотой, такому знакомому голосу: «Давайте, ребятки, поднажмем и скорее прогоним фашистов с моей родной Смоленщины». Эти простые слова генерала были доходчивее и сильнее любой агитации.

Под вечер этого дня на одной из фронтовых дорог сошлись части двух дивизий — 215-й генерала Куприянова и 369-й полковника Хазова. Дорога проходила через деревушку Большой Монастырек, расположенной на высоком холме. Враг молчал. Его арьергардные подразделения укрепились в лесу, в двух-трех километрах от деревни, и выжидали, когда на высоту выйдет как можно больше наших войск.

Уже на закате солнца по деревушке неожиданно ударили 20 вражеских батарей. Генерал Куприянов в этот момент находился в маленьком домике, где разместилась оперативная группа штаба его дивизии. После первых выстрелов он выбежал на крыльцо и сразу же был ранен осколком разорвавшегося рядом снаряда. Через несколько мгновений еще один снаряд разворотил две стены домика, обрушил печь. Были убиты находившаяся на печи женщина и четверо сидевших за столом офицеров штаба.

Артналет закончился через 15 минут. Раненого генерала повезли в медсанбат, но по дороге он скончался.

По распоряжению командарма, Куприянова, как освободителя Ржева, повезли хоронить в этот город.

22 марта в письме жене Куприяновой Сарре Руфимовне и детям Тамаре и Владимиру командующий 30-й армией генерал-лейтенант Колпакчи писал: «Сегодня мы проводили нашего боевого друга к последнему покою. Старинный русский город Ржев, который первыми очистили от фашистской нечисти части товарища Куприянова стал последней вехой в его жизни. Город будет вечно чтить память о большевистском генерале Андрее Филимоновиче Куприянове. Весь боевой коллектив армии выражает вам свою глубокую скорбь».

Почти полвека прошло с того дня, когда в освобожденный Ржев вступил генерал Куприянов. Пройдут новые десятилетия, а имя его останется для города легендарным.

На всю оставшуюся жизнь

Им, потерявшим в огне Великой Отечественной войны сыновей, мужей, отцов, братьев, осталась только память. Память эта светлая и горькая, мучительная и печальная. Память до конца дней своих. Десятки тысяч мужчин и женщин, часто уже преклонного возраста, сквозь годы и расстояния стремятся представить, как сражался и погиб под Ржевом дорогой им человек. Многие еще и поныне не теряют надежду, что их сын, брат, муж или отец жив. Они как священную реликвию хранят их фронтовые, чаще всего оптимистичные, письма-треугольники, пишут запросы в военкоматы, переписываются с учащимися школ — красными следопытами, и, если представляется возможность, приезжают в Ржев, чтобы склонить седую голову у могилы Неизвестного солдата или у братской могилы, десятки которых разбросаны вокруг Ржева.

Вот только три имени из десятков тысяч, погибших в боях за освобождение нашего города.

В речном училище в городе Горьком есть стенд, посвященный воспитаннику училища Александру Ивановичу Анфимову, погибшему осенью 1942 года под Ржевом. За месяц до гибели ему исполнилось 23 года. Он не успел получить боевых наград, но вся его короткая жизнь — это жизнь героя, жизнь типичная для целого поколения, защитившего Родину в самой кровопролитной войне.

Родные и все знавшие Сашу запомнили его как исключительного жизнерадостного, доброго, способного и честного парня. С детства обладая организаторскими способностями, Саша организовывал различные спортивные игры и соревнования, сам занимался многими видами спорта — от коньков до бокса. Он много читал, проводил во дворе вечера художественной самодеятельности.

В декабре 1939 года Александр Анфимов с группой комсомольцев ушел добровольцем на финский фронт. Вернувшись с фронта домой, он побывал в родной семье только четыре дня и 1 апреля 1940 года уехал в город Череповец, где поступил в военное пехотное училище. «Живым мы его больше не видели», — пишет его сестра М. И. Алявдина.

Училище окончено на третий день войны — 24 июня 1941 года. Калининский фронт. Командир взвода мото- и конной разведки 1237-го стрелкового полка. Ранение.

Из госпиталя в городе Родники Ивановской области его мать получила письмо: «Милая мама! Завтра, наверное, меня выпишут из госпиталя, и я рад, что снова буду в строю. Ах, если б только опять попасть в разведку! Больше, мамочка, спокойствия и твердости. В грозные дни гражданской войны и революции ты была достойной подругой большевика-партизана, а теперь нужно быть достойной сына-бойца. Беспokoюсь за твое здоровье, мамочка. Твой сын Саша».

После госпиталя лейтенант Анфимов вновь был направлен на Калининский фронт. Здесь он возглавил роту 130-й отдельной стрелковой бригады, входившей в состав 30-й армии. Александр Анфимов погиб в жестоких боях западнее Ржева, когда часть подразделений 30-й армии вместе с армиями Западного и Калининского фронтов начала третье общее наступление на Ржевский выступ.

О его последнем бое и гибели матери написал однополчанин, капитан медицинской службы Петр Иосифович Мельник: «Саша был командиром 1-й роты. . . Его роту посылали то на поддержку разведки, то в другие ответственные места. 24 ноября нашей бригаде было дано ответственное задание: овладеть высотой вблизи деревни Ванеево, продвинуться дальше и перерезать железную дорогу Ржев-Нелидово, захватить железнодорожную станцию Чертолино. 25 ноября рота, которой командовал Саша, вступила в бой с фашистами. Первоначальное задание было выполнено: противник из роши, где начался бой, был выбит. Под вечер того же дня фашисты пошли с танками в контратаку. Саша со своими бойцами мужественно отразил контратаку. . . Утром 26 ноября фашисты снова пошли в контратаку, при отражении второй контратаки врага он погиб от разрыва снаряда. Сашу принесли на носилках к Волге, и на берегу Волги он был похоронен вместе с многими другими товарищами, погибшими в этом бою. . .».

Прах старшего лейтенанта Анфимова покоится в деревне Кокошкино, недалеко от Волги, той великой русской реки, на которой он родился и которую защищал.

Александра Федоровна Дорофеева, мать погибшего в августе 1942 года в ржевском Городском лесу командира взвода лейтенанта Виталия Петровича Дорофеева, узнала о гибели своего 20-летнего сына не только из похоронки, но и из писем его командира А. М. Гармашева. В письме, написанном в госпитале 26 октября 1942 года, он рассказал, как погиб Виталий.

Он был тяжело ранен осколком снаряда, помощь оказывать было некому. О большой сыновней любви свидетельствуют светлые, оптимистичные письма Виталия с фронта, из госпиталя в городе Вичуге Ивановской области, с курсов младших командиров в Калининне.

В письме из Калинина 3 апреля 1942 года он писал: «Мама, я получил от Лены Кузнецовой письмо, она жалуется, что невесело. Я ей ответил, что люди воюют, проливают кровь, а она думает о веселье. Мне, может быть, еще скучнее, но я не подаю виду. Наоборот, веселюсь, когда наша армия гонит немцев на запад. . . Мамочка, не горюйте ни о чем, наоборот, надо веселиться, что враг отступает и, значит, война близится к концу».

Хочется, мама, вас увидеть. Как рад я, что в ночь на 3 апреля видел тебя во сне. Но ничего, жив останусь, увидимся. Мама, я все беспокоюсь за тебя, что ты, наверное, не бережешь свое здоровье. Питайтесь лучше, а одевайтесь похуже».

Только в конце 1970 года решилась мать искать место захоронения сына. В письме ученикам историка-краеведа М. П. Горской она просила узнать, «есть ли братская могила. Я поехала бы возложить венок, отдать свой материнский долг, выплакать последние материнские слезы».

Из Ржева в Пинск пришел ответ, что по данным военкомата лейтенант Дорофеев Виталий Петрович, 1922 года рождения, погиб 20 августа 1942 года в лесу в трех километрах восточнее Ржева. Похоронен в братской могиле «Курган» в городе Ржеве.

В ответном письме Александра Федоровна писала: «Все эти годы после войны я жила надеждой, что мой любимый сын, может быть, где-нибудь еще жив. Вот почему я так долго нигде не давала розыск о нем, но теперь все — как ни больно, как ни тяжело мне, но надо согласиться, что он уже не возвратится. . . Как мне хотелось бы посетить «Курган» в городе Ржеве и преклонить свою седую голову над могилой погибших в большинстве молодых ребят, которые по зову Родины встали в бой с проклятыми фашистами. Да, мы не должны их забывать и не забудем, они навечно в памяти у нас и у нового подрастающего поколения».

Евдокии Васильевне Комаровой не довелось сохранить два фронтовых письма своего мужа — мастера Ржевской фабрики колодок Николая Федоровича Комарова, ушедшего на фронт с начала войны. Письма сгорели вместе с домом ранним сентябрьским утром 1941 года, когда вражеская авиация бомбила Ржев.

Усадил у себя на койке —
Поблдневший, одутловатый,
Все шутил про свои осколки,
Что уже разыскали пятый,
А шестого — по донесениям,—
Как ни роют — никак не выкопют,
И приходится — нет спасения —
Ждать, пока всего разминировать.
Но внезапно будто сломалась
Им придуманная броня...

К. СИМОНОВ

Какое-то время жили с четырехлетней дочкой Тamarой у знакомых в деревне Домашино, откуда Евдокия Васильевна ходила на строительство оборонительных рубежей. Участились бомбежки Ржева. Фронт приближался. Фабрика колодок эвакуировалась в Марийскую автономную республику.

В середине октября, когда фашисты оккупировали Ржев, перебрались с дочкой к родителям мужа — под Зубцов — в деревню Векшино. Потянулись долгие и страшные одиннадцать месяцев оккупации...

В конце августа — начале сентября 1942 года деревня Векшино оказалась на линии фронта. 31-я армия Западного фронта, освободив 23 августа Зубцов, вела наступательные бои за Ржев. Жители ее несколько дней прятались в землянках, вырытых в крутом склоне высокого берега реки Гостижки, которая делила деревню на два посада. Перед отступлением фашисты сожгли деревню.

Командир вступившей в Векшино красноармейской части сказал, что жители должны немедленно уходить на восток, в сторону освобожденного Зубцова. Здесь, мол, еще будут бои. «Я шла с дочкой на руках по тропинке, — рассказывает Евдокия Васильевна, — возле Зубцова увидела, что в колонне наших солдат, идущих по соседнему большаку, кто-то машет рукой. Говорю дочке: «Кто-то нам подает знак». А она отвечает: «Это папа».

Тут командир колонны издал крик: «Гражданка, как ваша фамилия?» — «Комарова», — отвечаю.

А он: «Комаров, выйти из строя!» — и колонну остановил. Вижу, муж бежит к нам. Расцеловались. Заплакала я. Поговорили только несколько минут. Сказал, что узнал нас издала по дочкиному красному пальтишке. Спросил, куда идем. Ответила, что сама не знаю. И он попросил остановиться за городом Зубцовом в уцелевшей деревне Воймерово. Буду, говорит, знать, куда писать. Предложил взять сырой картошки из своего вещмешка. Простились. Колонна пошла в сторону Ржева. А мы остановились, как и советовал муж, в деревне Воймерово. Устроилась работать в воинской части. Однажды прибежала из соседней деревни девочка-подросток, спрашивает: «Где тетя Дуся Комарова живет?» — «Здесь», — говорю.

Попросили передать, что тяжело ранен Николай Комаров и после операции лежит в полевом госпитале в деревне Ельчино.

Бросила все и побежала. Это рядом — меньше километра. Направили в дом с тяжелоранеными. Вижу, муж лежит на животе. Говорит с трудом. Был в бою где-то недалеко от родной деревни — настоящая мясорубка. Ранен разрывной пулей. Долго лежал на поле в луже. С поля боя вынес знакомый солдат — земляк из деревни Пульниково, что в нескольких километрах от Векшино.

Операцию делали без наркоза — от боли ругался на чем свет стоит. Дали хлеба белого, хотел дочке Тамаре оставить, да появился зверский аппетит — весь сам съел.

Около трех часов просидела Евдокия Васильевна рядом с мужем. Он ее успокаивал, говорил, что скоро поправится, просил идти к дочке, обещал писать. Подошел врач, проверил у раненого пульс.

«Большое счастье, что вы на фронте встретили мужа. Пора уходить», — сказал доктор.

«А на следующий день», — говорит Евдокия Васильевна, — мужа в Ельчине уже не увидела. Хозяйка дома рассказала, что вскоре после моего ухода его накрыли простыней и куда-то унесли».

О муже и отце на всю жизнь остались только память о свиданиях на фронте и единственный документ-извещение: «Ваш муж, красноармеец Комаров Николай Федорович, уроженец деревни Векшино Зубцовского района Калининской области, находясь на фронте, был ранен и умер от ран 11 октября 1942 года».

Колокола памяти

В канун дня Победы в мае 1986 года у деревни Звягино возле автостреды Москва-Рига был открыт мемориал в память о расстрелянной деревне Афанасово и всех жертвах фашизма на ржевской земле. В центре мемориала на фоне обугленной избы мы видим фигуру умирающей матери с расстрелянным ребенком на руках.

На десятки километров вдоль реки Сишки простиралась «мертвая зона». Более ста ржевских деревень разделили судьбу Хатыни. Была среди них и небольшая лесная деревня Афанасово, расположенная вдали от дорог. Трагедия свершилась 5 февраля 1942 года.

«Накануне», — рассказывает нам свидетельница тех событий Лина Михайловна Румянцева из деревни Звягино, — недалеко от Афанасово под мостом был обнаружен труп убитого немецкого офицера. В убийстве подозревали заведующую сельским клубом коммунистку Анну Федоровну Беляеву и ее дочь Нюрку, по прозвищу «певка», чей голос славился на всю округу. Клуб был на горе, а наша землянка как раз напротив. На следующее утро в Косарово (это моя родная деревня) и расположенное через ручей Афанасово вошли танки. И началось. Они выгнали на улицу, на мороз всех жителей Афанасово: женщин, детей, стариков. В этой деревне укрывались и оказавшиеся в окружении отдельные группы воинов 29-й армии. Всех погнали на расстрел. Стоны, плач, мольбы о пощаде — все было напрасно. Я сама видела, как расстреливали людей у высокого тополя прямо посередине деревни. Стреляли в затылок, раненые ползли, их добивали. Рядом с матерью упала навзничь красавица Нюрка — «певка», рядом легла семья Лисичкиных — бабушка, мать и трое детей, младшему из которых, Коле, было 2 года. Одними из первых были расстреляны председатель колхоза Александр Петрович Воинов и его жена Федосья Николаевна. Воинов встретил смерть в лицо, и, падая, пытался заслонить собой жену.

Обмороженных, безоружных наших воинов убивали прямо возле домов, в блиндажах и землянках, забрасывали их гранатами. Мы чудом остались живы, потому что до нашей землянки за ручьем не дошла очередь. Короток февральский день, быстро стемнело, и изверги убрались из деревни.

На следующий день они появились снова. Выгнали всех оставшихся в живых из деревень Косарово и Ельцово. Все прощались с жизнью — решили, что на расстрел. Но нас

Памятник-мемориал у д. Звягино.

погнали убирать трупы. Мы возили их на дровнях, складывали по 6 человек. За подводами шли автоматчики. Даже мертвых они боялись. Тела мы складывали за Ельцовым в воронке. Там и сейчас бугорок и скромный обелиск».

75 дворов было в деревне, осталось 4 дома, 66 человек, в их числе 10 военнослужащих, расстреляли каратели в тот страшный день. Всех побили фашисты — Воиновых, Балашовых — 9 человек, Лисичкиных — 8 человек, Образцовых, Крыловых, Виноградовых.

Летом 1987 года нам довелось беседовать с очевидцами Афанасовской трагедии. Чудовищные факты зверств оккупантов приводили Мария Ивановна и Екатерина Петровна Воиновы из Афанасово, Мария Федоровна Цветкова из деревни Мироново, Наталья Тимофеевна Комарова из деревни Светителево.

В деревне Брехово, что в трех километрах от станции Чертолино, в сараях и амбарах фашисты разместили более тысячи местных жителей. Из этого своеобразного концлагеря изможденных голодом людей гоняли на работы по 13—16 часов в сутки. От голода и болезней только за два месяца умерло более 400 человек. После освобождения деревни в одном из сараев было обнаружено 29 мальчиков и девочек, которые походили на живые скелеты и сами не могли передвигаться.

У деревни Колпашниково в Медведевском лесу фашисты облили бензином и заживо сожгли более ста пленных красноармейцев. В местечке между Медведевым и Толстиковым гитлеровцы заставили пленных бойцов рыть траншею — могилу для самих себя. Расстреляв, немного засыпали землей, а потом пустили по траншеям, по живым еще людям, танки.

Тысячи наших бойцов и командиров погибли в концлагере возле старообрядческого кладбища. В городе были установлены десятки виселиц. Весной 1942 года на Советской площади были повешены комсомольцы-подпольщики Александр Беляков, Алексей Телешев, Владимир Новожинов, замучены и казнены Кузьма Латышев, Константин Дмитриев и их товарищи.

В доме № 49 по улице Воровского была зверски замучена семья Садовых: отец и мать расстреляны, дочь Рая, 12 лет, заколота штыком, сын Валентин, 15 лет, убит выстрелом в правый глаз, дочь Зина, 18 лет, изнасилована и задушена, дочь Катя, 5 месяцев, застрелена в висок. Подобных фактов было множество.

В акте областной комиссии о массовом уничтожении советских граждан немецко-фашистскими захватчиками в Ржеве и его окрестностях в 1941—1943 годах читаем: «В начале января 1942 года немецкий карательный отряд ворвался в деревню Воронцово Чертолинского сельского Совета. В этой деревне был убит немецкий офицер. Каратели учинили кровавые расправы над стариками и детьми. Окружив деревню, они подожгли ее со всех сторон, а жителей, которые выскакивали из горящих домов, расстреливали и бросали в огонь. Было сожжено 12 домов и убито более 30 женщин и детей».

За помощь партизанам фашисты учинили жестокую расправу над жителями села Карпово, стоящего на берегу реки Сишки, на самой границе с Оленинским районом.

Горело большое старинное русское село. Трещали пулеметные и автоматные очереди. Длинные языки огня вздымались авысь, пламя бушевало. В огненном смерче металась по деревне обезумевшие люди. Головешки и кости, обугленные бревна, печные трубы и обезображенные трупы — вот все, что осталось от богатого, привольного села.

Колокола памяти бьют в набат, взывают никогда не забывать прошлое.

Поклон солдатской вдове

Солдатские вдовы. Велик их материнский и трудовой подвиг. Их мужья, отдавшие жизнь за Родину, объединили этих женщин одной долей. Вдвойне горше была судьба вдов на многострадальной ржевской земле.

144 похоронки пришло в крестьянские избы деревень Медведевского сельсовета. И ни одна из вдов не знала мужниной могилы. В колхозном музее собраны фотокарточки, с которых смотрят на нас молодые, открытые лица. Это их мужья. Кое-кто передал в музей желтые фронтовые треугольники — письма, похоронки. А у иных и письма не осталось.

Что ни вдова, то большая горькая судьба. Сколько лиха выпало им в войну, когда в местные деревни вошли немцы. А после войны? Кто поднимал колхоз? Кто ставил спаленные избы, пахал, сеял, убирал, разводил скот?

Мужики не вернулись, а окрестные поля не уменьшились. Мужья не вернулись, а детей надо было вырастить, надо было ежегодно давать государству колхозный хлеб.

Якимово, родную деревню Александры Ильиничны Миловицкой немцы сожгли дотла в 42-м. С тремя опухшими от голода ребятами, старшему из которых было пять лет, мать жила в лесу, потом в амбаре, пока в 1951 году не перебралась в старенький, шаткий домишко в Медведево, в котором живет и поныне. Муж, Александр Яковлевич, уходя на войну, просил ее об одном: «Шура, береги ребят».

Якимово два раза переходило из рук в руки. А когда сгорел их дом, она завернула в одеяло младшую годовалую Галю и пошла к лесу. За подол держались еще двое. Немцы остановили их и погнали в сторону Оленина. Заболела тифом, металась в бреду. Потеряла Галю. Но через несколько дней нашла ее. Тиф, голод, горсти овса, сворованные в немецких конюшнях. Сколько же может выдержать человек?

... Возле братской могилы в деревне Бахмутово часто можно видеть старую женщину. Подолгу стояла она, прислонившись к березе, и смотрела на скульптуру воина. Здесь, под черным камнем, лежит ее сын Виктор. Война взяла у Прасковьи Михайловны Тихомировой и мужа, и сына. Она провожала их на ратный подвиг отсюда, из этого самого дома, на крыльце которого ждет и по сей день.

Первым ушел муж, рядовой колхозник Василий Алексеевич Тихомиров. Он пал смертью храбрых в тяжелых боях на Смоленщине под городом Ельней.

Семнадцатый год шел Виктору, когда пришла горькая весть об отце. В январе 42-го деревни на Верхней Волге освободили наши войска. Виктор шел мстить за отца. Он вступил в Красную Армию в июне 1942-го, а через несколько дней погиб в первом же бою у деревни Косачево.

Деревни этой нет на карте района. Она сметена войной. Виктор Тихомиров и еще 6 тысяч воинов, погибшие в окрестностях Бахмутова, покоятся в братской могиле.

... В Дурневском сельсовете мужиков отправляли на фронт на второй день войны. Среди других уходил и Тихменевский бригадир Егор Алексеевич Курняев. Возле телеги стояли его жена Мария и дочери — школьницы Нюра и Тамара.

В этот же день уходили на войну пятеро Машиных братьев: Василий, Степан, Михаил, Гаврила и Егор.

«Ну, с богом, тронулись», — раздался голос старшего.

«Эх, Маша, прощай в последний раз», — в сердцах сказал Курняев, скомкал в руках кепку-шестиклинку, обнял жену, поцеловал детей и отвернулся, чтобы скрыть слезы. Заклубилась пыль под колесами, заголосили бабы, побежали за телегами ребятишки.

Не видела больше Мария Михайловна своего мужа. Прошел Егор Алексеевич дорогами войны долгих четыре года. Остался навечно лежать под городом Берлином.

Сложили голову за землю русскую ее братья — богатыри Василий, Степан, Михаил и Егор. Стоят им памятники на чужой и на нашей земле.

... Тяжелее всех было в войну беременным и матерям с грудными детьми. Когда муж Анисьи Тимофеевны Шариковой ушел на фронт, на руках у нее осталось шестеро. Самому старшему — Мише — шел восьмой год, а младшая Зина еще не родилась. Помощи матери ждать было неоткуда.

А как счастливо жили они до войны. В доме с утра до вечера слышались веселые голоса детворы. Анисья Тимофеевна была свинаркой, не раз получала Почетные грамоты. Жили в достатке. А хлеба-то какие пекли! На все Голяково самые вкусные пшеничные караваи были у Шариковых. Все смела, искалечила война.

В октябре 1941-го в деревню ворвались немцы. Беременную мать с детьми выгнали на улицу. Страшная зима 1941-42 года. В тифозном бреду метался и умер на руках у матери трехлетний Сережа. С опухшими от голода ребятишками жили в лесной землянке, в сарае.

В 43-м деревню освободили наши войска, а в 44-м пришла похоронка: «Ваш муж, рядовой Михаил Осипович Шариков пал

смертью храбрых у деревни Максимовка Полтавской области и похоронен в братской могиле».

Вернулась мать в сожженную деревню. Как жить? Ходила с ребятами по миру, просила милостыню по деревням.

Сколько горя, слез и унижения выпало на ее долю. Все вынесла. День Победы 9 мая 1945 года встретила в поле, вместе с другими вдовами таскала в то утро борону.

... Вернулись домой уцелевшие мужики. Но не было никаких вестей о судьбе Чертолинского колхозника Дмитрия Кудряшова. А жена его Шура все ждала, ждала. Ждала, и каждый день выходила на Торопецкий большак.

И вот однажды, уже осенью 1945 года, к ее дому подъехала телега. Что есть духу вместе с ребятами выскочила она на крыльцо, бросилась к повозке и остановилась, как вкопанная.

Весь искалеченный, с изуродованным лицом, без ног и без руки лежал на телеге человек, совсем не похожий на ее красивого, статного мужа.

«Здравствуй, Шура. Аль не признаешь меня? В дом-то примешь или нет?»

Только хлынул поток горьких слез, и не было больше никаких слов. Полгода пролежал в горнице родного дома гвардии сержант — минер Дмитрий Кудряшов. Дети и жена не отходили от него, как смогли скрашивали его страдания. Он умер весной первого послевоенного года и похоронен на сельском кладбище.

... Нельзя без волнения и переживания говорить о солдатских вдовах, нельзя не преклоняться перед их человеческим мужеством и душевной красотой. У каждой из них своя незалечимая боль. Но и среди них есть женщины-матери, судьбы которых особенно трагичны.

Такова судьба Ирины Фоминичны Смирновой. До войны она жила в деревне Сенцово Оленинского района. Вместе с мужем, Александром Никитичем, работала в колхозе. Было у них четверо детей: три сына и дочь. И вот началась война. Муж ушел на фронт и пропал без вести. Во время одного из воздушных налетов на глазах у матери оторвало руки старшему сыну — восьмилетнему Алексею. В 42-м от голода умерла четырехлетняя Аня. До последней минуты она была в сознании и мать слышала слова: «Мамочка, я есть хочу, хлеба бы немножко. . .». Но хлеба взять было негде.

Хлеб — великое и святое слово, с которым у людей, переживших войну, навсегда будут связаны самые сильные воспоминания. Иринья Фоминична никогда не сможет забыть тот осенний день 41-го года, когда она несла хлеб партизанам. Фашисты схватили ее и повели на расстрел. Поставили к стене избы и хладнокровно стали целиться из наганов. С нечеловеческим криком выскочила из дома мать мужа и заслонила собой невестку. Обе женщины упали. Пуля прострелила Иринье Фоминичне руку. Шрам от этой раны каждый раз напоминает ей об ужасах войны.

У ВЕЧНОГО ОГНЯ (Заключение)

Будем же ставить памятники
Всем, кто победил в той войне.
Из мрамора, из бетона, из бронзы.
Из самого вечного материала —
Из человеческого слова.

Вячеслав Кондратьев.

Послевоенный Ржев — это новый город с населением 70 тысяч человек. Украшавшие город до войны купеческие особняки, интересные по архитектуре общественные здания, около двух десятков соборов и церквей почти полностью уничтожены. Обращают на себя внимание только здание госбанка, построенного в начале XX века на средства миллионера Рябушинского, Оковецкая церковь — памятник архитектуры первой четверти XIX века, Вознесенский собор, восстановленный православными верующими в 1988—1989 гг., а также Покровская старообрядческая церковь, единственная старообрядческая церковь в области. Самой ранней постройкой в Ржеве является усадебный дом купцов Немиловых — он построен в 80-е годы XVIII века.

И тем не менее Ржев в 1985 году был включен Министерством культуры Российской Федерации в дополнительный список древних городов России, являющихся памятниками национальной культуры.

Ржев, расположенный на высоких крутых берегах великой русской реки Волги в 200 километрах от ее истока, является хозяйственным центром давно освоенного района. Первыми обитателями края были угро-финские племена — меря. Приток реки Бойни до сих пор называется Мерской. Все крупные реки носят не славянские названия: Волга, Вазуза, Осуга, Туд, Коша, а маленькие речки называются по-славянски: Белейка, Чернейка, Сижка, Гостижка, Избижка, что говорит о том, что угро-финские племена расселялись на берегах крупных рек далеко друг от друга и занимались охотой и рыболовством, а берега маленьких речек распаханы во второй половине 1-го тысячелетия новой эры уже славянами из племени кривичей. Существует версия, что название города происходит от слова ржаной, так как основной злаковой культурой края в те далекие времена являлась рожь.

По данным словаря Брокгауза и Ефрона история Ржева насчитывает более девяти столетий. В XI-XII веках Верхняя

Здание госбанка, построенное в 1912 г.

Волга входила в состав Смоленского княжества. Развитие Ржева было связано с великим Волжским водным путем. В период феодальной раздробленности город, располагавшийся на стыке Смоленского, Новгородского, Владимиро-Суздальского, а позднее — Тверского и Московского княжеств, неоднократно переходил из рук в руки. И первое прямое упоминание Ржева в летописи под 1216 годом связано с феодальной войной, когда торопецкий князь Мстислав Удалой снял с ржевского кремля осаду владимиросуздальцев, гнал их до Зубцова, где разбил их и присоединил к своим владениям Зубцов. В руках ржевско-торопецкого князя оказались водные пути к Днепру — через реку Вазузу, к Балтике — через Западную Двину и к Великому Новгороду — через озеро Селигер.

Долгое время Ржев назывался Володимировым по имени легендарного князя Владимира, защищавшего город, как гласит легенда, записанная в 70-х годах XIX века со слов 90-летней ржевлянки, не только при жизни, но и после смерти.

Весной 1238 года Ржев был razорен татаро-монгольскими ордами, возвращавшимися из Новгородских земель на юг. В 1242 году через Ржев шел с дружиной Александр Невский, чтобы возглавить поход новгородцев против немецких рыцарей.

В XIV веке князь Федор Ржевский передал свой удел Москве и вместе с сыновьями перебрался в Москву. Но Ржев еще неоднократно захватывался Тверским и Литовским княжествами. В Куликовской битве 1380 года под знаменами Дмитрия Донского сражалась и дружина ржевичей. Почти полностью погибла она вместе с князем Родионом Федоровичем на поле Куликовом.

В конце XV века сыновья князя Бориса Волоцкого, сына великого московского князя Василия II Темного, поделили Ржев на две части: князь Федор Борисович получил часть города, лежащую на левом берегу Волги (она долго называлась «князь — Федоровской стороной»), а князю Ивану Борисовичу досталось правобережье Волги; Иван, умерший бездетным в 1503 году, завещал свою часть города сыну великого князя Ивана III-го Дмитрию, отчего правобережье и называлось «князь — Дмитровской стороной». После смерти в 1521 году князя Дмитрия закончилась отдельная история Ржева. Князья Ржевские утратили княжеский титул, дворянские гнезда Ржевских в XIX веке были разбросаны по 9 губерниям центральной России.

Вознесенский собор.

В 1613 году город осадили войска польского пана Лисовского. В ожесточенном сражении на правом берегу Волги, когда ручей, протекавший через нынешнюю базарную площадь, «потек кровью», ржевитяне отстояли кремль, расположенный на высоком левом берегу Волги. На месте битвы они поставили часовню Спаса, а главную улицу в честь этого события назвали Большой Спасской (теперь улица Коммуны). С 1613 года до октября 1941 года, когда в Ржев ворвались немецко-фашистские оккупанты, 328 лет нога иноземца не ступала на ржевскую землю. Ржевский кремль, утративший свое оборонное значение, разрушился. Здесь, на высоком холме, был построен в 1754 году грандиозный Успенский собор, уничтоженный во время Великой Отечественной войны.

В XVIII — XIX веках Ржев являлся значительным экономическим центром. В нем было около 5 тысяч дворов, более 20 предприятий, которые в конце XVIII века вырабатывали продукции в год более чем на 100 тысяч рублей. В городе на основе местного сырья быстро развивалась льнообрабатывающая, кожевенная, лесопильная промышленность, а также торговля, ежегодный оборот которой к началу XIX века составлял более одного миллиона рублей.

Железные дороги на Торжок и Вязьму и Москва-Рига превратили Ржев к началу XX века в железнодорожный узел и усилили его роль как промышленного и торгового центра края. Росла культура, в городе размещались мужская и женская гимназии, епархиальное училище. В 1875 году был открыт драматический театр.

Ржев славен именами выдающихся изобретателей, писателей, просветителей. Среди этих имен одно из первых — имя изобретателя-самоучки и химика Терентия Ивановича Волоскова (1729—1806 гг.), портрет которого можно увидеть в Государственном историческом музее в Москве. Его краски в России использовались для печатания бумажных денег, в 1851 году они получили официальное мировое признание — бронзовую медаль на Всемирной выставке в Лондоне. Уникальные часы, созданные Волосковым за 11 лет упорного труда, изображали картину неба и давали возможность узнать положение Солнца, Луны, отсчитывали год, месяц, число и дни, часы, минуты, секунды. Т. И. Волосков был просвещенным человеком и собрал самую крупную в городе библиотеку.

В XIX веке дело Т. И. Волоскова продолжил Алексей Павлович Давыдов (1828—1904 гг.), прогрессивный ученый и изобретатель, занимавшийся автоматизацией сложных и точных процессов.

Покровская старообрядческая церковь.

Один из красивых зеленых уголков на левом берегу Волги ржевляне до сих пор называют «Филипповой дачей». На этой даче, неоднократно бывая в Ржеве, жил у известного государственного и общественного деятеля, большого знатока и ценителя фольклора Тертня Ивановича Филиппова (1826—1899 гг.) драматург Александр Николаевич Островский. Островский внимательно изучал быт и нравы старообрядческого купеческого Ржева. Многие из увиденных им здесь житейских сцен были запечатлены в пьесах «Гроза» и «На бойком месте». Имя Островского носят улица и центральная городская библиотека.

Т. И. Филиппов являлся председателем песенной комиссии, сам много пел. В 1882 году сборник из 40 народных песен, записанных Филипповым в основном в Ржеве, композитор Римский-Корсаков положил на ноты. Филиппов высоко ценил композиторов, был со многими в дружбе, помогал М. А. Балакиреву, Н. А. Римскому-Корсакову, М. П. Мусоргскому.

В 1987 году, в канун Первомайских праздников, на центральной усадьбе колхоза «Красная Итомля», рядом с музеем истории народного образования Ржевского района как дань памяти народным учителям была открыта скульптурная композиция тверского скульптора, члена Союза художников СССР Е. Антонова «Народный учитель и крестьянский мальчик». В нескольких километрах отсюда, в селе Мологино, более 200 лет трудилась на ниве просвещения ржевская ветвь династии учителей Раменских, которая дала нашему народу более 200 учителей. Раменские — это славная частичка истории нашей Родины. Они были связаны с народом и со многими нашими великими соотечественниками — А. Н. Радищевым, Н. М. Карамзиным, А. С. Пушкиным, И. И. Левитаном, Софьей Перовской, Ильей Николаевичем, Дмитрием Ильичем и Марией Ильиничной Ульяновыми, В. И. Лениным.

Под Ржевом, в имении Клепенино, в 1863 году родился выдающийся ученый-геолог и писатель, автор фантастических книг «Плутония», «Земля Санникова» и других, герой Социалистического Труда академик Владимир Афанасьевич Обручев. В конце прошлого века Клепенино принадлежало выдающемуся физиологу И. М. Сеченову, женившемуся на тетке В. А. Обручева М. А. Обручевой.

Любимой малой родиной навсегда осталось имение Чертолино для генерал-лейтенанта Советской Армии, бывшего графа и царского военного атташе во Франции Алексея Алексеевича

Памятник народному учителю в селе Итозжа.

Игнатьева (1877—1954 гг.), автора широко известных мемуаров «50 лет в строю».

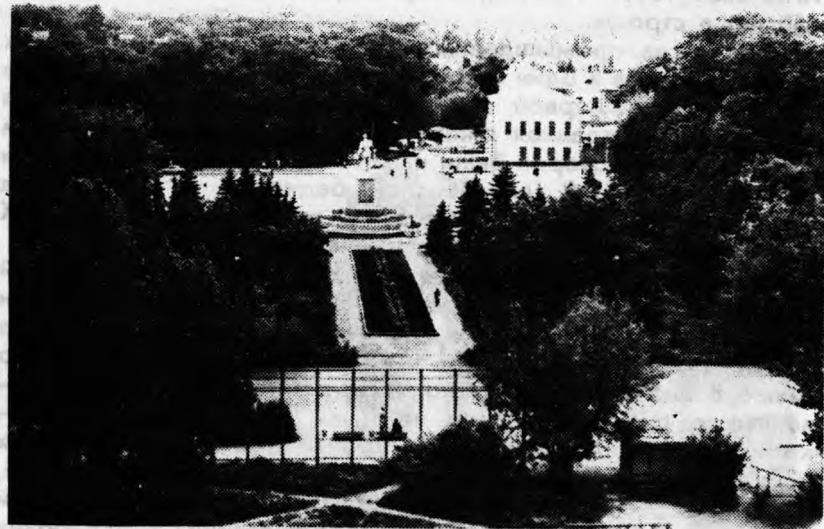
Рост числа промышленных и железнодорожных рабочих превратил Ржев в один из революционных центров Тверского края. В годы первой российской революции подпольная типография, созданная ржевлянином Евгением Комаровым в 1902 году, в которой были напечатаны работы В. И. Ленина «Что делать?», «К деревенской бедноте» и «Платформа большинства», являлась некоторое время типографией ЦК партии большевиков.

Первая мировая война превратила Ржев в шумный военный лагерь, так как здесь сосредотачивались тыловые части Западного фронта, достигавшие иногда численности до 30 тысяч солдат и офицеров. С 1915 года в Ржеве проживало более 8 тысяч латышей и поляков, работавших на эвакуированных с оккупированного немцами запада фабриках, — колодочной и музыкальных инструментов. Среди военных и беженцев было много революционно настроенных людей, принявших активное участие в Февральской и Октябрьской революциях. С конца августа 1917 года Ржевский Совет рабочих и крестьянских депутатов стал большевистским, председателем его был избран коммунист А. Г. Алексеев.

Ржевские большевики, в основном, военные, были активными участниками Октября. Делегатами Второго Всероссийского съезда Советов стали посланцы Ржевского уездно-городского Совета — большевики И. Бодяшин, К. Жегунов, С. Иоффе, М. Орлов. Двое из них — прапорщик Иван Харитонович Бодяшин и крестьянин Кондрат Григорьевич Жегунов выступили на этом съезде, проходившем в Смольном. Эти выступления описаны в знаменитой книге американского писателя и революционера Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир». Крестьянин К. Г. Жегунов вернулся из Петрограда членом ВЦИК.

На реконструированной площади Революции в канун 70-летия Октября был открыт монумент делегатам II-го Всероссийского съезда Советов, созданный по проекту скульптора Е. Антонова.

В годы гражданской войны из Ржева во все концы страны направлялись отряды Красной Армии, сформированные военкоматом. Первым военкомом Ржева был любимец красноармейцев и ржевлян, делегат III-го Всероссийского съезда Советов В. В. Грацинский. Он погиб 2 сентября 1918 года на Восточном фронте, под Казанью, тело его было привезено

Советская площадь.

Площадь Революции.

с фронта в Ржев. 11 сентября 1918 года состоялись похороны, был прислан венок из Москвы, от ВЦИК. В первую годовщину Октября на его могиле состоялось открытие памятника, выполненного по проекту ржевского архитектора Чупятова. Уютный сквер на берегу Волги в центре города, где высится трехметровая колонна на могиле первого ржевского военкома со следами снарядов последней войны, и улица на правой стороне Волги носят имя Грацинского.

За годы довоенных пятилеток Ржев стал крупным промышленным и культурным центром Верхневолжья. К 1941 году его население составляло около 60 тысяч человек. После освобождения на месте цветущего волжского города остались развалины. 3 марта 1943 года явилось точкой отсчета новой истории города.

Вид на Обелиск и Захолынский микрорайон.

«Мы возродим тебя, родной Ржев» — эти слова, начертанные на одном из уцелевших зданий летом 1943 года, стали девизом жизни ржевцев на протяжении нескольких десятилетий. И город поднялся из пепелищ и развалин, обняв Волгу каскадом современных многоэтажных домов, воздвиг корпуса

новых мощных заводов и комбинатов, стал вторым после Твери промышленным и культурным центром Верхневолжья.

Более двадцати промышленных предприятий Ржева дают стране разнообразную продукцию: модульные высотные краны и электронное сварочное оборудование, стартеры для дизельных двигателей и металлорежущие станки, механизмы для строительных работ, ковры, стройматериалы, льнопродукцию и многое другое.

Широкую известность в нашей стране и за рубежом получил так называемый «Ржевский эксперимент» по ускоренному строительству на примере красностроительного завода. Эта небывалая по масштабам ускорения стройка символически названа журналистами двух Всесоюзных летучек «ржевским прорывом», ведь как раз на этом месте летом и осенью 1942 года шло невиданное по потерям и героизму наших бойцов сражение.

Панорама новых цехов краностроительного завода.

Жилой микрорайон краностроителей.

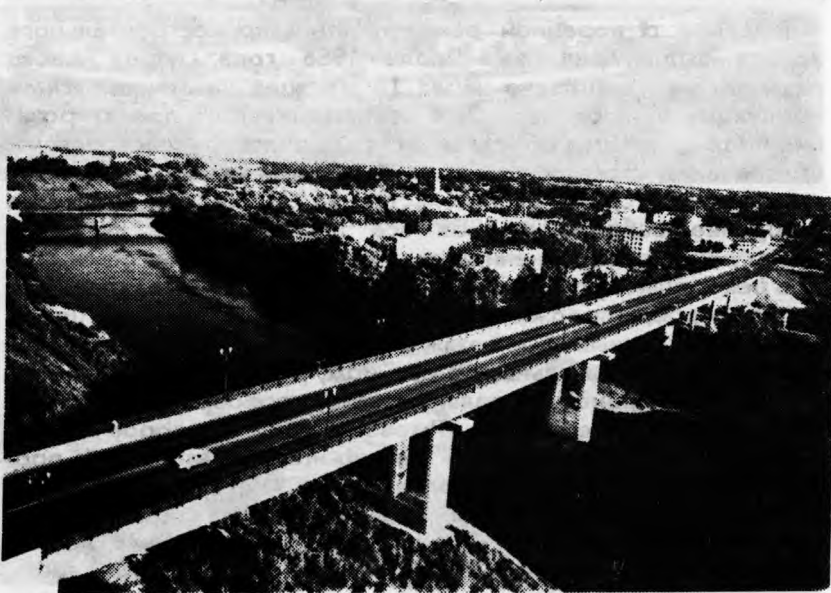

Генеральный директор производственного объединения «Ржевбашкран» В. Т. Степанченко.

Решение о коренной реконструкции краностроительного завода было принято в июле 1986 года, через месяц развернулись работы, а через 14 месяцев начали выпускать продукцию в новом цехе. За счет параллельного проектирования и строительства объектов, непрерывного финансирования, обеспечения стройки социальной сферой удалось сократить нормативные сроки строительства на 24 месяца. Ржевское ускорение вобрало в себя все прогрессивные решения, действующие в разрозненном виде на многих стройках страны.

В рекордные сроки построены новый цех, мощная котельная, первая очередь водозабора с фильтровальной станцией, целый городок отличных 5-7-9-этажных жилых домов, школа на 1300 мест с плавательным бассейном, детский сад.

Ржевский краностроительный завод преобразован в производственное объединение «Ржевбашкран», в которое входят, кроме завода, Всесоюзный научно-исследовательский проектно-конструкторский технологический институт с филиалом в Петербурге, экспортно-импортная и торговая фирма. Сейчас объединение дает более тысячи высотных башенных кранов в год, которые поступают на внутренний и внешний рынок, началось изготовление грузовых лифтов. В «Ржевский эксперимент» большой вклад вносит генеральный директор ПО «Ржевбашкран» Валентин Титович Степанченко.

Новый мост через реку Волгу.

Два других крупных предприятия — ПО «Электромеханика» и завод автотракторного электрооборудования производят стальное точное литье, сварочное оборудование, стартеры для грузовых и легковых автомобилей и другие изделия.

Большим спросом в области и за ее пределами пользуются ржевские товары народного потребления: шерстяные и синтетические ковры, мебель, стиральные машины «Серебрянка», гаражи для легковых автомобилей и многое другое.

В Ржеве широко развита сеть предприятий легкой и пищевой промышленности: льнозавод, льночесальная фабрика, комбинат жаккардового ткачества, швейная фабрика, мясокомбинат, пивоваренный завод, хлебозавод, маслозавод. В районе построена бройлерная фабрика мощностью на 6 миллионов цыплят в год. Ржевский комбинат хлебопродуктов обслуживает несколько районов области.

В городе и районе действует целая сеть предприятий стройиндустрии, в том числе завод дренажных труб, комбинат строительных конструкций, комбинат нерудных материалов. Ведется строительство домостроительного комбината. Если жилищное строительство пойдет и дальше такими же темпами, как в 1988—1990 годах, когда ежегодно сдавалось свыше 50 тысяч квадратных метров жилья, есть надежда, что к двухтысячному году острота жилищной проблемы в городе будет снята.

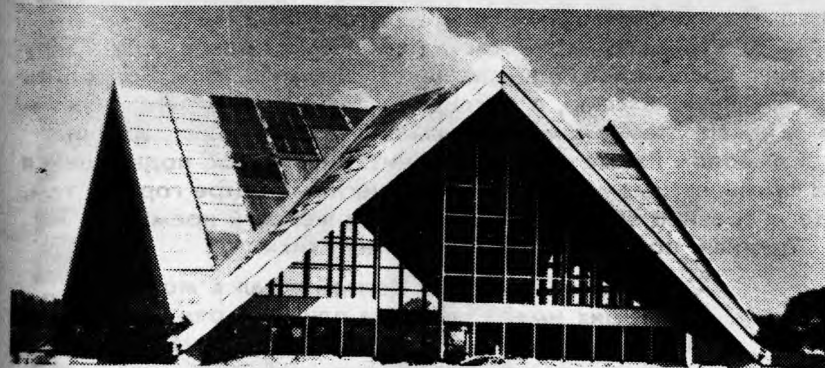
С каждым днем растет и благоустраивается орденоносный Ржев. Быстро развивается показательный Захольинский микрорайон. В последние годы город украсили новый волжский мост, вставшие как сторожевые башни на крутом волжском берегу у начала моста высотные здания гостиницы и АТС на 10 тысяч номеров, парк Победы, заложенный на пустыре в старой части города. В ближайшие годы Ржев украсят новые здания: автовокзал, крытый рынок, Дом быта, Дворец бракосочетаний, школы, больницы, физкультурно-оздоровительные комплексы.

Несколько лет руководство и общественность города и области ведут борьбу с проектом затопления Верхней Волги. В 1987 году было приостановлено уже начавшееся строительство Ржевского гидроузла, который дал бы отсрочку решению проблемы обеспечения водой Москвы, где «текут» от 33 до 66 процентов квартир и общая потеря воды составляет от 20 до 30 процентов, только на 10—12 лет. Из сметной стоимости строительства в 230 миллионов рублей уже было освоено более 25 миллионов рублей. Вырублен лес на площади 115 гектаров, планируется вырубить еще около 8 тысяч гектаров леса,

Новая гостиница.

затопить 33 населенных пункта, перенести около 80 животноводческих ферм и производственных помещений. В целом затопление обошлось бы в 5 миллиардов рублей в ценах конца 80-х годов.

Крытый рынок.

Требование о прекращении строительства звучало на всех уровнях, вплоть до трибуны XIX Всесоюзной конференции КПСС.

Ущерб, который понесет природа в результате затопления Волги под Ржевом, трудно оценить. По заключению группы ученых Ржевский гидроузел «...уничтожает собой последнюю на Волге речную экосистему протяженностью 400 километров, где еще сохранились пока редкие виды ихтиофауны (угорь, минога, хариус), плодородные прибрежные поймы, заливные луга и ценнейшие в Волжском бассейне сосновые леса».

Население Верхней Волги, где она остается еще рекой, а не системой водохранилищ, активно выступает против строительства гидроузла. «Не хотят понимать нас и наши чувства те, кто задумал погубить Волгу, — говорил корреспонденту ТАСС ветеран войны, бывший колхозник А. Д. Калинин. — Разве ж мыслимое дело — Россия без Волги? Лично мне Волга дорога вдвойне. Именно здесь, на берегу реки, я похоронил своего сына — гвардии подполковника, заместителя командира десантного полка, погибшего в Афганистане. Да разве смогу я спокойно смотреть на то, что под водой останутся это место и те заветные уголки, где он бегал босоногим мальчишкой...

Наверное, только враги могут так издеваться над его памятью и тысяч других наших солдат, героически державших оборону на ржевских рубежах в годы войны. Так неужели мы не отстоим свою землю от новой напасти? Каждый метр его полит солдатской кровью. А сколько еще не найдено безымянных могил? ! И все это под воду? Нам этого никогда не простят уральцы и сибиряки, чьи отцы и деды лежат здесь...».

Многострадальная ржевская деревня, разделяя судьбу страны, после войны понесла невосполнимый урон. Возродить центральную Россию, в последние годы называемую российским нечерноземьем, можно только с возрождением деревни.

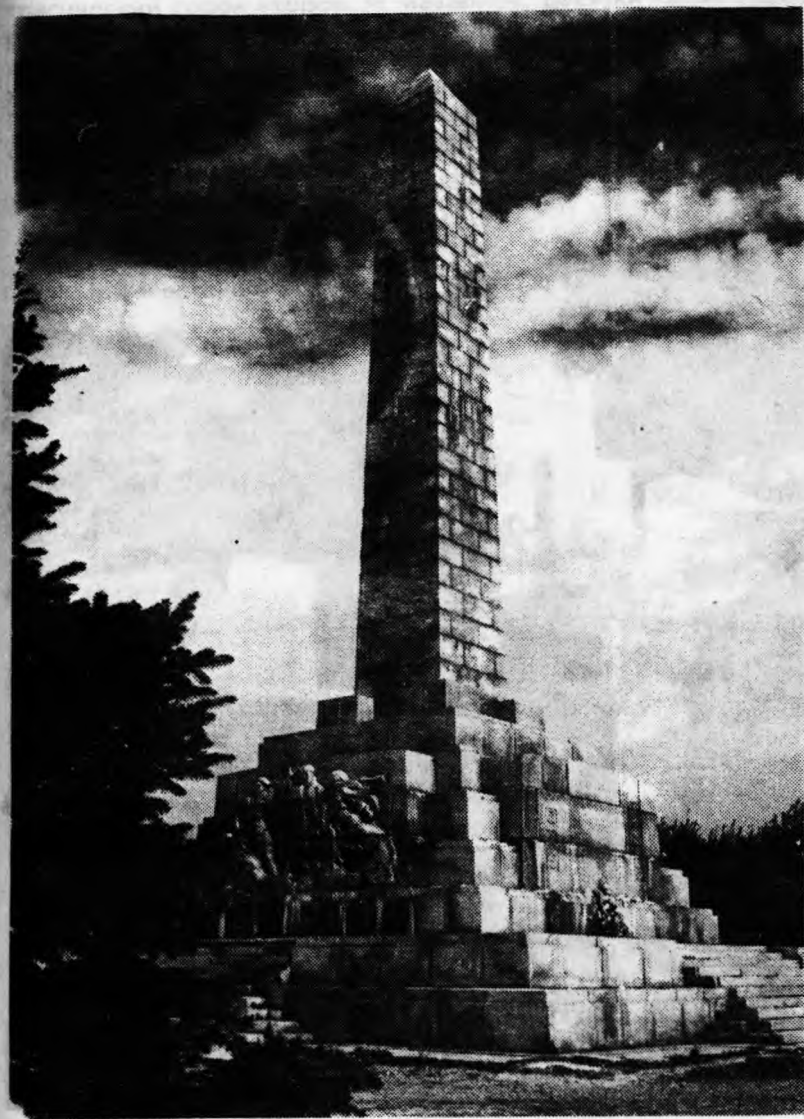
Символом Ржева является гранитный обелиск, поднявшийся на самом высоком холме в историческом центре города, там, где в древние времена возвышался ржевский кремль.

Местный поэт С. Смирнов написал стихи:

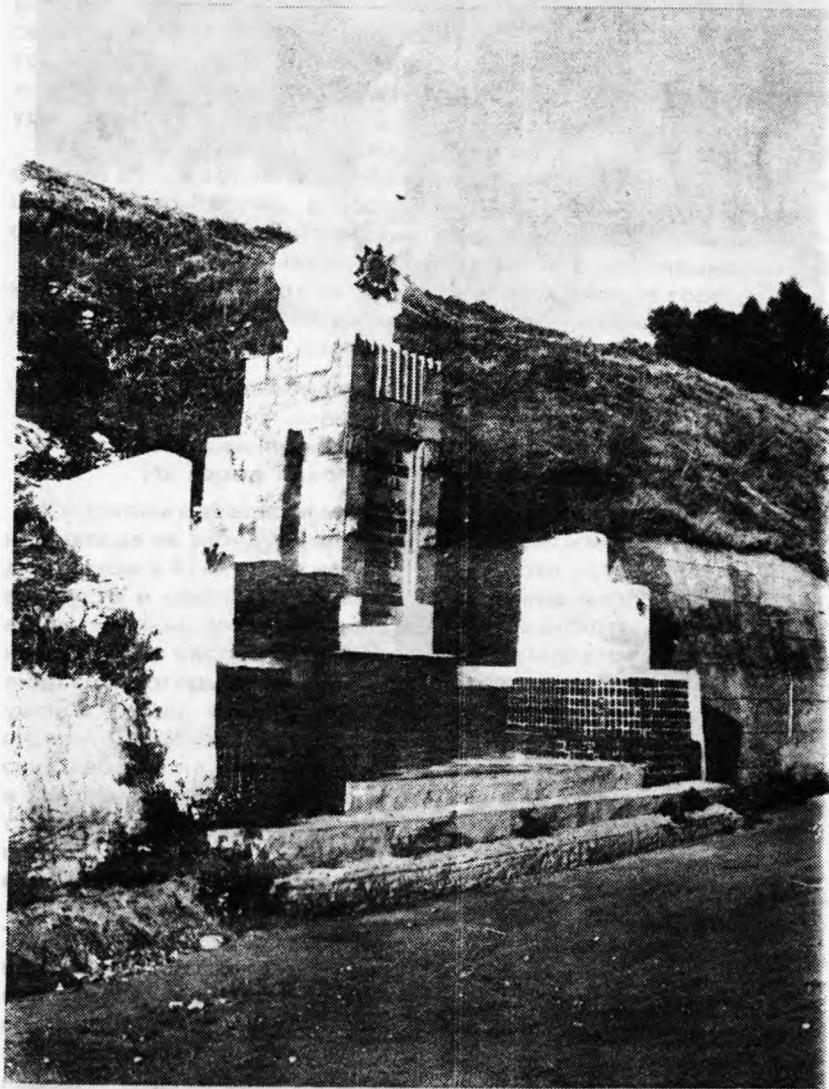
Суровый обелиск над Волгой встал в молчаньи,
Погибших имена легли на плитах в ряд.
Живыми помнят их друзья-однополчане,
Их город никогда не должен забывать.

У подножия обелиска могила неизвестного солдата. Ржевитяне никогда не забудут тех, кто в самые трагические для Родины дни, летом в 42-м стоял насмерть и погибал у стен Ржева. Тогда, в августе и сентябре 1942 года, Ржевское направление было единственным участком советско-германского фронта, где наши войска наступали. Но это наступление стоило громадных людских потерь. Из-под Ржева десятки тысяч «похоронок» ушли в города, села, деревни во всех уголках нашей огромной страны. Скорбным эхом отзывались они в сибирских крестьянских избах и на уральских заводах, и в среднеазиатских аулах и кишлаках. Нет, наверное, такой области, такой республики, такого города в нашей стране, чьи сыновья не лежали бы в ржевских братских могилах. И отовсюду их родные и близкие едут поклониться памяти павших.

В городе и районе таких могил 42. В них покоится прах более 72 тысяч, названных поименно и десятки тысяч, оставшихся неизвестными. Конечно, каждый год открывает нам новые и новые имена героев битвы за Ржев. Вот нашли несколько солдатских медальонов мелиораторы. Строители дороги к знаменитому Кокошкину подняли пласт и увидели останки нескольких незахороненных бойцов. Археологи, ведя раскопки в районе Титова Бора, то и дело встречали безвестные захоронения. Безусловно, будут и еще установлены имена сотен солдат и офицеров, сражавшихся за Ржев.

Памятник-обелиск, установленный в 1963 году.

Памятник в честь освобождения Ржева, установленный 3 марта 1944 г.

Но время стремительно и неумолимо отодвигает от нас трагический сорок второй. И, наверное, десятки тысяч героев ржевского сражения, числящихся по обидному разряду без вести пропавших, так и останутся в веках неизвестными. Пусть же их пепел и прах всегда неумолчно стучится в наших сердцах. Пусть каждое следующее поколение узнает голос неизвестного солдата, озвученный великим Твардовским:

Я убит подо Ржевом,
В безымянном болоте.
В пятой роте, на левом,
При жестоком налете.

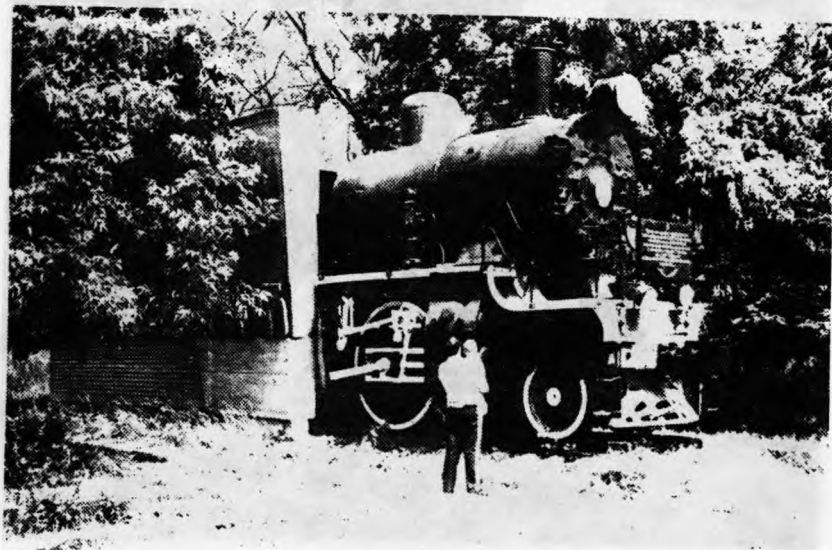
Фронт горел, не стихая,
Как на теле рубец,
Я убит, и не знаю,
Наш ли Ржев, наконец.

Площадь Мира.

Памятник-самолет.

Памятник-паровоз в память погибших ржевских железнодорожников.

Памятник-пушка.

С годами Ржев все больше превращается в город-памятник солдатам Великой Отечественной. На его улицах и площадях стеллы, обелиски, памятники боевой славы. На автострате Москва — Рига возле деревни Звягино величественный мемориал памяти жертвам фашизма.

Никогда не померкнут в памяти ржевлян, будут служить примером для новых и новых поколений бессмертные подвиги летчика лейтенанта Макарова, генерала Соколова, танкиста Ештокина, политрука Моисеенко, комбата Капельмана, артиллериста майора Ильиченко, рядового пехотинца Прыткова, десятков тысяч названных поименно и безвестных героев, участников битвы за Ржев.

Более 20 тысяч ржевлян сражались на фронтах войны. Почти половина из них погибла. Семнадцать стали Героями Советского Союза, трое — полными кавалерами ордена Славы. За большой вклад в нашу Победу Ржев награжден орденом Отечественной войны 1 степени. Это награда всем, кто сражался и погиб у стен древнего русского города Ржева.

СОДЕРЖАНИЕ

I. ОТ АВТОРОВ	5
II. К ЗАПАДУ ОТ РЖЕВА	
«Мы покидали город на рассвете...»	10
Через огненный коридор	18
Окружение	28
На прорыв	38
Трудная весна	47
III. «ФРОНТ ГОРЕЛ, НЕ СТИХАЯ...»	
Перед штурмом	55
На главном направлении	63
От Держи к Вазузе	75
Огненный смерч	86
В городских кварталах	97
IV. В ОБОРОНЕ И НАСТУПЛЕНИИ	
Осенний штурм	106
Трудные испытания	111
Накануне	115
Ржев свободен	123
V. НЕ ПОМЕРКНЕТ НИКОГДА	
(О героях битвы за Ржев)	135
Умирать со славой	136
В атаку вел генерал	139
Цена мгновения	142
В небе над Воскресенским	144
До последнего вдоха	147
Бессмертный батальон	150
Он погиб подо Ржевом	152
Сражались уральцы	155
Бой местного значения	158
Судьба Космарихи	160
На берегах Бойни	162
Два ордена танкиста Ештокина	167
Сокрушительный залп	172
Комиссар	175
По примеру старшего брата	177
Комдив	180
Сержант жертвует собой	183

Воевал иступленно	185
Все помнит деревня Полунино	187
Окопная правда	192
Бросок через Волгу	195
Атакуют Береговой	201
Над родным городом	204
Герой — отец героя	207
Через сорок четыре года	210
Стоял насмерть	213
Солдаты милосердия	218
Бой вели ржевляне	224
Фронтовые будни	230
В бессмертье отдает приказ	238
На всю оставшуюся жизнь	242
Колокола памяти	247
Поклон солдатской вдове	251
VI. У ВЕЧНОГО ОГНЯ (ЗАКЛЮЧЕНИЕ)	255

ЛР № 020324

Ладыгин И. З., Смирнов Н. И.

На Ржевском рубеже

Верхневолжская ассоциация периодической печати

Сдано в набор 6.06.92 г. Подписано в печать 9.09.92 г.

Печать офсетная. Печ. л. 17,5. Зак. № 435

Тираж 15 000. Цена свободная

Издано предприятием «Журналист».

Отпечатано в Ржевском производственном полиграфическом объединении

ISBN-5-88 058-008-3